

ФАКТЫ ЕГО БИОГРАФИИ

ЛЮДМИЛА АБРАМОВА О
ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ

Любимый мой папа
 В поездке не было никакой
 возможности для написания -
 treno, и основные были корот-
 кие. У нас две сестры, а
 мой дядя и все остальное
 все заранее великодержавные
 казахским шовинизмом правдо.
 можно научиться и кое-то го-
 мить. После каждого слова
 они ставят букву м и ири-
 мер казахм, вышло, где
 только сегодня, и я тебе пос-
 мы будем жить, и я тебе пос-
 лал телеграмму. Гостиница
 "Казахстан" - самая шикарная
 гостиница в войсковой полу-
 торце. Здесь даже бакареи

КА-18

Куда Москва 440
 Беговая аллея 3
 кв 186
 Кому Абрамовой
 Л. В.
 Адрес отправителя: Алма-Ата
 гост. Казахстан 440
 Вязовскому, В.

ФАКТЫ ЕГО БИОГРАФИИ

ЛЮДМИЛА АБРАМОВА О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ

Издательский центр «Россия молодая»
Москва — 1991

ББК 85.334.3(2)7
А16

На обложке — Владимир Высоцкий и Людмила Абрамова.

Декабрь 1965 г. Фото Е. Шиткина

Абрамова Л. В., Перевозчиков В. К.

А16 · Факты его биографии.— М.: Издательский центр «Россия молодая», 1991.— 111 с.; ил. + вклейка.
ISBN 5—86646—003—3

В основу книги об известном советском актере, певце и поэте Владимире Высоцком (1938—1980) легли воспоминания Людмилы Абрамовой — его жены и друга.

Рассчитана на широкий круг читателей.

А 47000000Q0—01 Без объявл.
Россия молодая — 1991

ББК 85.334.3(2)7

ISBN 5—86646—003—3

- © Людмила Абрамова, 1991.
- © Интервью и составление Валерия Перевозчикова, 1991.
- © Издательский центр «Россия молодая», 1991.

Л. В. Абрамова родилась 16 августа 1939 года. Закончила ВГИК в 1963 году (мастерская М. Ромма). Дебютировала как киноактриса в фильме «713-й просит посадку» (Ленфильм, 1962 год). Снялась в фильмах: «Восточный коридор» (Беларусьфильм, 1967 год), «Не жить мне без тебя, Юсте» (ЦТ, 1969 год).

С 1961 по 1968 год — жена Владимира Семеновича Высоцкого, мать двух его сыновей. Аркадий родился в 1962, Никита — в 1964 году.

Сейчас Людмила Абрамова работает художественным руководителем Дирекции по созданию музея В. Высоцкого.

Это главные события в ее жизни — все остальное она расскажет сама... Перед вами еще одна книга о Владимире Высоцком, но эта книга — факт биографии Людмилы Абрамовой.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Кто знает и помнит

Два интервью Людмилы Абрамовой 5

Люсик! Это опять я!

Письма Владимира Высоцкого к Людмиле Абрамовой 47

Береги себя и наше потомство

Дети Высоцкого 87

Вместо послесловия

110

КТО ЗНАЕТ И ПОМНИТ

ДВА ИНТЕРВЬЮ ЛЮДМИЛЫ АБРАМОВОЙ

— История нашего знакомства... Очень долгое время, пока в это не вмешался некий Абычев, она казалась мне замечательной и даже судьбоносной. И Володя сам ее много раз рассказывал. А сейчас мне очень трудно об этом говорить...

Но если следовать фактам, то это было так. Мне предложили — практически без проб — войти в картину «713-й просит посадку». Актриса, которая там работала, отказалась. Я поехала в Ленинград: снималась в Ленинграде в первый раз, но была не в первый, и у меня там было много хороших и интересных знакомых. Поехала с удовольствием, и все мне в Ленинграде страшно нравилось: студия, гостиница... Снималась! В кои-то веки вгиковцам официально разрешили сниматься! Оформить-то меня оформили, но пока поставят на зарплату, пока то, пока се... А попросить аванс — тогда и в голову не приходило. Денег не было: то небольшое, что имела, я проела в первые два дня. А уже самые последние деньги истратила в ресторане гостиницы «Европейская», в «восточном» зале. Истратила в такой компании: художник Гера Левкович, драматург Володин, актер Карасев — в общем приятная, дружеская, милейшая компания. Главным образом мы ели — не такие уж мы были пьющие люди. Просто хорошо наелись.

Поздно вечером я поехала в гостиницу, ребята меня провожали. У каждого оставалось по три копейки, чтобы успеть до развода мостов переехать на трамвае на ту сторону Невы. А я, уже буквально без единой копейки, подошла к гостинице — и встретила Володю.

Я его совершенно не знала в лицо, не знала, что он актер. Ничего не знала. Увидела перед собой выпившего человека. И пока я думала, как обойти его стороной, он попросил у меня денег. У Володи была ссадина на голове и, несмотря на холодный

дождливый ленинградский вечер, он был в расстегнутой рубашке с оторванными пуговицами. Я как-то сразу поняла, что этому человеку надо помочь. Попросила денег у администратора — та отказала. Потом обошла нескольких знакомых, которые жили в гостинице, — безрезультатно. И тогда я дала Володе свой золотой перстень с аметистом — действительно старинный, фамильный, доставшийся мне от бабушки.

С Володей что-то произошло в ресторане, была какая-то бурная сцена, он разбил посуду... Его собирались не то сдавать в милицию, не то выселять из гостиницы, не то сообщать на студию. Володя отнес в ресторан перстень с условием, что утром он его выкупит. После этого он поднялся ко мне в номер, там мы и познакомились...

Собственно говоря, мы и познакомились в тот момент, когда Володя, войдя в номер, предложил мне стать его женой. Нельзя сказать, что с моей стороны это была любовь с первой секунды... Когда я сейчас себя тогдашнюю вспоминаю, то думаю, что там было очень много позы. Сколько хорошего, столько и плохого. Может быть, плохого даже больше. Такая вот поза самовлюбленности появилась, наверное, потому, что меня так внезапно взяли сниматься, без проб... В общем, не самые хорошие чувства мной руководили тогда.

В тот же вечер, чтобы что-то о себе сказать, заявить себя, Володя пел. Он пел, а не объяснял мне, что он — актер, что снимается на Ленфильме. А если бы сказал, то мы бы сразу поняли, что снимаемся в одной картине. Говорят, что Володя меня знал, что он видел меня в Москве на вокзале. Об этом вспоминает Миша Туманишвили. Володя пел «Вышла я, да ножкой топнула...», и ничего кроме песен и того, что у него не было денег, я не знала. В моем поступке никакого особенного благородства не было, но я все-таки горжусь, что сразу увидела — это что-то совершенно необыкновенное... Необыкновенное! Все-таки я училась на актерском факультете, видела настоящих актеров, — это я отличила, это я смогла понять.

А в ту минуту я вообще не думала, что будет какое-то длинное будущее. Но довольно скоро я поняла, что сама первой я не смогу уйти... Просто не смогу.

На следующее утро мы вместе поехали на студию. Мы торопились, опаздывали...

— И Вы уже знали, что снимаетесь вместе?

— Нет! Если верить тому, что Володя видел меня на вокзале в Москве и запомнил, — он-то знал... А я не знала. И лишь когда мы оба достали ленфильмовские пропуска, вошли в студию, поднялись на один этаж, зашли в одну группу... Но как будто что-то нас вело, как будто это должно было случиться. Ощущение точности замысла и высшей справедливости...

Мы очень хорошо жили в Ленинграде. Снимались... Ели некондиционные пончики в соседней «Пончиковой» (если пончики получались кривые, то их откидывали в брак. И Володя договорился, что все кривые — наши...). Временами появлялись небольшие деньги. Тогда... тогда — ресторан гостиницы. Кстати, все в гостинице Володю очень любили, несмотря на тот скандал. Очень любили.

Еще помню, как Володя очень красиво дрался. Он потряс мое воображение, — почти как пением. Мы сидели в ресторане и ели из одной мисочки двумя вилками бефстроганов. Вдруг пристал какой-то нетрезвый тип. Но не успел он еще передо мной покрасоваться, как Володя полез драться... Бог мой! Весь ресторан повскакивал с мест, скатерти и графины летали в воздухе! Именно так снимают «каскады» в кино... Володя выскочил из пиджака, выскочил из свитера, четыре человека хватают его с разных сторон, — вдруг он уже на столе!.. А музыканты стояли на сцене и «балдели». В драку они не вмешивались, но молча «болели» за Володю. И когда стало ясно, что он победил (!), нам принесли бесплатный ужин... Все получили удовольствие от случайного зрелища.

— Высоцкий снимался в Ленинграде, а работал тогда в Театре Пушкина. Он ездил в Москву на спектакли?

— В «Пушкина» он тогда как бы дорабатывал... Мы снимались по времени больше, чем планировалось: актрису сменили, что-то не успевали... Срок, на который его отпустили в театр, кончился, ему пора было играть в спектаклях. Раз-другой он вроде бы ездил, потом как-то не доехал... А потом его просто уволили. Но тогда уволили довольно мирно, кажется, «по собственному желанию». Володя уже очень неохотно туда ездил, а работа в кино ему доставляла удовольствие. Потом в картине было много замечательных актеров, потрясающих! И Володя был среди них как равный — не просто по легкой актерской демократии, а потому, что они на самом деле к нему хорошо относились. Ефима Копеляна Володя полюбил, что называется, на всю жизнь. Ефим водил нас в театр, из-за кулис мы любовались, как он играет в «Скованных цепью». Это было замечательное время...

— Вместе вы в Москву летали?

— Несколько раз... Например, на ноябрьские праздники. И чтобы не тратить деньги на билеты — студия такие праздничные поездки, естественно, не оплачивала, — мы летали с летчиком, который был консультантом картины. Звали его Спартак... А фамилия... Гриневич! Спартак Гриневич. Он нас возил в кабине самолета безо всяких билетов.

— А окончательное возвращение в Москву?

— Ну что... Мы приехали домой. Конечно, вся моя семья пришла в ужас. Не потому, что Володя показался им глупым и не потому, что они подумали: он — нечестный и неблагодарный человек... Нет. Может быть, и у них было какое-то тщеславие: я — студентка, снимаюсь в главной роли! Может быть, они ждали чего-нибудь необыкновенного: человек высокого роста, в шикарном костюме придет с цветами и сделает пропозицию насчет их дорогого дитя... Во всяком случае они приняли нас прохладно.

А у меня это отозвалось потом тем, что с момента рождения Аркаши я уже думала, что буду чьей-то свекровью... Что мой ребенок кого-то ко мне приведет... И, наверное, это было хорошо, что я увидела, как это ужасно, когда не с первого раза все получается.

И Нина Максимовна — Володина мама... Поначалу она тоже отнеслась к этому сдержанно. Тем более она-то знала, что Володя еще женат на Изе (Иза Константиновна Высоцкая — первая жена В. С. Высоцкого).

Потом я познакомилась с Семеном Владимировичем и одновременно с большим количеством родных Володи. В Киев уезжала мать Семена Владимировича — Дарья Алексеевна. И на вокзале была вся семья... Да, внешне праздничная атмосфера, да, семейная торжественность, а там внутри — Бог его знает как...

Первое время было обидно, что Володю моя семья не очень приняла, за исключением бабушки, — ей он понравился сразу. Было обидно, что я неканоническим способом попала в Володину семью... Но все это на нас не очень влияло. Конечно, всех смущало то, что мы очень долго были не зарегистрированы, не «расписаны». А в то время это было очень важно, — на матерей-одиночек смотрели очень недоброжелательно. Но вот честно: для нас с Володей это никакого значения не имело.

В 1962 году родился Аркадий, в 1964 — Никита... А расписались мы только в июле 1965 года. Но Володе пришлось своих сыновей «усыновлять»...

— Отношение Высоцкого к детям?

— Давайте я так скажу: отношение Высоцкого к детям и отношение Высоцкого к женщинам... Детей — даже собственных — Володя немного стеснялся. Не потому, что он к ним плохо относился, — а именно потому, что он уважал их, даже грудных детей уважал. Это звучит смешно, но это так. Уважал... Как мы робеем перед высшим судом, перед высшим авторитетом.

И не потому, что он чувствовал какую-то вину, нет. Но

стеснялся детей... Он боялся им не понравиться! Честное слово! Причем с самого начала. Ну и никогда не подлизывался...

— А отношение к женщинам?

— Пусть меня найдет и плюнет мне в лицо тот, кто сможет доказать, что Володя когда-нибудь за глаза плохо говорил о женщинах. Уверена, что этого не было! Никогда никому не поверю, если кто-то будет это утверждать. Я никогда не слышала, чтобы Володя хоть что-то неуважительное сказал про Изу.

Когда Иза приезжала в Москву, Володя ездил с ней встречаться, иногда у тети Жени, а чаще у Карины Диадоровой. Я Изу совершенно не знала и не то, чтобы ревновала, но удивлялась: зачем, почему... И напрасно. Может быть, если бы я не удивлялась, Володе никогда в жизни не пришлось бы говорить мне неправду. И если ему приходилось это делать, это на моей совести, а не на его. Это я как перед Богом говорю.

— Вернемся к детям. Дети — это много домашней работы: стирка, уборка, пеленки...

— Никогда никакой домашней работой Володя не брезговал. Он и пеленки стирал, и таскал детей на руках, и бегал за молоком... Домашнюю работу он любил делать и делал это весело и артистично.

Скучал без детей, беспокоился за них. Как многие отцы, он беспокоился даже больше, чем я, потому что просто не знал, насколько прочны у ребенка руки и ноги. Никогда с детьми не сюсюкал. И не только с нашими. Никаких специальных детских словечек не было — всегда серьезно, как со взрослыми, как с равными...

Сказать, что дети были очень сильно к нему привязаны, я не могу. Конечно, и Аркаша, и Никита больше были привязаны ко мне, к моей маме, к Нине Максимовне. Просто потому, что они Володю редко видели, ведь театральный актер вечером дома не бывает, по выходным и праздникам — тоже. А гастроли, а съемки... Но все равно он всегда помнил про них. Аркашину фотографию он до дыр заносил, Никитина была маленькая, аккуратная, она помещалась в бумажнике. Да что говорить, он действительно их любил.

А когда мы расстались, он приезжал, когда мог. Я, правда, не любила отпускать с ним куда-то детей. Не любила. Тут я должна ответить на замечание Нины Максимовны, что Володя очень переживал, когда дети учились в школе под моей фамилией...

Это действительно так: я об этом договорила с директором школы... Они учились под моей фамилией до восьмого класса, пока не получили свидетельства об окончании восьмилетки.

Мне кажется, что Володя это понял. Не то чтобы я спрашивала разрешения,— в любом случае я бы это сделала,— но я ему объяснила... Я это сделала, чтобы не было сплетен. Злых языков и грязных сплетен именно тогда, в начале семидесятых, было очень много. И эти сплетни не коснулись детей. А в восьмом классе ребятам дали их законную фамилию. Никита Высоцкий перешел в спортивную школу, а Аркаша Высоцкий — в специальную математическую. Аркадий любил астрономию и математику, а Никита занимался баскетболом.

— А где вы жили?

— Первое время мы жили на Беговой, в квартире моего дедушки. Там жили бабушка с бабушкой, сестра бабушки, моя мама и мы с Володей. Папа не все время там жил, потому что его мать — моя вторая бабушка — была очень больна. Квартира была двухкомнатная... Там же родился Аркаша, там же родился Никита.

Квартиру в Черемушках Нина Максимовна получила, когда Аркаше был год,— это было поздней осенью 63-го года. Помоему, новоселье мы праздновали как раз в Аркашин день рождения... Но там была все-таки совсем маленькая квартира. И мы жили на два дома: то у Нины Максимовны, то у моих родных. А окончательно к Нине Максимовне мы переехали осенью 65-го года и жили там до осени 68-го.

— Родители — с той и с другой стороны — помогали вам?

— Конечно! Мы бы без этой помощи просто не смогли прожить. Материально?— Ну что могла Нина Максимовна с ее маленьким окладом... И сколько же она делала! И с какой любовью, с какой тщательностью она делала Аркашино приданое, Никитино приданое... В то время трудно было с детским бельшком: не то что импортную — советскую распашонку невозможно было найти. И как Нина Максимовна ухитрялась при всей своей занятости где-то все это находить?!

Конечно, и Семен Владимирович, и тетя Женя тоже... Они иногда и деньгами помогали, хотя мы сами старались решать свои денежные проблемы. Хотя, что говорить... Когда Володя регулярно стал получать на Таганке,— это было семьдесят рублей в месяц. Почти все уходило на нянюку, чтобы я постоянно могла быть рядом с ним. Во-первых, я сама хотела постоянно быть рядом, а во-вторых, и Володя в этом нуждался. А иногда в этом был смысл и для театра: я хоть как-то гарантировала, что Володя будет на спектакле, не опоздает и не пропадет...

— Значит, в театре Вы бывали часто?

— Очень часто. И только теперь я понимаю, как хорошо ребята ко мне относились. А тогда мне казалось, что они на меня косятся... Вот, таскаюсь за ним.

Чаще всего я сидела в первом ряду. Потому что боялась, что он забудет текст, и Володя этого боялся. Я сидела и автоматически шевелила ртом... В то время у меня была не такая плохая память, я помнила все его роли. И как «сурдоперевод» сидела и шамкала ртом. А еще — по образному выражению Бори Хмельницкого — брызгала слезами им на коленки. Я была очень эмоциональный зритель, да и сейчас такая... Больше всего я любила ходить на «Галилея» и до сих пор считаю, что этот спектакль не был по достоинству оценен. Это грандиозный спектакль!

— Общение Высоцкого в то время?

— Володя был страшно общительным человеком, и я думаю, что к концу его жизни этим многие злоупотребляли.

А тогда — в шестидесятые годы — он очень легко сходил с людьми. Володя мог и без этого обходиться, бывало ему просто хотелось посидеть дома, поболтать о какой-нибудь ерунде... Но на общение всегда шел очень охотно.

Я прочитала у Виктора Шкловского о том, что Лев Толстой был не слишком верным другом, менял друзей. Но это надо точно и правильно понимать... Это можно отнести и к Володе. Тут еще надо вспомнить Гумилева:

«Только змеи сбрасывают кожу,
Мы меняем души — не тела».

Это не значит, что человек предает самого себя, это значит, что человек растет, развивается... И меняет его не седина в волосах, а душевная седина.

Да, Володя удалялся от каких-то прежних друзей, но никогда не уходил не по-хорошему. О своих друзьях иногда плохо говорил, и говорил заочно. О женщинах — никогда, а о друзьях — бывало... Ругал, обижался. Но то же самое отлично мог сказать им в глаза. И как быстро возникала обида, так же быстро она проходила. Володя был очень отходчивым.

Он себя перерастал, а не друзей. Я думаю, что, когда Володя стал совсем другим, чем был в школе-студии, он все равно чувствовал родство, встречая студийных ребят. Не подыгрывая, не пытаясь общаться на одних воспоминаниях. Он вырастал, он уходил куда-то далеко. Но уходил «не от», а именно «куда-то»... И все свое прошлое он тащил с собой: и то, про которое рассказывал, и то, про которое не рассказывал.

А друзья менялись, конечно. В то время, когда мы только познакомились, казалось, что у него никогда не может быть более близких друзей, чем компания Левы Кочаряна, куда во-

дили и Володины одноклассники — Володя Анимсов, Гарик Кохановский. Через некоторое время я познакомилась с Жорой Епифанцевым и с кругом Володиных студийных друзей. И был какой-то период, когда он чаще видел студийных, чем Левкиных...

Сейчас все склонны несколько переоценивать Володину дружбу с Андреем Тарковским и Василием Шукшиным — с теми людьми, которые тоже стали великими. Но такой близкой, каждодневной, легкой, развеселой дружбы, как с Гариком Кохановским, или Толяном Утевским, или с Геней Яловичем, — с Андреем и Василием у него не было. Во-первых, была разница в возрасте. Во-вторых, разница в профессиях... И у них был свой круг близкого общения. Хотя и Тарковский, и Шукшин очень хорошо к нему относились — что тут говорить... — но близости и простоты отношений у них не было. И не был Володя им необходим как актер... Но это их право как режиссеров. А вот для Гены Полоки он был актер. Что бы Гена делал в «Интервенции» без Володи, — я не знаю...

— А с кем из актеров Театра на Таганке общался, дружил Высоцкий?

— Таганский круг на какое-то время оттеснил все остальное. Николай Губенко ночевал у нас, на старом железном раскладном диване... И Валера Золотухин с Ниной Шацкой приходили... Но это чуть позже. А когда Володя только пришел в театр, он был очень дружен с Эдиком Арутюняном, Борисом Буткевым и с Эдиком Кошманом. Вот такая была компания... Но она существовала недолго. Не то чтобы Володя их вдруг презирал, — нет. Он сознательно себя сдерживал. Все-таки ребята были пьющие... Зину Славину любил, боялся за нее... Боялся, что Зину могут обидеть. Все мечтал для нее какой-то необыкновенный спектакль поставить. К Пушкиреву он очень нежно относился, очень. Но потом как-то очень быстро их развела жизнь. Не обида, а жизнь...

А вот обидел его тогда Арчик (Артур Сергеевич Макаров), обидел с самой хорошей целью... И Володя потом эту цель понял. Артур сказал: «Если ты не остановишься, то потом будешь у ВТО полтинники на опохмелку сшибать». Володя несколько раз возвращался к этому: «Да, я понимаю... Меня нужно было чем-то задеть». Он понял, и Арчик был друг...

— А исчезновения с друзьями? Уходы в пике? — Можно ли об этом говорить?

— Да, я думаю нужно об этом сказать. Если уж говорить, то говорить, по возможности, обо всем. Исчезал... Исчезал иногда на два дня, иногда на три... Я как-то внутренне чувствовала его

жизненный ритм... Чувствовала даже, когда он начинает обратный путь. Бывало так, что я шла открывать дверь, когда он только начинал подниматься по лестнице. К окну подходила, когда он шел по противоположной стороне улицы. Он возвращался...

А когда Володя пропадал, то первое, чего я всегда боялась, — попал под машину, «в пьяной драке налетел на чей-то нож»... Второе, — конечно, я боялась милицейских протоколов... Все мы люди «причокнутые» боязнью милиции, и мне это казалось очень страшным.

Боялась ли я, что Володя ходит к женщинам? Нет, абсолютно. У меня и тени этой мысли не было. Боялась ли я, что он может уйти навсегда? Я этого начинала бояться, когда он возвращался. Вот тогда я боялась, что он сейчас скажет — «все». А так — нет, страха не было.

Конечно, я мечтала, что Володя вылечится и этих исчезновений больше не будет. Тогда я верила свято, что стоит обратиться к врачам — и они сейчас же вылечат. И обращались... В 1964 году, в мае, Семен Владимирович помог устроить Володю на лечение. Тогда это не очень помогло. В 65-м году Юрий Петрович Любимов убедил... Я и не сомневалась, что это поможет. И помогло.

У меня даже было такое смещение в памяти: годы, в которые Володя пил, — этого времени было очень немного, а то время, когда Володя вообще не пил, — это было очень долго, это была целая жизнь. Хотя если вспомнить хронологически, то получается как раз наоборот...

А потом, когда пришел конец всему, я сразу поняла, что надо уйти. Просто надо было и с силами собраться, и сориентироваться... Кроме всего прочего — еще и куда уходить? Как сказать родителям? Как сказать знакомым? Это же был ужас... Я не просто должна была им сказать, что буду жить одна, без мужа. Его уже все любили, он уже был Высоцким... Я должна была у всех его отнять. Но если бы я знала раньше все, я бы ушла раньше.

Мы ведь действительно с Володей по-хорошему расстались... У нас не было никаких выяснений, объяснений, ссор. А потом подошел срок развода в суде. Я лежала в больнице, но врач разрешил поехать, я чувствовала себя уже неплохо. Приехали в суд. Через пять минут развелись... Время до ужина в больнице у меня было, и Володя позвал меня на квартиру Нины Максимовны. Я пошла. Володя пел, долго пел, чуть на спектакль не опоздал. А Нина Максимовна слышала, что он поет, и ждала на лестнице... Потом уже позвонила, потому что поняла — он может опоздать на спектакль.

Когда я ехала в суд, мне казалось, что это такие пустяки, что это так легко, что это уже так отсохло... Если бы я сразу вернулась в больницу, так бы оно и было...

Это февраль семидесятого года.

— Дина Калиновская рассказала мне, что Высоцкий заезжал к Вам, пел для ребят...

— Да, он приезжал к нам. Когда Володя подолгу бывал в Москве, он всегда находил время. Почему-то особенно хорошо получалось под Новый год. А тогда в Москве было много шикарных немецких елочных игрушек. Были и игрушки, сделанные из шоколада,— в цветной фольге, на ниточках, чтобы можно было вешать на елку. Зверушки, гномики... И светлый-светлый молочный шоколад — что-то божественное. Конечно, ребята их довольно быстро съели.

Я помню, что мы вместе смотрели — это было еще на старой квартире — смотрели по телевизору передачу Пескова «В мире животных». Вся передача была про волков... В той-то передаче не было кадров уничтожения волков с вертолетов. Это Володя рассказал, что был такой киносюжет. А еще он тогда сказал, что написал вторую песню про волков.

Он иногда о работе говорил, но очень мало. Я не то чтобы не спрашивала,— я старалась от бесед о деле отгородиться. И тогда практически новых песен не знала. И я даже «Гамлета» не видела. Он только однажды заставил меня поехать на «Вишневый сад». Мне это тяжело далось,— я правильно делала, что не ходила на спектакли. Жить-то надо...

— Последняя встреча была на Малой Грузинской?

— Нет, это была не последняя встреча. Но такая встреча была. Володя тогда беспокоился, как дети будут поступать в институты... Аркаша уже перешел в 10-й, Никита — в 9-й класс. И Володя позвал меня к себе на Малую Грузинскую. Я там была один-единственный раз. А до этого Володя встретился с ребятами, и что-то его беспокоило. Все, что он мне тогда сказал, можно уложить в одно предложение... Куда бы ребята ни захотели поступить — хоть в литинститут или в военную академию,— куда угодно, он это сделает. Но ему тогда хотелось, чтобы Аркаша пошел в геолого-разведочный институт, а Никита — в институт военных переводчиков. Еще его беспокоило, какие у них друзья... А не пьют ли они? Нет ли у них каких-то рискованных друзей? А я с ним немножко невопад общалась: его беспокоили дети, а я только о нем думала. И ничего умного и связного про ребят я ему не сказала.

И тревожно было,— почему-то очень много замков в квартире... И как-то уж очень он меня убеждал, что у него здоровый, совершенно молодой организм: в Штатах так тщательно его обследовали, просветили все на свете. Как будто ему двадцать лет... Он меня в этом убеждал, а мне совсем наоборот показалось. И мрачен он был, вот я и напугалась.

В последний раз я видела Володю, когда он приехал ко мне

и спросил, не нужно ли мне продать драгоценности... Он может помочь. Наверное, это было в конце марта 1980 года. Он тогда привез мне «Чевенгур» Платонова и «Русскую идею» Бердяева...

Потом мы только по телефону говорили. Володя спрашивал, как с экзаменами у Аркадия. А у Аркаши были неприятности в школе, и я попросила, чтобы Володя заехал. Он обещал, но... Это было в самых последних днях июня.

А ребята у него часто бывали. Сами. А я до такой степени привыкла считать детей только своими детьми, что ужасно недооценивала, как им это важно — отец. И в чем-то, наверное, я их слегка обделила. Я считала, что Володя — это моя жизнь... И мне не приходило в голову, что это для них может быть важнее, чем для меня.

Думаю, что Никита по-настоящему успел увидеть Володю как актера. Он и на концерты ездил, и на спектаклях бывал почаще, чем Аркадий. Аркадий тоже ходил, смотрел, но как-то без энтузиазма. В детстве ему нравилось, что папа водил его в цирк и там познакомил с Юрием Никулиным. Аркаша и сейчас театр не очень любит. И слава Богу.

Я думаю, что есть справедливость в том, что ребята чувствуют себя по отношению к Володе не отдельно от своего поколения. Это хорошо. Это скромнее, демократичнее и объективнее, чем если бы они привыкли быть сыновьями великого человека, — ездили бы на его машинах, пользовались бы контрамарками, валютой...

И я старалась, чтобы Володя не приносил в дом слишком много, чтобы его приход не был какой-то материальной манной небесной. И Володя это понимал, никогда на это не обижался.

Сейчас мне кажутся дикими и глупыми вопросы: почему Никита не отвечает на письма поклонников Володиного творчества, почему Аркаша не выступает на вечерах воспоминаний? И не надо отвечать на эти письма. И не надо ходить на вечера воспоминаний... Они не сувениры, не экспонаты будущего музея Высоцкого, в котором я хочу работать. Они должны прожить свою жизнь. Достаточно того, что когда Никита выходит на сцену, первые несколько минут в зале стоит громкий шепот: «похож — не похож»... Трудно так входить в искусство. Но они молодцы. Я довольна своими сыновьями.

— И последний вопрос: Ваше отношение к книге Марины Влади?

— Тут вот что важно сказать... Если Володя в какой-то момент выбрал другую женщину, то это его выбор. Его! Не то что женщина вероломно вмешалась, украла, разрушила семью, — Володя выбрал. Его право выбора для меня — это самый главный, святой закон. Мне как-то не удалось еще прочесть целиком книгу Марины, но теперь она у меня есть и я обязательно

прочту. Более внимательно и фундаментально. Я просто хочу, чтобы никому не приходило в голову начинать сравнивать... На кухонном ли уровне или на серьезном,— решать за нас классические русские вопросы: кто виноват и что нужно было делать?

Я стараюсь документально, точно вспомнить тогдашнюю жизнь. Погрузиться в ту жизнь. Сама я бы не смогла написать это, просто один умеет делать одно, другой — другое. И если бы Вы не стали ходить ко мне с этим магнитофоном, сама бы я никогда не решилась. Я претендую только на документальную мемуаристику, а Марина написала художественное произведение. Это роман. И что тут сравнивать...

Володя мне однажды сказал, что я никогда не относилась к нему как к мужу, а относилась как к старшему сыну. Это, конечно, не совсем правда, но что-то в этом есть. Сейчас — с поправкой на мои пятьдесят лет — я старше Володи. И отношусь к нему сейчас уже, как к младшему. Мои дети — уже взрослые мужчины. Скоро они станут Володиными ровесниками. И я не разделяю Володю и детей, я люблю их одним сортом любви. В этом моя ошибка, но в этом и правда.

У меня на самом деле нет враждебности к Марине... Есть горечь, что у нее враждебные отношения с моими детьми. Но это пройдет.

24 мая 1990 г.

* * *

— Людмила Владимировна, как Вы считаете, где и как были записаны первые пленки Высоцкого?

— Первые пленки, конечно, кочаряновские. Лева Кочарян начал записывать Володю в 1961 году. Тогда Володиных песен было еще немного... Но был, например, «Король» Окуджавы, «На Тихорецкую» — в очень хорошем исполнении, но ни одна из этих пленок не сохранилась.

— Существует легенда, что на первых записях и на первых концертах Вы иногда подсказывали Высоцкому слова...

— На многих концертах или он считывал с губ, или я по бумажке читала ему что-нибудь новенькое. А если Вы имеете в виду запись в Лефортово, то — да, это было. Мы продумали, что мы хотим записать, что и привело к появлению первых циклов про шалав, про добрых жуликов...

— Меня поразило, что Высоцкий считывал с Ваших губ...

— Да мало ли чем я могу поразить?! Только я не хочу, это не имеет никакого значения. Это факты м о е й — моей биографии! Да, семь лет я была замужем за Володей. Для меня это самое большое событие моей жизни. Но не надо писать м о ю биографию. Никто не должен писать свою биографию, занимаясь В. Высоцким. Если Володя сам нигде не упомянул об этом, дадим ему право создавать свою биографию. Вот теперь говорят: «канонический текст»?! Какие могут быть каноны, какие канонические тексты? Я понимаю, что человеку нравится именно это, но какие могут быть каноны?

Или часто возникают такие недоразумения — «песня была написана для такого-то фильма»... Был такой разговор, что песня «Спасите наши души» была написана для фильма «Прокурор дает показания». С завидным упорством люди утверждали это, потому что Володя вел переговоры с режиссером, что он какую-то песню в этот фильм дает. Ну и что из этого? Песня была написана совершенно отдельно и до фильма...

И так часто — «песня для этого фильма»! Вовсе нет — песня родилась сама по себе. На заказ Володя тоже писал, писал легко, а иногда и совершенно гениально. А очень многие песни... Ну, например, подходит режиссер и говорит: «Напиши какую-нибудь песню». А Володе хочется дать жизнь песням, которые уже есть, — хорошим песням. А иногда просто не было времени их написать. Для фильма «Я родом из детства» специально ничего не было написано, а просто массив самых удачных песен того времени вошел в картину. И Шпаликову они нравились, и Туров за них ухватился...

— Первые песни... Были ли у Вас обсуждения слов, строчек, вариантов?

— Никогда. Я позволяла себе критические замечания только в самых крайних случаях, просто мне очень редко что-нибудь не нравилось. Мне с самого начала нравилось все. Были, конечно, какие-то минуты... Но вот мое личное мнение: Володя с самого начала значительно крупнее, чем Окуджава или Галич. У Володи много раз были выходы за пределы — совершенно за пределы! — настолько, что после этого ничего не скажешь, кроме: «Ты, Моцарт — Бог, и сам того не знаешь».

Эти выходы вне человеческого понимания, выше собственных возможностей: они у Володи были, и их было много. И происходили они совершенно неожиданно. Идут у него «шалавы», например, и потом вдруг — «Штрафные батальоны»! Тогда он этого не только оценить, но и понять не мог. А это был тот самый запредел. У интеллигентных, умных, взрослых людей, таких, как Галич и Окуджава, — у них такого не было. У них очень высокий уровень, но они к нему подходят шаг за шагом, без таких чудовищных скачков, без запрдела.

— Но Высоцкий часто называл Окуджаву своим учителем, даже духовным отцом...

— Тут дело не в том, что Володя не кажется мне учеником Окуджавы. В чем-то, может быть, и ученик... Образ человека, который вышел с гитарой и непоставленным, непевческим голосом излагает какие-то очень хорошие поэтические тексты, — в этом, может быть, да, Окуджава — учитель. Но все-таки Окуджава гораздо ближе к профессиональной эстрадной песне, а не к тому открытию, которое сделал Володя. К этому открытию ближе Александр Вертинский и Миша Анчаров. Пока Анчаров поет сам — он там, с Володей.

И Вертинский. Ведь почему невозможно спеть Вертинского? Потому что песня Вертинского, записанная в виде одноголосой мелодии, не дает никакого представления о том богатстве интонаций, музыкальных и разговорно-речевых, которыми эта песня обладала. А это и создавало образ... Чудо возникало вдвигающихся пальцах рук Вертинского благодаря тому, что он использовал не только и не просто обыкновенный ряд звуков.

— А этот запредел, эта энергетика — это было не только в творчестве, но и в человеке? Вы это ощущали?

— Да, конечно. В 61-м году, когда я увидела Володю в первый раз... Он тогда репертуара песенного своего еще не сделал. Своих песен у него было: «Татуировка» и «Красное-зеленое». Эти песни, может быть, и хороши, но ему хотелось тогда пока-

зять что-то очень существенное. И он спел народную блатную песню, которую поет Жаров в фильме «Путевка в жизнь» — «Эх, вышла я, да ножкой топнула...».

Вот тогда я впервые в жизни увидела, что такое за предел Тот самый темперамент, который потом люди кожей чувствовали на каждом «Гамлете», на каждом «Пугачеве», в лучших концертах. А тогда, в начале шестидесятых, это происходило, может быть, полторы минуты в месяц. Но то, что Володя может непредсказуемое, немислимое,— это я знала с первой минуты.

— *Расскажите о процессе работы Высоцкого над песнями — карандаш, бумага, звук, гитара?*

— Тут есть очень разные мнения, я никого не хочу опровергать. Бывало по-разному: зависело от обстоятельств, от состояния. Допустим, когда Володя писал при тысячесвечовой лампочке с Валерой Золотухиным,— это одна ситуация. У нас же была совершенно другая. Скажем, в Черемушках, по тем временам, была идеальная ситуация: двухкомнатная квартира. Но при этом — в одной комнате Нина Максимовна и Никита, а в другой — мы вдвоем и Аркаша. Ну как тут можно сочинять во все горло?! И зачастую Володя, сочиняя песню, держал в руках гитару, не работая правой рукой, а левой только шелестел по струнам. Лады он брал, и это движение шелестящих по струне пальцев — вот это единственный был аккомпанемент. Все остальное он себе представлял. А играть, даже очень тихо, он не мог, потому что все это делалось над головой Аркадия. А когда была возможность,— дети были в детском саду и там ночевали,— тогда он играл на гитаре, но очень тихо.

Еще у него была такая привычка: он отстукивал ритм ногой. Но мы жили в таком «картонном» доме, что эти звуки были слышны не только на этаже под нами, но и на всех других этажах. Работал Володя по ночам и, конечно, соседи шваброй в потолок стучали... Наш дом был экспериментальным, с воздушным отоплением, батареей не было, так что громко не застучишь... Звонили по телефону, стучали и в дверь...

— *А карандашом по бумаге?*

— Если было светло или можно было зажечь свет, он писал карандашом на бумаге, а если нет — на чем попало. В поезде, в дорогах почти всегда писал на обложках книг. У моего брата Валерия есть автограф на книжке научной фантастики — это песня, которая совсем недавно стала известна...

Ведь я всего до Минска,
Майор — всего до Бреста,—
Толкуем мы с майором,
И каждый — о своем.

— Какие первые песни были написаны рукой Высоцкого?

— Первый раз свою песню Володя записал... Или «В куски разлетелась корона», или частушки, которые он пел в «Десяти днях». И только потому, что тексты надо было отдать для оформления авторских прав.

— Были ли у Вас какие-то случайные или странные встречи с первыми песнями Высоцкого?

— У нас были соседи на Беговой — Бачулисы. У них был магнитофон, а у меня — грудной Никита, — значит, это был февраль 1965 года. У них на магнитофоне была запись «Сгорели мы по недоразумению...». Там много было и другого — не Высоцкого, эта же песня была единственная его. И соседи не знали, что развлекают этой «колыбельной» песней сына Высоцкого.

— А как начались публичные выступления?

— Очень просто они начались. В то время, когда мы с Володей заканчивали институты (он — Школу-студию МХАТа, а я — ВГИК), актерская зарплата была 69 рублей или даже меньше. А концертная ставка была 7—50, и для актера, который мечтал заработать лишние семь пятьдесят, конечно, нужны были концертные номера. У Володи были свои концертные номера со времен студии. Он читал сцену из «Клопа», чеховскую «Свадьбу» на много ролей, на много голосов, что-то из других писателей... В общем, были у него какие-то штучки и «хохмочки», с которыми он мог выступать. А как только появилась возможность выступать с песнями, он стал это делать. Допустим, подходит 1 Мая — эстрады на улицах, все актеры обязаны выступать. И Володя охотно туда шел: пел там частушки, читал какие-то вирши, но своего он тогда еще ничего не пел. И вот эти уличные, эстрадные, праздничные выступления — не могу сказать, что высокого уровня, но вообще Володя не халтурил никогда. Концертная деятельность у нищего актера не от богатого репертуара, а от пустого кошелька. Конец первого курса — все куда угодно: на целину, на картошку, в школу на новогоднюю елку — и все это умеют, у всех что-то есть. Потом на Таганке они вместе это делали, Володя часто выступал с Васильевым, который хорошо владел гитарой. Бывало, что и Хмельницкий — с аккордеоном. Ведь все они были разнообразно музыкальны.

— Как и когда произошел переход к собственным песням?

— Это было постепенно. Непосредственно первый авторский концерт — это выступление в Институте русского языка. Я на

нем не была, но убеждена, что это первый концерт. А когда это было? Не могу припомнить... Я из Сухуми приехала в Москву, а Володя полетел в Одессу: или сниматься, или утверждаться на «Вертикаль»? — не помню. Из Одессы он полетел не в Москву, а в Сванетию. Это было осенью 66-го года, но в какой точной момент, я сказать не могу. Когда он прилетел из Сванетии, была уже поздняя осень, и он привез ящик мандаринов.

— Людмила Владимировна, Вы не помните, как в Сухуми Высоцкий упросил Смехова впервые прочитать его рассказы? Это к вопросу о том, что Владимир Семенович очень многих людей «подвигал» на творчество, на самостоятельную работу: одного впервые вытолкнул на сцену, другого заставил писать...

— В этом смысле Володя действительно был заразительным человеком... Сухумские гастроли — это усталость всей труппы и прескверное настроение — тоже у всех... Собраться и поговорить ни у кого никакого желания не было, — жарко, душно, неприятно... И вот уже перед отъездом — все чемоданы собирали — разговорились о литературе... Между прочим, очень много говорили об Эрдмане. Заговорили и о том, что Веня Смехов пишет рассказы и никому их не показывает... А собрались в нашем номере, довольно много собралось народу... Вот тогда Веню и упросили... И Володе понравился не юмор, а лирический, даже печальный рассказ о ребенке... Да, он многим говорил:

— Пиши! Пиши! И почему ты не пишешь?

А на следующий день обокрали Буткеева, причем украли все, — он приехал в Москву в чужих «вьетнамках»... И Володя для того, чтобы развлечь и утешить его, стал петь не «Борис Евсеев», а «Борис Буткеев», — так это и осталось в песне...

Позже Володя любил давать ребятам заработать. Когда почти после каждого спектакля внизу у вахтерши сидели три-четыре человека и рвали его на части, он брал ребят не только для того, чтобы самому перевести дух, немного отдохнуть, но и для того, чтобы они могли что-то заработать. Кроме того, он считал, что его концерты украшает Юрий Медведев.

— В Сухуми была написана песня «Мы в очереди первыми стояли». А с чем это было связано?

— Это был вполне конкретный случай: мы все время ходили нежрамши. Сколько бы мы ни спустились в ресторан — столы накрыты, пустота абсолютная и никого не пускают. А в Сухуми мы прилетели из Тбилиси, где было совершенно по-другому. В Тбилиси мы были заняты только тем, чтобы удер-

жаться и не объесться до полусмерти. Там нас кормили постоянно, на каждом шагу. Мы прилетели в Сухуми голодные — столы накрыты, но не для нас. И на улице поесть негде.

— А как проходили гастроли в Тбилиси?

— Гастроли были превосходные. Тбилисская публика принимала Таганку очень хорошо. Потом там было много интересных встреч с интересными людьми. В какой-то мере Тбилиси — это было открытие. Мы поняли, что это город высочайшей, интеллигентнейшей культуры. Я не побоюсь сказать, что Володя был там просто счастлив. А в Сухуми была нормальная трудная работа, у всех были сорваны голоса... И все полоскали горло морской водой, заплывая подальше в море. А в Тбилиси была великолепная творческая атмосфера.

— В это время уже были отдельные выступления — концерты Высоцкого?

— Это не были отдельные концерты, это были совместные выступления артистов театра. А самое сильное впечатление в Тбилиси — это Музей изобразительного искусства. Мы туда пришли, а там оказались какие-то молодые грузинские художники, которые, уловив наш интерес к Пиросмани, повели смотреть частную коллекцию. А коллекция эта была в доме одного из самых крупных художников Грузии — действительно великолепного мастера. Это было страшно интересно.

Мы довольно много ездили по окрестностям Тбилиси. Тогда мы и открыли для себя и Тбилиси, и грузинскую культуру. К нашему стыду, мы с Володей думали, что всё лучшее из Грузии учится в московских институтах.

— Известно, что в вашем доме бывали писатели-фантасты: Аркадий Натанович Стругацкий, Ариадна Григорьевна Громова. Расскажите, пожалуйста, об этих встречах.

— С Аркадием Стругацким я познакомилась в 1966 году, когда Володя был в Сванетии. Познакомились мы с ним вместе с Жорой Епифанцевым. А когда Володя вернулся, и ему был сделан этот драгоценный подарок.

Взаимное впечатление было, конечно, потрясающим. Особенно потому, что Володя еще в Тбилиси, в гостинице, написал «В далеком созвездии Тау-Кита» и «Марш космических негодяев». И этими песнями он поверг Стругацкого в состояние неимоверного восторга. В особенности песней про «Тау-Кита», потому что они в это время работали над «Улиткой»... И Володя, и Аркадий очень гордились, что у них одновременно сработала мысль на эту тему.

— А Ариадна Громова?

— С Ариадной Громовой мы были знакомы раньше. Это было в один из дней пребывания в Москве Станислава Лема. Ариадна Григорьевна обладала феноменальной памятью и задолго до этого она перевела Лему несколько Володиных песен, достала записи, рассказала о нем. И перед приездом Лем выразил желание познакомиться с Высоцким. Володя был приглашен на встречу с Лемом у Ариадны Григорьевны,— я думаю, это было в первой половине октября 1965 года. На этой встрече Володя пел для Станислава Лема и для всех, кто был на этом вечере.

— Мне говорили, что на этой встрече был и Александр Галич?

— Галича на этой встрече не было, и встречался ли Володя с Галичем, я не знаю. Мне недавно сказали, что они встречались в Риге в 1960 году. Тогда я об этом не знала. Какие-то песни Галича Володя пел, но на той встрече Галича не было. Хотя квартира была маленькая, в ней вместились, наверное, человек двадцать... А Галич пел Лему на следующий день, в квартире Шурика Мирера. Я на этой встрече была недолго: я не столько хотела послушать Галича, сколько хотела получить автограф у Станислава Лема.

— Вы вместе с Высоцким увлекались тогда фантастикой, много ее читали. А, вообще, каков был круг чтения и, если можно так сказать, способ чтения Высоцкого?

— Я не очень люблю этот вопрос. Во-первых, Владимир Семенович личной библиотеки тогда практически не имел. Все книги, которые можно было считать его собственными, вполне укладывались в один портфель. Фантастики у него не было, мы начали собирать фантастику вместе в 62-м году, когда родился сын Аркадий. В качестве легкой литературы мне тогда было рекомендовано чтение фантастики, и мой отец принес в больницу сборник, в котором был роман Стругацких. Это были «Стажеры», и вот с того момента мы начали собирать фантастику.

А чтение... У Володи и времени не было просто так читать: взять книжку, сесть дома и читать,— почти никогда такого не было. Или мы куда-то шли, или у нас был какой-то народ... А вот в дороге он читал всегда. Где он брал книги?— У кого-то из знакомых, иногда из библиотеки. На гастролях всегда много читал. А когда мы стали собирать фантастику, Володя любил, чтобы я читала вслух. Я даже не знаю, что он сам успел прочитать у Стругацких, практически все я читала вслух, даже самые длинные вещи: «Гадких лебедей», «Обитаемый ост-

ров»...— все подряд. И надо сказать, что потом мне всю жизнь этого не хватало. Раньше я мало читала вслух, не было такой потребности. Ну, разве детям какие-то детские книжки... И уже никогда у меня не было такого слушателя. Володя никогда не засыпал, а я могла по десять — двенадцать часов подряд читать... Солженицина я тогда читала вслух. Вот недавно мы с Веней Смеховым вспоминали, как нам дали, по-моему, «В круге первом» и документы по процессу Синявского и Даниэля. То и другое в одном экземпляре, а нас было много. И я читала это вслух: сначала о процессе, а потом во всю длину — «В круге первом»... Или нет, скорее всего, это был «Раковый корпус»...

А вот Есенина — когда у Любимова шел процесс подготовки «Пугачева» — Володя очень много читал сам: и Есенина, и воспоминания о нем. С жадностью такой. Недавно мне дали что-то вроде дипломной работы об образах из «Цыганочки» — «На горе стоит ольха, под горою — вишня». И интуитивно эта девочка догадалась, что ольха — это откуда-то из Есенина. И очень точно — это именно так! Во-первых, вся эта песня пронизана перекличкой с есенинскими образами и с образами из спектакля. И вся тема...— даже не отчаяния. Отчаяние — это, скажем, стихи про ямщика, а «Цыганочка» — это активность, это борьба с отчаянием. Страшное, трагическое преодоление. Как и тот момент в «Пугачеве», когда Хлопуша бросается на эти цепи,— это такой же напор: «Проведите, проведите меня туда, где станет лучше». Мне кажется, что ни оценить по-настоящему, ни понять эту песню вне «Пугачева» нельзя.

А ведь Володе многое в спектакле не нравилось, но именно потому, что он врос в него, он в него кровь пролил. И если Володя где-то говорит: «Что Вы ко мне пристаёте с этими биографическими фактами?— У меня в жизни были вещи поважнее, чем биографические факты». И это самая святая правда. Важнее всего для него были роли, в которые он так врался.

В «Цыганочке» очень много образов из спектакля: и «плаха с топорами», и тема дороги — там этот подиум, эта дорога сверху вниз: на цепи, на плаху... А не нравилась ему в спектакле историческая карикатура, которая казалась Володе не одной группы крови с трагедией. Ему казалось, что они с Колей Губенко играют трагедию — собственную! Хотя вроде бы какое у них тогда трагическое одиночество? Ведь вершина возможностей, открывающихся и перед Колей,— выход в режиссуру, а сколько киноролей в это время! И все же в спектакле они играли страшное предчувствие одиночества. Нет, Есенин был совершенно особым этапом в жизни Володи...

— Людмила Владимировна, мы неизбежно будем возвращаться к каким-то вещам... Давайте закончим тему фантастики. Вы помните вечер, на полном серьезе посвященный проблеме летающих тарелок, на котором Вы были вместе с Высоцким?

— Володя тогда верил в «тарелки», а пришельцев ждал... Мы возвращались домой, была зимняя оттепель, на небе действительно что-то летело. И мы стояли, как идиоты, промокнув, стуча зубами, и ждали: «тарелка» это или не «тарелка»? Оказалось, что это фонарь на подъемном кране у соседнего строящегося дома. И пока не стали видны силуэты этого проклятого дома, мы стояли и ждали пришельцев...

— Начало работы Высоцкого в театре?

— Театр Пушкина... Володя уходил из этого театра не один раз. Первый раз он ушел, еще не закончив сниматься в фильме «713-й просит посадки». Потом он вернулся — его опять уволили. Поступил в Театр миниатюр, там практически ничего не было. Володя должен был играть в пьесе Ильфа и Петрова, не помню, как она называется... Какая-то свадьба, чей-то папа, отсидевший в тюрьме, приезжает на эту свадьбу. И он рассуждает о достоинствах пенитенциарной системы и о том, что его стимулировали парой брюк. Вот это была Володина роль. Кроме того, Володя ходил на репетиции, — у них были какие-то занятия...

Конечно, ничего интересного из этого не получилось, и Володя вскоре оттуда ушел. Но там были интересные наметки, которые потом проявлялись где-нибудь по-настоящему. Да нет — не где-нибудь, а на Таганке, на Любимовской площадке... Они ведь в Театре миниатюр хотели ставить «Татуировку», хотели делать спектакль по Володиным песням — тогдашним! — а ведь это был февраль 1962 года. Володя уже тогда понимал, что это — репертуар! И они говорили, что «Татуировку» можно ставить как драму, как пьесу... Черт его знает, может быть, они бы что-нибудь там и добились до настоящего театра, но тут так счастливо совпала судьба с Любимовым, который того же искал...

А про Театр миниатюр хорошо могут рассказать Саша Кузнецов или Зиновий Высоковский, которые тоже там работали. У них были очень теплые, дружеские отношения.

— А почему он не остался в Театре миниатюр?

— Совершенно личные причины. И думаю, что не только с Володиной стороны — что он там с кем-то пил, с кем-то ссорился, но и сам театр был в начальной стадии кризиса. Отдельные актеры, может быть, и были хороши, но коллектив, наверное, выглядел слабовато... Поляков хорошо помнил «Кривое зеркало», но он не был такой крупной фигурой — фигурой вождя, каким, в самом лучшем смысле, был Любимов.

— Дебют в «Современнике»... Вы были на этом спектакле?

— Да, была. Володя играл ту роль, которую обычно играл Евстигнеев. У меня есть своя версия, почему Володю не взяли в «Современник». Но тогда мы с Володей, честно говоря, были очень огорчены. И не просто огорчены — был даже какой-то элемент обиды. Но сказать, что Володя играл эту роль ярче, чем Евстигнеев, я не могу. Во-первых, роль очень примитивная, очень неяркая, в высшей степени не Володина. Эта роль была из того амплуа, что Володя делал в это время в кино. И если бы, не приведи Господь, Володю взяли на эти роли, он бы это и делал всю жизнь.

— А Вы не помните вставку Высоцкого, когда он сказал: «Петька-Рванный, Левка Кочарян, Толька Утевский»?

— Он всех назвал. Там был еще и «Васёчек»... Всех, кого мог, назвал. Володя, конечно, не думал этим обогатить роль, просто хотел порезвиться, пошутить. Такие же вещи он делал в Пушкинском. Я думаю об этом было бы интересно вспомнить. Наверное, у кого-то остались эти воспоминания, как он шутил в убогих ролях. Почему это было? Почему именно в это время Володя начал писать песни? Когда мне говорят, что он в студии начал писать песни для капустников, то пусть они говорят это друг другу... Это еще не было песнями, такие песни пишут все: и Епифанцев, и Вильдан, да кто угодно в то время мог такое состряпать. Это не было песнями. Это не было Володей Высоцким.

А почему он начал писать песни, которые — Володя Высоцкий? А что делать актеру, когда ему нечего играть? А что делать Актеру с самой большой буквы — В е л и к о м у А к т е р у! — когда ему нечего играть? — Он сам себе начал делать репертуар. То есть не то чтобы он делал его сознательно: «Дай-ка я сяду и напишу себе репертуар...». Так не было. А вот когда есть потребность себя высказать, а негде: в «Свиных хвостиках» что ли или в «Аленьком цветочке»? Вот он и называл своих друзей, придумывал всякие штучки-дрючки, чтобы актеры поохотали. Это не уровень актерского творчества, это уровень актерских забав. А кто бы ему написал такую пьесу, да еще гениальную, про то, как шли в Монголию, про двух ээка? Кто? Да еще дал сыграть одного ээка, да другого, да повара с половничком? Кто бы ему тогда написал пьесу про штрафников?

Казалось бы, начало шестидесятых годов — такое время темное, пустое в Володиной биографии... Ну нет ничего — совершенно пустое время. Но было то, чего не было никогда: ни до, ни после — было с в о б о д н о е в р е м я! И была жажда работы, — вот он и создавал свой репертуар.

— Эти первые песни появлялись, рождались, записывались

по-разному. Всеволод Абдулов говорил, что песня «Штрафные батальоны» была записана на коробке папирос, когда они ехали в каталоге «полуторки» в Ригу со строительства Плявинской ГРЭС. Это было время съемок фильма «На завтрашней улице».

— Не могу с этим согласиться. Песня «Штрафные батальоны» была написана в Москве, Володя впервые спел эту песню на квартире Володи Акимова. Но песни действительно выплескивались — только так тогда они и рождались.

После спектакля, к счастью, короткого,— это был «Пугачев»,— мы поехали в Дом ученых, на вечер авторской песни. Поехали потому, что там был Миша Анчаров. Володя его любил. Приехали уже к концу. Вечер проходил в буфете. Какая-то девушка с гитарой пела, по-моему, «Бабий Яр» Евтушенко. Миша уже не пел, он сидел и ждал Володю. Мы сидели вместе, и Анчаров говорил, что очень любит песню «Тот, кто раньше с нею был...». И приводил какие-то самые любимые строчки из этой песни. Миша очень ценил строчку, которая, как он считал, стоит творчества десятка поэтов: «Ударил первым я тогда, так было надо». Он говорил, что за эту строчку можно отдать несколько поэтических сборников. Для Володи это была дорогая похвала, хотя в то время и похвал, и аплодисментов он получал уже достаточно. Это было время «Пугачева», это было время высокого взлета. Самооценка у Володи занижена не была, но все равно, такие слова от этого человека значили очень много.

Поехали на такси уже совсем поздно. Вернулись, наверное, часа в два. Призрачный, но уже рассвет. Тогда не было больших деревьев, в окно падал свет фонаря. Очевидно, Володя думал, что я заснула, а я думала, что он заснул... Покосилась на него, а он даже не мог раздеться — так устал. Он лег в белой сорочке — крахмальная такая сорочка, почти не помятая. И вот я лежу, кошусь, смотрю на него одним глазом и вижу, как у него сорочка с левой стороны ходуном вот так ходит. Я все время боялась, что он перетрудится и сердце у него взорвется. И с ужасом смотрю, как эта рубашка у него ходуном ходит. Потом он встал, пошел к столу, думая, что я сплю, нащупал гитару — и тот привычный шелестящий звук по ладам... (В это время он обычно писал на бумаге.) И сел писать. И написал «Их — восемь, нас двое...». Это у него заново родилась та песня, тот образ, тот «расклад перед боем»:

«Они стояли молча в ряд... Их было восемь».

Когда Высоцкий писал «блатные» песни, материал был тот — уличный. А накал, понимание жизни, отношение к друзьям — главное! — у него всегда было одним и тем же. Это писалось тогда, когда появились эти паскудные статьи типа «О чем поет Высоцкий». Как раз в то время... А песни — «Их — восемь,

нас — двое...», «Летят наши души, как два самолета...» — я до сих пор о них спокойно вспоминать не могу.

Это был 1967 год, конец мая или начало июня: ночи уж очень светлые были...

Почему это воспоминание для меня так важно? Об этих ранних песнях, которые принято называть «блатной стариной», сейчас говорят, что это «точная стилизация», что он хорошо знал «этот язык» и похоже воспроизводил... Да ничего подобного! Он же это создавал! Там никакой стилизации нет — это б л а т н ы е песни. А тот, кто так говорит, тот, во-первых, пытается зачеркнуть значение натурального блатного фольклора. А натуральный блатной фольклор тоже не воспевают ни жестокости, ни убийства, он тоже пытается оправдать этих людей.

Лирический герой народных блатных песен, авторов которых мы даже не знаем, — это тоже хороший одинокий человек, которого ждет страшная судьба. Все то же самое! И Володя нисколько не стилизует и не подражает. Он очень быстро, в один прием, создает целый массив этого фольклора. И только так это можно понимать. Даже грешно противопоставлять Володины песни настоящим блатным.

— В 1982 году в США был снят фильм о Высоцком — не помню сейчас названия, — в котором Иосиф Бродский сказал, что смерть Высоцкого — это потеря для русского языка, а не только для русской поэзии...

— Конечно!.. А самое главное слово скажет когда-нибудь Андрей Донатович Синявский. Он должен гордиться, что Высоцкий — его ученик. Володина культура и то, что можно назвать его эрудицией, — это заслуга Синявского. Ни от одного человека Володя не воспринял так много и никому он так не верил... И Синявский очень серьезно относился к его первым песням, самой лучшей он считал «Если б водка была на одного».

Я все не дождусь, а может быть, и дождусь в конце концов, когда этот этап Володино творчества будет рассмотрен с такой же серьезностью, с таким же искренним восхищением, с такой же высокой оценкой, как и последние вещи... Разве можно говорить, что «Райские яблоки» — это гениально, а «Ты уехала на короткий срок...» — не гениально? Да даже и самые смешные песни про шалава — они тоже гениальны. А «Окурки с под-платформы черте с чем напоелам» — это не гениально?

Есть словарь Пушкина, есть словарь Толстого. Когда-нибудь сделают словарь Высоцкого до 66-го и после 66-го. И тогда мы поймем, что ему дали роли Галилея, Хлопуши, что ему дало знакомство с интеллигентнейшим кругом художества Театра на Таганке... Просто разговоры с ними, просто присутствие в этих компаниях. На какое новое качество тем он вышел! Но если в

песнях Володи 62-го года так мало слов, то это еще не значит, что он не мог из этих небольших средств извлекать шедевры. Более того, это должно поднимать цену этих шедевров, как феноменов русского языка.

У Володи был плохой голос — диапазон маленький, — что он из него сделал?! То же самое он сделал из языка блатной песни. Там нет интеллигентных слов... «Окурок с под-платформы» — это и написано на том языке, на котором они говорили. И не потому что это подражание или стилизация, это был Володин язык! И ничего плохого в этом нет! Дурак тот, кто этого не понимает!

Почему никто не вспоминает про Колю — племянника Нины Максимовны? А про Колю надо вспомнить, ведь он был такой чистойшей, такой ангельской души человек! Кристальнейшей чистоты и ни в чем не повинный. А ведь он был осужден, сидел в лагерях. И очень много текстов песен — просто блатных песен — Володя знал от него. Коля вернулся не потому, что его кто-то простил, он был комиссован как страшно больной человек. И нигде ни в чем он не озлобился, никогда в жизни не ругал тех, кто его посадил... И тех, кто затащил его в дурацкую компанию — сторожить какую-то капусту, сворованную из ларька... Его это совершенно не озлобило. То есть мог человек окунуться туда — в эти круги ада и выйти таким же чистым, с такой же незапятнанной душой, с какой он туда попал...

Так откуда у Володи могли появиться мысли о том, что блатные песни — это обязательно воспевание зла и убийства?! Да и в какой блатной песне и кто воспевает зло, хотела бы я посмотреть? И у Володи это никогда не получалось. И, конечно, Володя никогда в жизни настоящего злого человека не оправдывал. Но это совсем отдельная и очень важная тема. Пусть когда-нибудь Андрей Донатович Синявский скажет об этом.

— Вопрос из разряда традиционных — отношение к поэтам?

— Почти все вспоминают, что Володя любил Межирова. Но я думаю, что самый любимый Володин поэт — не Межиров. Хотя Володя любил его стихи, и какие-то межировские вещи его действительно потрясли. Например: «Мы под Колпино скопом стоим...». Сам он эти стихи не пел, но слушал их как песню. Он просто со стула упал! Это было в любимовском кабинете, когда Юрий Петрович, собрал актеров-певцов, чтобы добавить песен в «Павшие и живые». Вот тогда кто-то эту песню спел. Володя был потрясен, и потрясен именно стиховым материалом этой песни.

— Приход Высоцкого на Таганку — это было радостное событие в Вашей жизни?

— Конечно, радостное. Володя к лету 64-го года был бес-
предельно безработным, у него уже была запись в трудовой
книжке — он не имел права работать по профессии. Там было
написано: «За систематическое нарушение трудовой дисципли-
ны...». В общем, страшно сказать. И единственное, чего я
не знаю,— кто привел Володю на Таганку.

— Таисия Додина или Станислав Любшин.

— Очень может быть, что именно Тая. Я просто не помню
этого момента. Я только помню, что Володя пришел и сказал:

— Да, берут.

И я не верила, что это на самом деле состоялось, и он сам
боялся, что это не состоялось.

— Пел ли Высоцкий Любимову при первом показе?

— Да, конечно, пел. Ведь Любимову он больше был нужен
для исполнения зонгов. Он хотел перенести «Доброго че-
ловека» на сцену театра, чтобы спектакль потерял студи-
ную окраску, чтобы он стал еще более брехтовским... Снять
эту легкую окраску студийности, которая придавала спек-
таклю какую-то прелесть, но не профессионально-сценическую.
Вместо этой свежести Любимов хотел высокого профессиона-
лизма. И он искал людей, которые свободно поют с гитарой,
легко держатся, легко выходят на сцену из зала... Искал людей
именно на брехтовское, на зонговое звучание. Как раз это делал
Володя. Это никто так не делал, вплоть до того, что брехтов-
ские тексты люди воспринимали потом как Володины песни...
«Была война» или «Голая правда» из «Десяти дней». Очень
многие люди были убеждены, что это Володя написал. Это было
до такой степени е г о...

Володя на Таганку пришел к себе домой. Все, что он делал,—
весь свой драматургический материал, который он к этому мо-
менту наработал,— все это шло туда, к себе домой. И то, что
они встретились, что их троих свела судьба: Любимова, Губен-
ко и Володю...— это могло случиться только по велению Бога.
Они были созданы друг для друга. И то, что масса людей недооценивает роль Губенко в этом союзе, говорит не лучшим
образом о вспоминателях.

— Известно, что Высоцкий любил, как его песни поет
Губенко...

— Они оба пели при мне. Я с Николаем Губенко вместе учи-
лась в институте и хорошо знаю про их дружбу с Володей. Колю
я помню с первого дня во ВГИКе, помню, когда он появился с
вещичками... Он уже тогда пел на первой консультации, пел под

рояль. Володе очень нравилось его исполнение блатных песен — настоящих блатных, не Володиных. Он много пел во время съемок фильма «Застава Ильича». Вот тогда я услышала Колино исполнение «Течет речечка» и «Вагончик», причем оно отличалось от общепринятого. Текст был полным. Коля не знал, что слова написал Михаил Львовский, который в то время работал в нашем институте.

— Губенко ушел из Театра на Таганке в 68-м году?

— Нет, Коля ушел раньше, когда только начали репетировать «Галилея». В то время в театре работал Александр Калягин — могучий актер. На роль Галилея был назначен он — они репетировали вместе с Володей. В принципе, пьеса была взята для Губенко, но Коля в это время уже уходил: или у него начинались съемки, или он уходил учиться во ВГИК, на режиссуру, точно не помню.

— Следующий вопрос тоже приблизительно относится к этому времени: предлагал ли Высоцкий свои песни другим исполнителям?

— Да! Предлагал. Я могу назвать людей, кому он предлагал свои песни: Майя Кристалинская, Лариса Мондрус, Вадим Мулерман, Владимир Макаров и Иосиф Кобзон. Я думаю, что это было гораздо раньше 68-го года, это было лето 64-го года. Это было до того, как Володя «плотно» уехал на съемки «Завтрашней улицы». Я вот-вот должна была родить Никиту. Значит, это — конец июля. Был сад «Эрмитаж» и был концерт, программу которого составлял Павел Леонидов. Он пригласил Володю для того, чтобы вместе с ним пройти в антракте за кулисы... Они прошли по примерным этим артистов, и Володя предложил им тексты. Не песни, а тексты: о мелодиях Высоцкого тогда еще никто не считал возможным говорить. Но Володя пел. Единственное, чего я не могу вспомнить, — это что он пел тогда. Я знаю, что Майе Кристалинской он предлагал «Колыбельную» — песню, которая не сохранилась, записи нет. Слова мой Аркаша помнит, а мелодию... «Колыбельную» он рассчитывал продать то ли в какой-то фильм, то ли на радио... А написал он эту песню, наверное, за год до этого.

— А эти две версии про реакцию Иосифа Кобзона? По одной он сказал: «Молодой человек, эти песни Вы будете сами петь». А по другой — просто дал двадцать пять рублей.

— Это было: и то, и другое. Он сказал: «Я петь не буду, ты сам будешь свои песни петь. А сейчас, чем могу — вот возьми. Отдашь, когда разбогатеешь». Я удивляюсь, почему он сам об

этом не вспоминает. Я бы на его месте этим гордилась. А может, он — скромный человек и ему неловко об этом говорить. Но тогда он нас тронул до печенок.

И еще: на этом концерте пел Джордже Марьянович. Поскольку — при помощи Пашки Леонидова — мы сидели в ложе, прямо носом на сцене: к а к! Володя смотрел на работу Марьяновича. Как Марьянович идет на общение, как много добавляет он к тексту песни... Наши певцы... — А ведь там были хорошие — Майя Кристалинская, Вадим Мулерман, у Кобзона голос нисколько не уступает Марьяновичу — даже лучше. Но какие же они были зажатые, малоподвижные. Какие-то манекены с часовым механизмом внутри.

А Марьянович ходил по сцене, садился, переключивал микрофон из руки в руку, делал вид, что вообще не в микрофон поет, а просто так... Строил глазки — он весь был в контакте с публикой. Он тоже небольшого роста, старался строить диагонали, такой же жест: или ногу поднять или руку — увеличить себя визуально. Я его, естественно, тогда не с Володей сравнивала, а с тем, как двигался, скажем, Мулерман, — он тоже пытался приплясывать: кававр!

А Марьянович из ничего — из пустяковой советской песенки «Три года ты мне снилась» — он из нее такое сделал! Не забыть.

— Два попутных вопроса: Павел Леонидов — это действительно родственник Высоцкого? И вообще, какова его роль в судьбе Владимира Семеновича?

— Он, по-моему, сын двоюродной сестры Семена Владимировича, и он сыграл роль — многоярусную — в жизни Володи.

Когда Володя был грудным младенцем, Паша жил на даче у Нины Максимовны, и в те моменты, когда у няньки болел живот или она вообще не приезжала, Паша Володю нянчил. А главное — запоем читал фантастику и приключения. Это второй ярус: фантастика и приключения, которые Пашка в детстве читал запоем, — не знаю, из чьей библиотеки.

И у Володи в детстве увлечение приключениями и фантастикой было очень глубоким. То есть он не одного Тарзана посмотрел в кино, он все это читал: всего Тарзана, все выпуски Ната Пинкертон, всю настоящую высокую классику приключений — всего Конан Дойля, а не только Шерлока Холмса или «Затерянный мир». Всего! Включая «Белый отряд» и морские рассказы, которых вообще никто не знает. А Володя знал их и тогда, то есть в этом вопросе он был эрудирован страшно. И когда он в «Балладе о борьбе» поет о «нужных книжках», — они все были. И не без Пашки.

Третий ярус — это когда Паша от всей души пытался помочь Володе какими-то связями. Это не получилось, ну что же: отрицательный результат — тоже результат. Володя понял, что и ре-

пертуар для себя он должен создавать, и что свой репертуар он должен петь сам.

Позже мы с Пашей реже виделись: у него уже своя жизнь сложилась, свои личные дела. Но еще одно важное обстоятельство: Паша был примером человека, который вылезился от того, от чего никто не мог вылезиться. Пашей гордились врачи. И каждый раз, когда Володя задумывался, сможет ли он сам остановиться, он говорил: «Ну, ничего. Есть врачи, есть Паша. Его вылечили, и я тоже...». Это тоже было.

А записывал он Володю? Володя записывался у кого угодно, если был хороший магнитофон. Своего магнитофона довольно долго не было.

Интересно, куда после смерти Паши делся его архив? Говорят, что его привезли из Америки в Союз. Там у него могут быть какие-то Володины рукописи. Я очень допускаю, что в тот момент, когда Паша водил нас в Эрмитаж, Володя оставил ему рукописи. Все может быть.

— А могут ли быть еще какие-то песни, которые никому не известны?

— «В тюрьме таганской нас стало мало... . Эту песню никто, кроме меня, не помнит...»

В тюрьме таганской нас стало мало,
Вести по-бабски нам не пристало.
Вчера я подстаканником
По темечку, по белому
Употребил охранника,—
Ну что он, сука, делает?

А недавно существование этой песни подтвердил Таривердиев... Да, она была написана для фильма «Последний жулик»... Просто ищут не там, где надо, и каждый роет свой ход, вместо того чтобы объединиться...

— А текст песни «В тюрьме таганской...» существует?

— Он есть, но записан моей рукой, моим почерком. А доказывать Володино авторство я не собираюсь. Это часть моей биографии, *моей!* Пусть это со мной и умрет.

— Главное, чтобы сохранилось.

— Да не это главное. Если бы это было на уровне «Охоты на волков» или «Штрафных батальонов» — это было бы живо. Володя бы это пел. Пусть живет **то**.

— Не могу не задать еще один традиционный вопрос: Высоцкий и Любимов?

— Я думаю, что Володя никого так не любил, как Любимова. Но и ненавидел его по временам страшно. Свидетельство тому — две песни, которые Любимову посвящены. Кроме тех песен, которые на самом деле ему посвящены и общенародно известны, есть еще две песни об их взаимоотношениях. Это «А тот, который во мне сидит...» («Я — «Як»-истребитель») и «Иноходец». У них были очень острые конфликты — это те конфликты, которые бывают между самыми близкими на земле людьми. Между людьми, которые как сиамские близнецы. Я не очень люблю Вознесенского как поэта и как вспоминавателя, но его «Песня акына» («Дай мне, Господь, второго...») для меня — это про Володю и Колю. Вернее, про Колю и Володю. Губенко моложе — года на два, на три, — но он свою манеру актерскую довел до совершенства раньше, чем Володя. И вообще, Губенко из породы тех людей огромной воли и огромной самодисциплины, которые строят себя стремительно и энергично по раз и навсегда задуманному плану. Он уже к моменту знакомства с Володей имел свою музыкальную манеру исполнения стихов. Умел, скажем, ходить по проволоке, умел скакать на лошади, стоя в седле. И актерская его манера в момент выхода на шикарный актерский темперамент — она тоже у него была готова. Все это он делал уже в институте. В «Карьере Артура Уи» он сделал образ Гитлера на том уровне, на каком он делал его потом на Таганке. И эстафету принял Володя, внешний рисунок роли Володя полностью взял у Губенко, не меняя спектакля, не переделывая его на себя. — Володе было в пору то, что делал Губенко. Все трое: Любимов, Губенко и Высоцкий — они родились друг для друга, их свело время. Этого театра не было бы, если бы им не удалось встретиться: был бы какой-то другой театр. И эти Колины неприятности: закончил институт, московской прописки нет, я даже не знаю, получил ли он диплом в тот год, когда закончил институт? Там были какие-то свои сложности... И Володя был со своей трудовой книжкой, которая сгорела в пепельнице на столе у Любимова. Да, Юрий Петрович ее сжег и завел новую. Вот так, трудовая книжка Высоцкого начинается с Театра на Таганке...

Это тоже интересный был случай, с песней «Я — «Як»-истребитель»... Володя написал эту песню прямо после разговора с Юрием Петровичем, причем разговор был очень хорошим. Может быть какое-то раздражение на жесткость режиссуры, на требования — оно и было, а тогда... Откуда-то они возвращались, с какого-то обсуждения... Это же были годы, когда Любимова без конца таскали: он не вылезал из райкома и из управления культуры. И, естественно, нигде спасибо не говорили, а как раз наоборот... Откуда-то они шли. Сначала Володя провожал Юрия Петровича, потом наоборот; долго-долго они ходили пешком. И Володя пришел в каком-то восторге — до эйфории! Изображал, показывал, как Любимов ему рассказывал

про одного человека, потом про другого — и по свежим следам... Кто и как себя ведет, кто с чем приходит, как при этом ведут себя таганские актеры... Как Зина Славина лезла на дерево, чтобы подглядывать. Как она подкладывала Юрию Петровичу карточных королей с проткнутыми глазами, чтобы ему одолеть всех этих чиновников. И Зинины заговоры смешные, что-то типа: «иголку в сердце и в печень за злые речи...». Не могу сейчас вспомнить, а Володя помнил наизусть...

— Людмила Владимировна, давайте снова вернемся назад, в самое начало шестидесятых годов, вернемся на Большой Каретный, где Вы, конечно, часто бывали. Расскажите, пожалуйста, о Левоне Суреновиче Кочаряне.

— Это был замечательный человек. Если бы было можно с помощью электронной машины угадывать профессии, то Лева был бы Макаренко — директором интерната или большого детского дома. Это был человек, к которому людей тянуло — и не просто людей, а тех, которые нуждались в помощи, тепле и поддержке, в семье... И не только в помощи, но и в жесткой критике, — ведь они побаивались Леву. Все, и Володя в том числе. Причем музыкальность изумительная и голос красоты необыкновенной. Он мог быть грубым, мог врать женам своих друзей, глядя спокойно в глаза. Но это потому, что он был их воспитателем и все мы были его семья. Я не знаю, была это ложь во спасение или не во спасение, но чтобы своих не трогали...

— Инна Александровна Кочарян рассказывала мне, что Вы иногда звонили с Большого Каретного, когда Высоцкий бывал в других городах.

— Да, ведь у нас не было своего телефона, и можно было звонить либо с телефонного узла — где нужно было торчать целую вечность, — либо от своих друзей. Володя тогда был в Свердловске. Чьи же это были гастроли? Скорее всего, театра Пушкина.

А вообще, до Таганки Володя практически жил там, поскольку больше было негде. Но я думаю, что Инна Кочарян может лучше рассказать об этом времени, а еще, конечно, — Толя Утевский. Ведь на Большом Каретном прошла часть детства Володи, и этих людей он знал давно. Там, на Большом Каретном, он познакомился с Василием Шукшиным и Андреем Тарковским. Там было много людей, которые для Володи были очень дороги. И, по-моему, образ Жеглова — это долг памяти двум людям: Леве Кочаряну и брату Толи Утевского.

— Я встречался с Анатолием Борисовичем Утевским. Меня

поразил его рассказ о том, что он брал Высоцкого на допросы, на очные ставки, на выемки, когда Утевский работал в одном из отделений милиции...

— Да-да. Володя бывал и у Юры Гладкова, который работал в отделении милиции «у трех вокзалов». Мы с Володей даже вместе ходили туда дежурить. Это было между двумя сыновьями, значит это было в 63-м году. Мы тогда жили на даче у брата Валерия в «Отдыхе».

— А еще я узнал от Утевского, что он осенью 61-го года получил телеграмму из Ленинграда: «Срочно приезжай. Желюсь на самой красивой актрисе Советского Союза».

— Володя мне все время говорил:

— Вот прилетит мой брат, вот прилетит мой брат...

И он прилетел — старший брат — Толя Утевский. Толян мне страшно понравился. Я его восприняла не просто, что он — Володин брат, а как будто я всю жизнь его знала и как будто он — мой брат. Как будто тысячу лет я с ним рука об руку прожила. Но я не знала, почему он прилетел. Думала — прилетел и все. Я никогда не знала, что Володя вызвал его телеграммой.

— Многие друзья Высоцкого говорят, что память у него была феноменальной.

— Очень своеобразный феномен — Володина память. Она — кроме прочего своеобразна и как медицинский феномен, даже патологический. Володя фиксировал в памяти вне сознания. Он мог сидеть и разговаривать, не прислушиваясь к тому, что говорят сзади него. Он мог сидеть и балагурить в общезирии, когда кто-то готовился к экзаменам... Он мог копать в носу и сочинять дурацкие куплеты на лекциях. А потом он шел на экзамен, и оказывалось, что он знает все и лучше всех. Помнит такие детали, какие не помнит никто. Он сам это ощущение страшно любил, когда вспоминал что-то такое, на чем он не фиксировал свое внимание. Страшно любил вспоминать слова, которые он никогда не слышал. Иногда он не был уверен в своей памяти, например: «Долго Троя в положении осадном...». Он собрался написать эту песню... Спрашивает у меня:

— Чем кончилось дело с Кассандрой?

— Нет, он не про Кассандру сначала спрашивал, он про Троянского коня сначала узнавал: кто придумал, зачем, кто там внутри был, чем кончилось, что делала Кассандра? Я в этот момент уже засыпала, что-то такое сказала — и отрубилась.

Наутро Володя говорит мне:

— Звони кому-нибудь, у кого есть «Легенды и мифы Древней Греции» Куна, чтобы проверить...

— Куда, как звонить? Ты сначала песню покажи...

А в ту ночь дуплетом родились: «Троя», про Кассандру и «Песня о вещем Олеге», — так у Володи бывало. И вместо того чтобы посмотреть в энциклопедию, мы сразу позвонили нашим знакомым — Евдокимовым. А потом поехали к ним и там все проверили.

Володя любил вспоминать, как он сдавал философию: не прикасаясь ни к книгам, ни к конспектам:

— Прихожу, открывается дверь в стене, и я все помню.

Кто верил, кто не верил, а я знаю, что у него бывало так. Вот еще про Лешего, который коры стелько-то кил приносит. Так вот: откуда он знал, что леший питается корой?! Прочитать Володя не мог, потому что это было в редком издании Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». А знания по славянской мифологии... Источник у нас был один — общий для Володи, для Васи Шукшина, для Андрея Тарковского и для меня. У нас был один преподаватель по истории изобразительного искусства во ВГИКе и Школе-студии МХАТа — Симолин, к сожалению, покойный. Он мог читать историю изобразительного искусства и восточную, и западную — какую угодно, но раннеславянская дохристианская мифология была его страстью, его большой любовью. У нас в институте он об этом много и хорошо говорил. Он приносил какие-то иллюстрации, редкие книги, в том числе и Афанасьева, о котором до тех пор я еще и не слышала. И о книге Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» я тоже услышала от Симолина. От него же я узнала, что Змей-Горыныч и Чудо-Юдо — хазарские влияния — это представления об иудаизме, ведь хазары исповедовали иудаизм. А во МХАТе, где лучше было поставлено единство общекультурных дисциплин и мастерства, — они там все это еще и играли. Они мастерили эти костюмы, делали этюды на эти темы — все это у Симолина.

У нас во ВГИКе все это не получалось: наши актеры были более ленивы, а МХАТовские ребята все у Симолина делали, поэтому Володины знания были более конкретны. Хотя у него напрочь все это вылетело, ему не нужно было держать это в активе, но когда надо — все всплывало готовым. И вот именно момент мгновенной ассоциации, когда она нужна, — мгновенно протянуть руку и взять с полки у себя в памяти то, что необходимо, — вот это он любил очень, это доставляло ему огромное удовольствие.

А вот в кроссворде он так не мог. Логический ход мышления ему мешал. Но когда ему было нужно что-то для песни, это мгновенно проявлялось — и с безошибочной точностью.

— Людмила Владимировна, Вы сказали, что прямых ассоциа-

ций с какими-то жизненными событиями, фактами не так много, но они есть?

— Бывали, да.

— А Ваш брат Валерий уверен, что если покопаться, то для каждой строчки можно найти какой-то источник...

— Это совсем другое дело. Это вопрос богатства ассоциаций, а не первого толчка. Это не значит, что песня прочно привязана к какому-то событию, к какому-то разговору. Это значит, что образный ряд у Высоцкого, как у Ахматовой,— это богатство ассоциаций, связанное одновременно с жизнью, с мельчайшим бытом, с подробнейшей, очень точной мелкой деталью бытовой,— и в том же ряду, на том же уровне — ряд высочайших «интеллигентных» ассоциаций: чьих-то стихов, народного творчества, религии. На одном уровне сознания, даже подсознания — как бы ссылки: отослать читателя на какую-то страницу такого-то издания, отослать мгновенным образом, одной ассоциацией. Это свойство Володиных песен.

Во многих песнях можно найти строчки, которые ассоциируются с Окуджавой, с Анчаровым, с тем же Межировым, с военными песнями, которые уже стали народными,— не в смысле подражания, а именно ссылки. Вся песня будет другая, но одна точная ассоциация, на одной строчке, всегда подскажет, кого Володя имел в виду, кого он любил, кого он хотел вспомнить.

Володя очень часто делал ссылки на свои песни, как бы сноски. Мне сейчас трудно привести конкретный пример, но это многим бросается в глаза: вот он пишет-пишет, а потом делает ссылку на какую-то конкретную свою песню. Это не просто автоцитирование, а один мелкий образ — не то чтобы строчками и кусками, а вот именно какими-то «опознаками», как сейчас пишут молодые критики. «Опознаки» для своих, для тех, кто знает. Мне кажется, что это очень важно. Это подчеркивает то, что Володя вообще в с е воспринимал как нечто единое, как большой-большой культурный контекст.

Хотя бы тот же пример «Цыганочки» (внутренних ссылок в «Цыганочке») к любимовскому спектаклю «Пугачев», к Володину отношению к Есенину, к своей собственной судьбе,— все это сплюснутая цепь таких мелких опознаков:

«На горе стоит ольха,
под горою вишня...»
Или:

«Но в конце дороги той —
«плаха с топорами».

Ольха — символ надежды, символ молодого Есенина. И в то же время это слово «ольх-ха» — это Володина привычка

петь не только сонорные, но и взрывные звуки. Ладно, когда он поет «м-м» или «н-н», но когда он поет «х-х» — как это?! Это только у него, это как бы подтверждение своего авторства.

Для него все было контекст, и тот, кто пытается отдельную псню или отдельное стихотворение (особенно это касается стихов) рассматривать только как текст и разбираться в нем только по тексту,— тот в тупике. В абсолютном. У Ахматовой много ссылок, много недомолвок. Свой — поймет. Кто не свой — тот может не понять. Но все равно мы что-то из усложненного ахматовского языка понимаем. И человек, который не был знаком с Володиной биографией, с другими Володиными текстами, все равно схватит какую-то часть эмоциональной информации, но не самое главное. Самое главное — только в контексте! Поэтому важно, чтобы те, кто покупает сборники стихов Высоцкого, могли купить и книжку о Театре на Таганке. Важно, чтобы такая книжка вышла, чтобы кто-то ее сделал.

Когда Володя был на концерте в Институте русского языка,— это, по-моему, 65-й год,— там ему подарили только что вышедший ахматовский сборник с Модильяни на обложке. И в книжку была вложена самодельная открытка, на которой ему написали какие-то стихи на тему: «Кому же еще дарить Ахматову, как не Высоцкому?!» Они там очень оригинально рифмовали... Для критиков и ругателей и Высоцкий, и Анна Андреевна — «Ах-матовы», то есть матерщина какая-то, а не поэзия. «Кто за свободу песни ратовал?— Высоцкий и Ахматова». Вот эти ребята в контекст смотрели, а не в лупу буквы разглядывали.

Только все вместе! Оторвать «блатную старину» от самых исповедальных, самых страшных, самых предсмертных стихов нельзя — там все вместе. Оторвать страсть к театру нельзя: если бы он не любил театр, он никогда бы песни не начал писать. Он бы не стал поэтом, если бы не хотел стать актером. Стать просто письменным поэтом ему было бы скучно. Может быть, если бы он теперь родился, он бы знал, что поэзия бывает и другая. Капустники? А кто из студентов не пишет в капустники стихи?— Покажите мне такого человека! А поэзия у него началась только после того, как он театр полюбил.

— Людмила Владимировна, Вы рассказали о Синявском, а вспоминал ли Высоцкий о других преподавателях Школы-студии МХАТа?

— Да, вспоминал. У студентов и преподавателей были очень дружеские, очень близкие отношения, совершенно без дистанции. Конечно, Володя боготворил педагогов, говорил им «Вы» и не фамильярничал, но при этом глубоко почтении общение было очень близким и дружеским. Очень личностное общение.

Да, у них были замечательные преподаватели, но в то же время — как говорил Виленкин — мы Высоцкого просмотрели. Сейчас многие говорят:

— Да, мы с первого курса...

А Виленкин, который знал во МХАТе всех и вся, который не просмотрел Булгакова, говорит:

— А Володю мы просмотрели...

Володя не был самым ярким на курсе, не был ведущим, что может быть и хорошо. Вот такое ощущение спокойного равенства, без соперничества, — оно у них было.

— А отношение Высоцкого к процессу Синявского и Даниэля? Об этом процессе он пишет в письме Кохановскому в Магадан...

— Отношение сложное. Мы действительно очень многого не знали. Андрей Донатович был не то что кумиром Володи, он был почти родственником. Но Володя долго не знал, что Синявский не только критик, но и писатель. О том, что Андрей Донатович пишет фантастические рассказы, он узнал еще до процесса. Однажды он пришел с квадратными глазами и принес рассказ Синявского «Пхенц», не зная, что этот рассказ уже опубликован на Западе под псевдонимом «Абрам Терц». Рассказ действительно потрясающий...

«Пхенц» — это рассказ про горбуна, который на самом деле не горбун, а пришелец. А горб — потому, что он прячет крылья. Зброшенный на Землю, очень одинокий, никак не может найти своих. Он не знает, что все они погибли. Живет в качестве всеми презираемого горбуна... Однажды встречает человека с горбом и думает, что у него тоже крылья. Причем до самого последнего момента мы не знаем, что это пришелец и что у него вместо горба — крылья. Просто история про противного горбуна, которого ненавидят соседи, и он страдает от этого.

Он приглядывается к другому горбуну, и мы думаем, что он просто ищет с кем бы поговорить... Он идет к этому горбуну, звонит в дверь. Тот открывает, и первый горбун говорит только одно слово:

— Пхенц.

А другой горбун его выгоняет, просто спускает с лестницы. И вот пришелец, одинокий, приходит домой, ждет, пока все соседи улягутся спать... Запирается в ванной, снимает пиджак, с трудом освобождается от рубашки и жилета, которыми он себя стягивает как корсетом... И в теплой воде расправляет ломающиеся от напряжения крылья!

Володя был потрясен. На уровне фантастики, которая была тогда, — и вдруг такое! Даже не фантастика, а что-то высокое.

О том, что Андрей Донатович взял себе псевдоним, Володя не знал. Но он чувствовал, как Донатыч всех берег. Он переживал, что у Донатыча были люди ближе, чем он. И было чувство

не осуждения, а горестного удивления — все-таки отдавать свои сочинения за рубеж... Нам тогда хотелось, чтобы все хорошее было здесь, на нашей земле. Тогда Володя не мог видеть так далеко, как Андрей Донатович, уж очень он был молодой... Наверное, Володе казалось, что с такими рассказами благороднее погибнуть на костре.

Возвращение к мыслям о процессе было во время работы над «Галилеем» — это и по времени почти совпало... Помните, последние два монолога: плохой и хороший конец пьесы? Володя соотносил хитрость Галилея: вот его книгу ученик повезет в Париж, ее увидит Декарт... Но и тогда Володе казалось, что правду надо говорить на месте. Уж очень были шестидесятые... Дело не в том, что мы были наивны и во все верили, как раз во многое мы не верили. Но все-таки мы — дети военного поколения. Для нас немецкий язык — плохой язык. Фашисты! Заграница — плохо. Я где-то читала, что потом у Володи это откликнулось каким-то печальным недоумением: ведь победили-то мы, а как у н и х хорошо — у немцев, у японцев.

— Вернемся еще дальше: вспоминал ли Высоцкий о детстве, о школе.

— Мало, очень мало. То есть о школе я ни разу не слышала. А что значит — воспоминания о школе? Это друзья — Володя Акимов, Гарик Кохановский, Яша Безродный, Аркаша Свидерский... Да, о ребятах говорил... Но я не помню, чтобы он назвал кого-нибудь из учителей, никогда не слышала. И чтобы рассказывал какие-то школьные эпизоды, — тоже не слышала. Я думаю, отчасти потому, что там — на Большом Каретном — настолько большое значение имела семья Левы Кочаряна, что все остальное казалось незначительным. Я не помню, чтобы ему хотелось пойти в школу, на вечер встречи... Даже номера школы его не знала, хотя могла бы легко запомнить, потому что у меня была 186-я квартира.

И мне кажется, я понимаю, почему он не вспоминал о детстве, о школе... Ведь Володя, в сущности, действительно был очень веселым человеком. И что-то страшное он просто блокировал. Как гематома, — зарастало, а не рассасывалось и в общий обмен веществ не попадало. Лежало внутри, лежало каким-то страшным грузом. И даже «Баллада о детстве» — это баллада, это нечто историческое, почти эпос. Своего лирического восприятия, трагичности там нет.

Помните, Лида Сарнова рассказывала, что ее пронзила жалость, когда она его в первый раз увидела? Ну, никак этого не скажешь про Володю! Чтобы кого-то когда-то при взгляде на него могла пронзить жалость... Он всегда казался сильным, веселым... Он себя от этого отделил, как бы сохранил себя... А там должны были быть какие-то страшные воспоминания, в

том числе и бомбежки, и голод, и бедная одежда... И размышления на тему, почему мама и папа живут в разных местах... И ревнивая любовь к тете Жене, привязанность к Лиде, которая пожалела его... Другие, может быть, тоже жалели, но не показывали вида, а Лида по молодости раскрылась.

И мне кажется, что вот эти внутренние задавленные воспоминания о детстве — чтобы наесться досыта, и чтобы была прочная крыша над головой, и чтобы папа и мама были вместе — это было... Но поскольку было задавлено долго-долго, поскольку он не трогал этого, старался не вспоминать, оно и стало той жаждой, чтобы всем было хорошо. Это тот двигатель, который заработал. И тут, наверное, много-много людей, которых жалко... И Володя своим хохотом и весельем это исправлял, это какая-то сублимация.

Ну не вспоминал про школу! Казалось бы, а почему не вспомнить?! Было что-то смешное, были какие-то хохмы, — а ведь все это мы знаем только со слов ребят, — сам он никогда об этом не рассказывал.

Но ведь про детство рассказывают! Я же ему без конца рассказывала... ему нравилось, что у меня была бабушка, которая все на свете знала, все читала, — ходячая энциклопедия... Что все могли ей позвонить и спросить у нее все что угодно. Ему нравилось, что она не работала, а занималась домом... И Володя хотел, чтобы я не работала, чтобы сидела с детьми... И что, вообще, женщины должны салоны держать и детей воспитывать...

А сам ничего не рассказывал. Редко-редко — какую-нибудь мелочь... Вот про ту фотографию, где он в тюльпанах стоит, говорят, что это в Малаховке. А он говорил, что это в Оренбурге, Бузулуке или что-то в этом роде.

— А про Бантоша рассказывал?

— Про Жору рассказывал. Со злостью и хохотом. Рассказывал, как про преодоленное. Терпеть он его, конечно, не мог. Но опять же, — что рассказывал? — Как Жора Бантош боялся Гисю Моисеевну! Как весь дом содрогался при виде Жоры Бантоша, а Гися Моисеевна, бросив на пол котлету, которую она в этот момент валяла в сухарях, бежала, кричала на него, махала кулаками, тряпками, приходила обратно, поднимала котлету и продолжала ее дальше валять. То есть не без смеха. Я от него никогда не слышала, что «вот, бедная мама...».

Просто как факт.

— Кроме домов на Первой Мещанской и на Большом Каретном было еще одно родное место — квартира Епифанцева в Каретном Ряду.

— Володя Жору Епифанцева любил и к Лиле — его жене — очень хорошо относился. Жора постоянно пытался писать пьесы, мечтал открыть театр, в котором бы шла научная фантастика. В этой связи мы и к Стругацкому ходили... Но то, что Володя некоторые песни написал для Жориной пьесы, — я думаю, что это не так. А еще в то время Жора писал — я не знаю как это назвать: пьеса или роман, а называлось сочинение, по-моему, «Конгломерат».

— Попытка создать Московский молодежный экспериментальный театр как-то отразилась на вашей жизни?

— Думаю, нет. Какое-то время мы этим занимались, это было до Таганки. А все начиналось осенью 63-го года, была просто попытка... Временами занимались в Школе-студии, временами у кого-то на дому. Но я не думаю, что даже если бы не было Таганки, Володя бы на этом остановился. Потому что в этих попытках было не столько новаторского элемента, сколько желания повторить то, что сделал Олег Николаевич Ефремов. Все они были из одной Школы-студии, из той школы, из которой родился «Современник», все они были более или менее безработными, им просто хотелось работать. Володя очень хорошо относился ко всей затее, но я не думаю, что он делал на это ставку. Но если бы сделали театр, Высоцкий бы не подвел.

— Материальное положение в первые годы было сложным?

— Да. Но я не могу сказать, что это было самым главным в нашей жизни. Хотя нищета, конечно, была чудовищная: Володе просто не в чем было ходить. Он носил пальто Миши Туманова, брюки Толяна Утевского, а ботинки мы стибрили на студии «Ленфильм». Носил буклетистый пиджак. Он был для Володи страшно дорогой вещью, почти символической.

— На первых своих выступлениях Высоцкий пел в этом пиджаке, сохранилась фотография. А теперь вернемся к началу нашего разговора: запись во ВГИКе — концерт или какая-то специальная запись?

— Это связано с Андреем Донатовичем Синявским. Кто-то из ВГИКовских студентов — режиссеров или операторов — сделал курсовую, а может быть, дипломную работу. Точную тему этой работы я назвать не могу и даже не знаю, к кому сейчас можно обратиться. Дело в том, что жена Андрея Донатовича — Маша работала преподавательницей ИЗО в нашем институте. Возможно, что именно она подсказала студентам и материал, и место, и тему. Уж очень красочным, колоритным местом была квартира Синявских. У них было две комнаты в

коммуналке на втором этаже и еще была комната в подвале, в том же доме. Все это было уставлено книгами, увешано старинными иконами, разукрашено деревянной утварью. И жили там безумно колоритные люди: сам Андрей Донатович и Мария Васильевна. Это был дом, который просто просился в кинокамеру, и кто-то из студентов ВГИКа сделал работу на этом материале. Снимали квартиру, подвал, библиотеку, Синявского, Машу, людей, которые у них бывали, поющего там Володю... И попутно для фонограммы, для чистоты фонограммы, Володю записали на учебной студии ВГИКа. Это было наверняка до того, как у Синявских родился ребенок, и наверняка после того, как у меня родился Никита. Значит, это было между 64-м и 65-м годами, где-то в этом промежутке. Это была студийная — наверное, первая высококачественная — запись. Да, вспомнила,— это писалось в тонвагене, который стоял во дворе дома в Хлебном переулке.

— А с кем из Ваших друзей по ВГИКу общался Высоцкий?

— Он любил трех моих друзей: уже покойного Женечку Харитонову, Игоря Ясуловича и Лору Блинову. Кстати, одна из первых Володиных записей была сделана в квартире Наташи Егоровой — жены Игоря. Это конец 61-го или начало 62-го года. Мы играли в шарady в этой квартире, тогда это было любимое занятие. Еще одно чудесное воспоминание могу Вам подарить: как Володя в первый раз сыграл Гамлета. Было задумано слово «принцип». Я уже не помню, как мы делали «ип», но принца изображал Володя. Был тот самый заветный буклетистый пиджак. Пиджак закололи как мантию, Володя встал в каноническую позу принца Гамлета — и все моментально поняли, что это — принц. Так что он нам шарady испортил. И Игорь помнит, как Володя изображал Гамлета.

— Людмила Владимировна, Вы снимались вместе с Высоцким не только в фильме «713-й просит посадку», но и в телефильме «Комната». А какие у Вас там были роли?

— Володя играл художника,— он был отрицательный. Он рисовал Олега Колокольникову, а картина должна была называться «Слава труду». И когда репетировали, перед Володей ставили мольберт. Володя т а к о е рисовал, такие Колокошины портреты! А я изображала стюардессу — возлюбленную художника, более положительную, чем он. Все было — совершенно кошклин навоз.

— И фильм показывали по телевидению?

— Да, показали, но совершенно напрасно. Это было, навер-

ное, в июле 1965 года. Помню, что смотрели мы это на квартире у Юры Смирнова — таганского актера. Но не помню, чтобы получили много радостных впечатлений.

— Вы знаете, мы не поговорили еще на одну интересную тему: Высоцкий-рассказчик...

— Володины устные рассказы... Страшно интересно было бы найти их записи. Было несколько заготовленных... Скажем, серия рассказов про Серегу и Серезу. Они были в разной степени косноязычны и картавили на разные буквы. А замечательный цикл про умнейшую собаку Рекса. Этот цикл рассказов относился, по-моему, к отставному милиционеру, у которого и была умнейшая собака Рекс, значительно умнее хозяина. Потом был рассказ про уволенного с работы — это был любимый рассказ Андрея Донатовича Синявского. Кстати, у Синявского были записаны все устные рассказы Высоцкого. История уволенного с работы была довольно длинной: кто ему что сказал, что он ответил, как он дома это рассказывает соседям, как это он рассказывает по телефону... Андрей Донатович считал, что это — высшее достижение Высоцкого вообще. Еще был замечательный рассказ про рабочего, который потом стал одним из авторов «Письма рабочих Тамбовского завода». По форме — это было интервью, примыкавшее к серии рассказов о Никите Сергеевиче Хрущеве. Причем меня возмущало то, что этот рабочий после каждой фразы обращался к своей жене: «Правда, Люся?!» Это было ужасно совсем.

Одновременно с этим рассказом — большая серия рассказов про Никиту Сергеевича Хрущева. Сказать, что Володя его не любил, было бы неверно. Володя его уважал и очень ценил. Еще Володя был очень хороший имитатор, но это не значит, что в рассказах он только этим и занимался. Он мог абсолютно точно изобразить кого хочешь: большого, маленького, похожего, непохожего, любой национальности, с любым акцентом... И страшно похоже имитировал речевые характеристики. Всех преподавателей МХАТа он мог изобразить. И для него Никита Сергеевич — это прежде всего была речевая характеристика: и в смысле говора южно-русского, и в построении фразы, и в ораторском искусстве. А, пожалуй, самая лучшая история из этой серии была про президента Кеннеди...

— А переговоры Никиты Сергеевича с космонавтами?

— Ну, это была прямая имитация, это был не устный рассказ. Он мог просто взять газету и читать выступление Хрущева так, что за стеной соседи включали радио.

Потом отдельно — совершенно замечательный пласт, когда Володя приехал со «Стряпухи». Он привез целую серию северо-

кавказских рассказов, в том числе замечательную историю про разговор втроем: учитель, ученик (кажется, пятого класса, которому уже семнадцать лет) и отец этого пятиклассника — секретарь обкома какой-то национальной области. Папу вызвали в школу, отец разговаривает с учителем на «ты», а с сыном на «Вы». Володя изображал всех троих. Это невозпроизводимо, там и слов-то каких-то особенных не было. Учитель, интеллигентный старичок, говорил о том, что ребенок очень способный и, в сущности, очень хороший мальчик... Ну, написал на стол, — наверное, постеснялся попроситься выйти. И секретарь обкома — вождь! — с акцентом, на «Вы», своему сыну:

— Мне смотрите, сюда смотрите!

И учителю на «ты»:

— Чапалах ему сделай!

(Что значит — по роже или по заднице.)

— Людмила Владимировна, по стране в перепечатках ходит повесть Абычева «Кольцо». Ваше отношение к ней?

— К сожалению, гуляет... Вранья там нет, про Володю ничего плохого я все равно не могла сказать и соврать бы не смогла. Мне это лично неприятно потому, что люди могут подумать, как это Володя мог на такой идиотке, на такой хвастливой дуре жениться... И правильно сделал, что ушел... Разумеется, я этому человеку никогда в жизни не прощу, потому что я просила этого не распространять. Он мне эту вещь показал, и я его просила ни в коем случае не тиражировать. Я считаю, что он — подлец. И если бы была возможность злобно, по-хулигански, ему отомстить, я бы это сделала. Хотя моя личная обида несправедлива, потому что по-настоящему плохо не то, что он — мерзавец. Подлость в том, что повесть написана от первого лица и что, якобы, существует магнитофонная запись. Н и к о г д а, никогда этого не было! А что касается кольца, то да, кольцо имело место быть. Настоящего вранья, подлога там не было. Есть попытка имитировать мою манеру говорить... Я так не говорю. Вы сами могли в этом убедиться...

— Некоторые люди считают, что такие люди, как Высоцкий, Аверинцев, Шнитке, — они из другого, параллельного мира?

— Из того же самого! Читайте Льва Николаевича Гумилева. Это та самая пассионарность, из которой рождаются этносы. И держатся. Из того же самого теста. И именно Аверинцев. И именно Шнитке. Из того же теста был автор «Слова о полку Игореве». И Володя.

Ноябрь 1987 г.

ЛЮСИК! ЭТО ОПЯТЬ Я!

ПИСЬМА ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО

О письмах... Мы вернулись из Ленинграда в Москву, Володя снова устроился в театр. И почти сразу уехал на гастроли. Мне кажется, что это был Театр миниатюр, но тут нужно уточнить.

Володя уехал в самом начале 1962 года, и сразу пошли письма. Я ему тоже писала много и подробно. Мы писали друг другу практически через день. Володя вернулся из Свердловска в начале марта.

А летом того же года Володя снова уехал в Свердловск, но уже с Пушкинским театром. Это можно утверждать точно, потому что в одном письме он упоминает о страшной жаре, которую плохо переносила Фаина Георгиевна Раневская...

В письмах были и песни — наброски, первые варианты... А иногда — просто мелочи: о жизни, о спектаклях... А в самых первых письмах много о Театре миниатюр — ему поначалу там очень понравилось, потому что и он там понравился. Они же хотели делать спектакль по его песням...

Следующие письма... Родился Аркадий. Володю утвердили на роль в фильме «Штрафной удар». И сразу после Нового года он уехал на съемки в Казахстан. Было две экспедиции: сначала зимой, а потом почти всю весну. Поэтому оттуда много писем.

Зимой 64-го года Володя с Мишей Туманишвили были в концертной поездке. Но в это время уже было довольно легко с телефоном. Мы так договорились, что на его звонки я ездила на Большой Каретный к Инне Кочарян. Поэтому из этой поездки всего одно письмо.

Летом 64-го года была очень хорошая поездка в Латвию — съемки фильма «На завтрашней улице». Володя поехал с друзь-

ями, уже появилась Таганка... Гена Ялович, Сева Абдулов, Савелий Крамаров... там ему по-человечески легко было. А я в это время рожала Никиту. Володя прилетел и улетел... Там он «Нинку» написал,— и первый, еще не законченный вариант этой песни — в одном из писем...

А после этого мы чаще всего ездили вместе — дивные тбилисские гастроли... В Ленинград один раз мы ездили вместе, а потом Володя один, но ненадолго. В Черемушках у Нины Максимовны уже был телефон, и так интенсивно мы не переписывались.

Потом была «Вертикаль». Я в это время снималась в Минске. Звонить друг другу мы не могли, а письма приходили к Нине Максимовне, и, мне кажется, что какие-то письма я потеряла, их было больше. Володя вернулся — «весь в друзьях и мечтах» — с громадными ящиками мандаринов. Ничего подобного я никогда в жизни не видела.

Летом 67-го Володя снимался в Одессе, а я отдыхала на Рижском взморье... Снова были письма...

— А Ваши письма сохранились?

Представьте себе, нет. Нина Максимовна их хранила, ленточкой перевязала, потом все мне отдала. А я их порвала. Это не имело никакого отношения к Володе. 1976-й год, я переезжаю на новую квартиру. Смотрю — письма! Читаю и думаю: Господи, какая же глупая баба их написала! Страшно читать! Раз — и на куски! А теперь жутко жалею — глупая или не глупая, но там же были такие мелочи, такие детали... Жалко.

Но все же главное, что сохранились В о л о д и н ы письма.

Свердловск, февраль — март 1962 г.

20 февраля 1962 г.*

Льосик! Уже я в Екатеринбурге, то бишь в Свердловске. Уже на подъезде ощутил я влияние стронция-90¹, потому что запахло гарью и настроение резко ухудшилось, в самом же городе, как говорят, махровым цветом расцвела радиация, и люди мрут как мухи. За окном — мерзкая мелкая дрянь падает с неба, и все миниатюрные артисты бегают по магазинам и ищут противорадиационные шмотки. Поселили в гостинице «Большой Урал» в маленький номер с мизерными удобствами и

с новым артистом Рудинным² (бывший Зильберштейн). Он — ничего себе — тихий, слушает песни и не пахнет майором. Скоро пойдем на спектакль.

Теперь по порядку. Сели в поезд. Гарик³ приехал провожать. Рассказал, как ему тяжело, как он влюблен в демонстрационный зал ГУМа⁴, как ему хорошо под татаро-монгольским игом, спел «Бабье лето»⁵, и я уехал. Все шло как обычно: пьянь у мужиков (кроме меня), вязание у баб, гитара с песнями у меня. Все пленились блатными песнями, особенно «Татуировкой»⁶, звали выпить, но я придумал грандиозную версию: сказал, что у меня язва, печень, туберкулез, астения и перпетуум мобиле. Отстали. Сосед мой по койке напился и ходил все утро больной. И я ему рассказал, как прогоняют колотунов. Прогнал и воспылал ко мне уважением. Спесивый я, правда! Видел тебя во сне. И ведь понимаю, что бесперспективно, а пригрезилось. И баклажанная икра тоже⁷. Вонд и мсё.

Лапик! Любимый! Не хулигань, не пей, не болей, не рожай и не переходи улицу в недозволенных местах, помни мои наказания и пиши. Целую.

Засим — с пожеланием счастья в твоей ярко цветущей жизни, с приветом к тебе

Вовка Высоцкий.

Р. С. Привет всем родным и Ясуловичу с Харитоновым⁸.

Люсик! Пиши скорее! Город Свердловск, гост. «Большой Урал», № 464.

* Все даты, за исключением особо оговоренных, даются по почтовым штемпелям на конвертах.

¹ ...влияние стронция-90 — подразумевается радиоактивный выброс неправильно захороненных отходов, случившийся под Свердловском незадолго до приезда трупы.

² Рудин — артист Театра миниатюр.

³ Гарик — имеется в виду И. Кохановский, друг и одноклассник В. Высоцкого.

⁴ ...как он влюблен в демонстрационный зал ГУМа... — речь идет о знакомой И. Кохановского, манекенщице.

⁵ «Бабье лето» — песня И. Кохановского, которую часто исполнял В. Высоцкий.

⁶ «Татуировка» — песня В. Высоцкого.

⁷ И баклажанная икра тоже. — В. Высоцкий очень любил баклажанную икру.

⁸ И. Ясулович и Е. Харитонов — актеры театра и кино.

* * *

[23 февраля 1962 г.]*

Люсик, Солнышко, и лапик!

Послал тебе письмо и решил ждать ответа. Но... вотще,

напрасно... так сказать, все! Никаких вестей. Ну а зря! Потому что и так скучно. Жизнь как ведьма сибирский, в отрыве от семьи и вообще стал похож на командировочного. Уже сыграно несколько спектаклей. (Кстати, недавно, вместо «спектакля» в разговоре сказал «концерт». Обида была кровная.) Я почти ничего не делаю и отбрыкиваюсь от вводов, потому что все-таки это не очень греет, и уйти уйду обязательно. А чтобы было это безболезненно, — надо меньше быть занятым. Доллары все равно капаят, так что чего уж там! Несмотря на это — умудряются каждый день занимать меня в репетициях, а вечером — спектакль, а после работы «вытягивай члены, усталые члены, вытягивай, тяни!» Шуаны действительно смешные. Они там поют: «Да! Робеспьер капканы решил нам становить». Интересно, оказывается, «Моржовую девушку» написал Поляков¹. Очень обрадовался он, что я про нее чего-то знаю.

А вообще — гнусно. И город, и народ, и все. За все это время ни разу не посмеялся, ничего не произошло, даже песни не пою и не пишу. Сосед мой — Рудин, как оказалось, пьесу пишет. Как Чехов, по 4 строчки в день. Утром мне эти строчки читает и сам глупо хихикает. Сегодня, например, разбудил и говорит: «Смотри, какой удачный диалог...

Она. Он обязательно уйдет от Ольги!

Он. — Нет! При ней заложником — его сын!

Я со сна бываю злой, а при таком диалоге... Говорю: «Ты напиши: «При ней заложником его сукин сын!» Обиделся. Говорит: «Я тебя держал за интеллигентного человека». Еще пишет басни, но... пока не читал.

В театре — сеть интриг, есть тайные и явные общества и масонские ложи. Интриганы — вся женская половина и вся мужская, исключая меня. Я на особом положении, молчу, хожу тучей и не примыкаю. Все думают, что я выжидаю и еще себя покажу, а я не покажу вовсе. Все!

Люсик! Что ты — порождение обломовщины — это я знаю, но письма-то ты писать любишь! Сегодня — день Советской Армии — сядь да и напиши чего-нибудь про войну, что ли!!! У нас был шефский спектакль для солдат, сбивших Пауэрса. Им приказали: «Ладони и глотки не жалеть!» Уж они постарались! Никаких вопросов не задаю. Провсе опиши. Ладно!

Солнышко! Я бумаге не доверяю хороших слов. Читай их между строк! Люблю тебя! И как-то не так без тебя. Целую, малыш!

Р. С. Всем привет! Вовка.

¹ Дата установлена по тексту письма, конверт не сохранился.

¹ Цитаты, приведенные Высоцким, — из пьесы В. Полякова «Моржовая девушка», некогда шедшей в театре «Кривое зеркало».

28 февраля 1962 г.

Люсик мой! Авиационная кампания возмещает убытки. Она должна мне тоже компенсацию. У меня тоже лопнуло (только не грудь), а терпение. А оно стоит тоже не дешево. Девять дней не было от тебя ничего. Передумал черт-те что. Звонил матери, — ее дома не было, а на работе сказали, что она 2 недели болеет. Думал, ты заходила. Звонил Акимову¹, хотел твоему папе, но телефона не помню. Оказалось, что авиа идет дольше. Сегодня наконец получил твое письмо и все стало на место. Малыш! Что ты была моложе — это еще можно представить, но насчет «лучше» — быть того не может. И стихи твои — великолепные, и вообще... И почему ты мне никогда не читаешь? И вообще, я не знаю, — какая ты артистка, — кроме опуса в кино. Должно быть — хорошая. И что «Белые слоны», и что пантомима³ — ндравится мне. Рад за это дело. Пушай теперь хоть пол-института перевешаются⁴. Про себя мне писать нечего абсолютно. Целый день в делах — времени нет совсем, — так что усталость одолевает. Кроме того — город такой — тусклый, время — на два часа быстрее. Организм дряхлеет. И, по теории относительности, я постарею лет на 19. А если ты будешь еще исчезать на недели (а для меня они как годы), то Эйнштейну и не снилось, — как быстро я приду в негодность. Белы ручки-ножки исхудают, мозг высохнет и все.

Репетируем «Сильное чувство», «Рычалова»⁵, а недавно дали мне Зоценко и «Корни капитализма». Почитай! Это уже репетировал парень, но у него не!!! выходит. Так что кому-то наступаю на мозоль. Уже есть ненавистники. Но мне глубоко и много плевать на все. Я молчу, беру суточные и думаю: «Ну, ну! Портите себе нервишки. А я маненько повременю!» И вообще, лапик, ничего хорошего и ничего страшного. Серенькое. Одно хорошо, что все меньше и меньше дней до Москвы и до тебя. До тебя — прежде всего. Лапа! Сейчас в номере у меня открыта студия игры на гитаре. Пока бесплатно. Народ прет — очередь. Сейчас всего двое. Воспользовался этим и пишу, а иначе не будет времени. Извлекают из гитары звуки ужасные. Меня коробит. Могу зажать только одно ухо. Поэтому, может, письмо несуразное. Лапа! С юмором туго! В веселом театре «Миниатюр» — мрачные личности. Только и веселья, что телефонные розыгрыши. И я сник. Песню хочу написать — не для кого, и не выходит, а вымучивать неохота. Читаю всякую дрянь и газеты. Сегодня купил: «Физика звездного мира»⁶. Зачем!

Любимый мой! Малыш! Я всегда тебя помню, думаю о тебе. И со мной ты! Ты тоже иногда вспомни.

Целую. Привет всем. Пиши! Вовка.

¹ В. Акимов — драматург, писатель, одноклассник и близкий друг В. Высоцкого.

² ...стихи твои — великолепные — речь идет о стихах Л. Абрамовой, которые она выслала в одном из своих писем В. Высоцкому.

³ ...что «Белые слоны, и что пантомима...» — имеются в виду дипломные работы Л. Абрамовой, заканчивавшей в то время ВГИК.

⁴ ...хоть пол-института... — накануне отъезда В. Высоцкого в Свердловск покончил жизнь самоубийством студент ВГИКа, зачисленный стажером на дипломную постановку, в которой участвовала Л. Абрамова.

⁵ «Сильное чувство» и «Гастроли Рычалова» — пьесы из прежнего репертуара театра «Кривое зеркало», которые В. Поляков решил восстановить в Театре миниатюр.

⁶ «Физика звездного мира» — речь, по-видимому, идет об одной из книг И. Шкловского (1916—1985), советского астрофизика, члена-корреспондента АН СССР, вплотную занимавшегося тогда проблемами поиска и обнаружения внеземных цивилизаций.

* * *

4 марта 1962 г.

Как в старинной детской сказке,
дай бог памяти,
Колдуны, что немного добрее,
Говорили: «Спать ложись,
Иванушка,
Утро вечера мудренее».

Это начало новой песни. Малыш! Дальше ничего не выходит. Сiju иногда до первых петухов — и дальше ни строчки! Думаю — лягу спать — утро вечера мудренее. А утром вставать трудно, особенно если ночью тебя вижу, то как воплощение коварства, то как ангела божьего. От того и от другого утром грустно, потому что очень скучаю и не до песни. Но вот уже два утра подряд письма от тебя. От вчерашнего было мудренее, от сегодняшнего муторнее. Так захотел сейчас же все бросить и в самолет, что до сих пор виски стучат. Лапик мой! Любимый! Конечно же мы что-нибудь придумаем, и не «что-нибудь», а просто надо завязать с этим миниатюрным искусством и переиграть². Все будет хорошо, малыш! И вокзальные приключения больше не повторяй!³ Живот у бабы, действительно, наверное, был большой! Про это тебе узнать, наверное, было необходимо! Все бы хорошо! Только на вокзале мысли были не так чтобы очень: я про 5—6 чужих жен, и про питье за твое здоровье. Я — отшельник, послушник, монах. Нет! Просто я — отец Сергей. Пальца, правда, не отрубил — не из-за кого. Солнышко! Все местные солнца, включая миниатюрных светил, — светят тускло, а ты как Альфа Центавра из прочитанной мною книги — «Магелановы облака»⁴. Там звезда ужасно яркая и красивая. Относительно алкоголя!!! Нет его и не

предвидится. Если так пойдет дальше — государство начнет терпеть убытки. Вот!

Недавно принято было решение порадовать наших бабов 8-го марта капустником. Я чегой-то придумал. Но потом решили, что трудно ставить и взяли кое-что. Я это к чему: там есть такая песня:

Как хорошо ложиться одному —
Часа так в 2, в 12 по-московски,
И знать, что ты не должен никому,
Ни с кем и никого, как В. Высоцкий.

Правда, это я написал, но ты можешь судить по этому о моей отрешенности. (...) Ну ладно... хватит, а то спать не буду, начну стонать, разговаривать, а сосед мой блюдет режим и этого не любит. Лапа! Сегодня послал тебе телеграмму, — как мне звонить. Очень просто. Как на конверте адрес. Жду сегодня и завтра твоего звонка и вообще все время. Очень хочу услышать голос. А про увидеть — и говорить нечего. Наука шагнула бог знает куда. Свердловск производит бог знает что, стронций выпадает в виде снега⁵, люди мрут, как в Швейцарии, а вот чтобы видеотелефон, так это бог знает когда!

Люстик! Уже прошла половина разлуки. Страшно хочу, чтобы она скорее пронеслась и чтобы меня ты дождалась... Я дни считаю, уже считаю. Тебя, конечно, не забыл, люблю все так же, как любил.

Целую крепко много раз и обнимаю.

Малышик мой! До свидания. Привет всем. Вовка.

P. S. Нет! Еще хочу что-нибудь написать. Когда пишу, как будто разговариваю так. Я считаюсь очень крупный специалист-песенник, во всех областях этого жанра: блатной, обыкновенный и Окуджавы. Идут пачками, мешают мыслить, учатся, переписывают, перенимают. Уже один купил гитару. Хотят еще 3-е. Все взбесились. Я в растерянности. Поляков пугает: говорит, что тоже в тайниках души не прочь побаловаться старинным романсом. Говорит, что от них умирают не менее старинные женщины. Ужас! Платные уроки сделали бы меня миллионером. Я стал бы богаче Шагаловой⁶. Но нет, — я наш человек, я задаром, я — такой, я — очень! Это все — спесь. Для тебя немного похвастался. И еще: хотят инсценировать мою «Татуировку». Сделать пародию на псевдолирику и псевдо же блатнянку. Я буду петь, а в это время будут играть то, что там есть: например, «Я прошу, чтоб Леша расстегнул рубаху, и гляжу, гляжу часами на тебя!»

Актер, играющий Лешу, рвет на груди рубаху — там нарисована женщина-вампир, или русалка, или сфинкс, или вообще бог знает что. Другой становится на колени, плачет, раздирает лицо и глядит, а сзади часы — стрелки крутятся. Можно, чтобы он глядел 7, 8, 9, 10, 11, 12 (больше нельзя)

часов. Так всю песню можно сделать. Но это — проект. И потом — мне немного жаль Алешу, Валу и самого, у кого душа исколота шутри. Здесь — спартакиада проходит. Вот бы сюда твоих маму и папу⁷. Они бы уж! А мне до лампочки. Ходят они табунами в каких-то хлорвиниловых куртках всевозможных ярких грузинских цветов и едят по талонам. Ресторан закрыли. Там их кормят. А артисты, туристы и обыватели пусть их с голоду помирают.

Холодно, но не очень. Пиджак пришел в ветхость, брюки в гриме, лицо чистое, тело белое, волосы чистые, душа — в тоске.

Нет! Наверное, сегодня не позвонишь! А вдруг! Еще буду ждать.

Лапик! В гостинице есть душ, в подвале. Горячей воды нет. Все намыливаются и так и ходят. Хочу кофе, в Москву [...] Интересно, правда, позвонишь ты или нет? И что ты сейчас делаешь! И какая ты! Я читаю Тэффи⁸ — любопытно. Завтра 3 спектакля. Гоним рубли, разоряем Мосэстраду.

Теперь все.

Люблю. Я — Высоцкий Владимир Семенович, по паспорту и в душе русский, женат, разведусь⁹, обменяю комнату, буду с тобой [...] 24 года от роду. Влюблен. В тебя. Высоцкий.

¹ ...далее ни строчки.— продоление приведенной строфы неизвестно.

² ...завязать с этим миниатюрным искусством и переиграть.— имеется в виду распределение, которое в это время проходило у Л. Абрамовой во ВГИКе и невозможность присутствия В. Высоцкого на нем, чтобы повлиять на результат. Они хотели работать вместе.

³ ...вокзальные приключения больше не повторяй!— речь идет о размовке, случившейся перед отъездом Высоцкого на гастроли в Свердловск. Деталей восстановить не удалось.

⁴ ...«Магелановы облака» — имеется в виду роман С. Лема «Магелланово облако».

⁵ ... стронция выпадает в виде снега...— см. сноску 1 к письму 1.

⁶ Л. Шагалова — артистка, в гостях у которой Л. Абрамова и В. Высоцкий были накануне отъезда Театра миниатюр в Свердловск и квартира которой показалась им тогда, фактически бездомным, верхом зажиточности.

⁷ Вот бы сюда твоих маму и папу.— В. Высоцкий намекает на спортивное прошлое родителей Л. Абрамовой.

⁸ Н. А. Тэффи (1872—1952)— русская писательница.

⁹ ...женат, разведусь...— в это время В. Высоцкий был женат на И. Высоккой, брак с Абрамовой был зарегистрирован 25 июля 1965 г.

8 марта 1962 г.

Люсик! Как все надоело!!! Разговоры об одном и том же со стороны и артистов, и режиссуры. Артисты все про деньги, и про налоги, и про кто сколько получит, режиссер про Вахтангова и про систему Станиславского. Из-за таких-то и считают эту

систему какой-то скукой. А так как ко всему этому — своему миниатюрному периоду — отношусь несерьезно, — вдвойне раздражает все. Мать сегодня жалостливое письмо прислала. Я наперед знал, что там будет. Так и оказалось: что ей осталось мало, что больна, что экономит, что нечего одеть и чтобы я ей не звонил, потому что это-де — лишние расходы.

Все это правильно, но скучно. Получил твое письмо. Про педагогическую деятельность. Четверг — бог с ним, а воскресенье — жаль. Французы — это, конечно, интересно. И почему это у тебя все расклеились? Прикажи, чтобы хватит. Передай всем, что мне их тоже не хватает. Я недавно рассказывал бабушкину лекцию по травополю². Поразил обилием знаний во всех областях.

Малыш! Видимо, буду числа 21-го, если вылечу самолетом. Раньше ничего не выйдет. Все измотались, как собаки, но пыл стужательства развит здесь беспредельно. Культ здесь — ставка с четвертью.

Эстраду называют шарагой и все время говорят: «Да! Тяжелый хлеб в шараге». Еще бытует выражение: «Старайся быть красивей! Молчи!» Еще: «Отдохнешь!» Это когда взаимы просят. Обызатель действует на нервы, как говорит Саша Кузнецов³ — единственный здесь стоящий человек с длинной кличкой: «Повесть о настоящем человеке». Клички имеют все. Есть неприличные. Я пока еще — Володя. Кстати, Саня тебя знает: Узнал по фотографии. Поудивлялись, как тесен мир. Вот!

Солнышко! Я знаю — письмо совсем никакое. А ты, лапик, все равно все понимаешь. Ты умный, и я тебя люблю. Еще ты — красивая!!! А у меня просто не очень веселое настроение. Было очень здорово, когда ты позвонила. И три дня пребывал в состоянии духа. Завтра 8 марта. Я не забыл. Хотя не очень люблю поздравлять с этим праздником. Очень он солидарный и охватывает всех баб на земле. А среди них не так много стоящих. И мне не хочется тебя с нестоящими отождествлять. Здесь все готовятся, мужики уже с сегодняшнего вечера стали болезненно галантными. Здесь партконференция и почему-то торгуют польской косметикой. Все хватали! Я попросил, и мне схватили: мыло, пудры и огуречный крем. Привезу. Если забракуются, разбавим крем и сделаем рассол, мыло подарим дедушке.

Люсики! Люблю только тебя. Целую, малыш! Вовка.

P. S. Всем привет.

¹ Про педагогическую деятельность — Л. Абрамова в этот период временно устраивается преподавать пантомиму в Интернациональный театр МГУ, о чем и сообщает В. Высоцкому.

² ...бабушкину лекцию по травополю — имеется в виду бабушка Л. Абрамовой Л. Б. Шервинская, агроном.

³ А. Кузнецов — актер Театра миниатюр.

Свердловск, июль 1962 г.

9 июля 1962 г.

Люсик! Любимый, здравствуй! Очень долго не писал тебе, и не потому что нехороший человек, а было тому 2 причины. Во-первых, ждал каждый день телеграмму с вызовом и хотел тебе сюрприз, а потом, чтобы у тебя немного стерлось впечатление от меня, потому что, надо прямо сказать, распрощались мы с тобой, как на 39-й год фиктивного брака.

Теперь вроде с приездами не получится, видимо, не выгорело, и письма к тебе, лапик, потекут непрерывным бурным потоком.

В поезд сел и сразу вдарился в размышления. Попутчики мои всячески визжали и мешали. Поразмыслив, съел курицу и что-то почувствовал, но не обратил внимания, потому прислушался к себе и обратил. Словом, отравился я этой курицей, вот что! И Юрка Горобец¹ тоже. Он мучился, потом уснул, а наутро чуть не помер. А я соды раздобыл, воды, но тоже страдал дня 2.

А дальше! Описанная мною трагедия и есть самое основное из событий после моего отъезда.

Правда, был дебют в «Дневнике женщины»². Играл! Сказали, что я так и буду играть и в Москве тоже. Поздравляли, Гриценко³ вчера тоже глядела, обрелась вся, как всегда, а роль комедийная. Поздравляла тоже. Вроде и народу, то есть зрителям, тоже не очень противно. А потом начал активно выпадать радиоактивный дождь и тот же самый стронций-90. Выпадал неделю. Из них 3 дня не переставая. Сегодня как будто кончился. Передай маме, что если бы не кожанка, я давно бы с лучевой болезнью лежал и угасал, и кто-то вынужден был бы давать мне костный мозг для инъекции.

Люсик! А как ты? Что делаешь? И главное, как здоровье твое пошатнувшееся! Окружила ли ты себя заботой врачей или еще нет!!

Малыш! Всякие слова были сказаны, и про то, что не напишешь, тоже!

Напиши! Ну хотя бы страниц 8. Ты ведь любишь иногда коротко! Чего делают пантомимы⁴! Да и вообще, про все. Я звонил матери своей, думал, может быть, ты ей тоже звонила. Нет. В номере у меня еще Стрельников⁵. Он засымается в каком-то кино. Начали друг другу порядком надоедать. Все артисты обезумели и обалдели. Телевидение и радио разорены. Театр Пушкина ограбил все общественные организации и всех рядовых свердловчан.

Я валяюсь в номере, читаю газеты, общественную, политическую и художественную литературу. Все это в паузах, потому что все время мыслю и думаю. Все больше о тебе.

Малышник! Напиши! Очень жду. Скучаю. Тоже очень. Целую и люблю!

Володя.

Всем громадный привет! Как они там!

¹ Ю. Горобец — артист Театра им. А. С. Пушкина.

² «Дневник женщины» — пьеса К. Финна.

³ Л. Гриценко — артистка Театра им. А. С. Пушкина.

⁴ Чего делают пантомимы? — имеется в виду экспериментальный театр пантомимы под руководством А. Румнева (ЭКТЭМИМ), в труппе которого одно время работала Л. Абрамова.

⁵ А. Стрельников — артист Театра им. А. С. Пушкина.

* * *

{июль 1962 г.}*

Солнышко! Не дожидаясь ответа от тебя. Видимо, письмо еще не дошло. До чего же здесь гнусно. Кто может жить — здесь, — тот ежеминутно совершает подвиг. Теперь я понял, откуда появляются «котовщики»¹. Сегодня у меня первый свободный день. Делать нечего абсолютно. Читаю. И это надоедает. Очень беспокоюсь, как ты там. Ничего не знаю. Но... сам долго не писал, поэтому пеняю на себя. Когда получу от тебя письмо, — буду носиться с ним по улице, как со знаменем. Сегодня с горя опять глядел «Покой нам только снится»². Сидел в оркестре. Это впереди самого первого ряда. Ничего не слышал. Разозлился и ушел. Театр гонит большие рубли, поэтому играем в оперном. Все надорвали глотки и колют пенициллин. Я три дня болел ангиной и тоже колол, но играл по 2 спектакля в день. Вообще, за 10 дней сыграл 17 спектаклей. От скуки развил страшное хулиганство в лешем³. Пою на сцене свои песни. Дети недоумевают.

Люсик! Вокруг гостиницы шныряют около миллиона цыган. Просят «подарить» деньги. Все беременные, или с детьми, или делают вид. Если даешь мало — вслед говорят дурака или сволочь, а мне вчера так просто: «Тебя, молодой, бумага ждет, в тюрьму попадешь!» Я побежал в гостиницу — письма нет, значит, и в тюрьму не попаду. Обманула, проклятая!

Люсик, хотел тебе огуречного крема, но его нет, вероятно, свердловчане его едят. Но тут будет какая-то конференция для чернорабочих, может выкинут что-нибудь вроде «Коти» или «Дарсель»⁴, или еще что.

У меня впереди еще 2 свободных дня. Кошмар! Есть план, сожрать снотворного и спать — и время пролетит, и опять же есть не надо. Оброс я неимоверно, но, глядя на выходящих из парикмахерской людей, всякий раз обращаюсь в бегство.

Малышник! Напиши, хочешь ли и можешь ли приехать. В

Свердловск ты уже, видимо, не успеешь. Мы 8-го уже в Челябинске. Если тебе утомительно — не надо. Лучше я что-нибудь придумаю, а если нет, переживем. Правда, лапик! Если позвонишь, — совсем чудесно. Гостиница «Большой Урал», № 251. Бываю дома в 10 ч вечера по московскому времени.

Сейчас Сашка⁵ очень стонал и роптал, я его прогнал, и он, гад, нарушив обет, — пошел куда-то пить с режиссером. Я не пью совсем и прекрасно себя чувствую.

Зачем-то стал часто вспоминать Ленинград и даже во сне видел нас с тобой в нем, в «Астории», в номере у Кости⁶. Все про себя написал. Хотя нет. Два дня назад пришлось побить грузин. В 2 часа ночи ввалились в номер объясняться с Сашкой. К счастью, из номеров повысочили наши старики и видели, что мы только в целях самообороны. А не то могли бы быть неприятности. [...] Может, не стоило этого тебе, но просто пишу про все и все. Любимый пусик, очень беспокоюсь. Пиши! Звони! Целую. Всем огромный привет. Я.

* Конверт настоящего письма не сохранился.

¹ «Котовщики» — имеется в виду свердловчанка Н. Котовщикова, знакомая Л. Абрамовой, над мрачностью которой В. Высоцкий часто подшучивал.

² «Покой нам только снится» — пьеса Ю. Шевкуненко.

³ Леший — роль В. Высоцкого в спектакле «Аленький цветочек» по сказке С. Аксакова.

⁴ ...что-нибудь вроде «Коти» или «Дарсель»... — имеется в виду женская косметика, которую В. Высоцкий привез Л. Абрамовой из предыдущей поездки в Свердловск.

⁵ Сашка — А. Стрельников.

⁶ ...в номере у Кости. — речь идет о К. Худякове, актере и режиссере.

* * *

(июль 1962 г.)*

Льосик! Это чудесно, что ты позвонила, что услышал твой голос. Все вроде встало на свои места.

Приехал Фюрер¹, но никто его пока не видел, никто не знает, где он живет. Хищник готовится к прыжку, собирает силы и сведения. Млекопитающие артисты тоже затаились и ждут, что же будет: французские впечатления или курские номера. Прошли здесь очень здорово, но в конце концов появились ругательные статьи, Раневская² притворилась, что вывихнула ногу и уехала в Москву, Чирков³ тоже уезжает. Дирекция бегаёт, высунув язык, и поддерживает порядок. Все шепчутся и говорят: «Что же будет!» в Челябинске. Но... авось все обойдется.

Вчера играли «Дневник женщины» по телевидению. Я принял душ, похудел, побрился, волосы цигейкой и, говорят, был

неотразим. Жаль, лапик, ты не видела, очень я был... А вчера не спалось мне до 6-ти часов утра, и... написал я песню:

Весна еще в начале,
Еще не загуляли,
Но уж душа рвалась из груди,
И вдруг приходят двое
С конвоем, с конвоем:
«Оденься,— говорят,— и выходи».
Я так тогда просил у старшины
— Не уводите меня из Весны.

До мая попотели,
Все расколоть хотели,
Но — нате вам — темню я 40 дней.
И вдруг, как нож мне в спину,
Забрали Катерину,
И следователь стал меня главней.
Я понял, я понял, что тону.
Покажите мне хоть в форточку Весну!

И снова перегоны,
Вагоны, вагоны,
И стыки рельс отсчитывают путь.
А за окном в зеленом
Березы и клены
Как будто говорят мне — позабудь!

А с насыпи мне машут пацаны.
Зачем меня увозят из Весны!..
Спросил я Катю взглядом:
Уходим!— Не надо!
Нет, хватит,— без Весны я не могу.
И мне сказала Катя:
— Что ж, хватит так хватит!
И в ту же ночь мы с ней ушли в тайгу.
Приветливо нас встретила она,
Так вот, так вот какая ты — Весна.

А на вторые сутки
На след напали суки,
Как псы на след напали и нашли,
И завязали суки
И ноги, и руки,
Как падаль, по грязи поволокли.
Я понял — мне не видеть больше сны,
Совсем меня убрали из Весны.

Вот! Напиши свое впечатление. Плохое! Ничего,— приеду спою с гитарой.

А теперь проза. Просыпаюсь, в номере — директор, делает

страшные глаза и говорит, что я опоздал на концерт. Сашка спал в другом номере и просил его разбудить. Он тоже опоздал. Но... Я успел к своему номеру, а его не допустили и грозятся убрать из весны. Сегодня у меня 2 спектакля и 2 спектакля-концерта (есть у нас и такое). Читаю «Клопа» и тут же взмогший бегу в другой театр на «Хвостики»⁴ и так утром и вечером. Но... надеюсь, все обойдется.

Пусик! Я не пью, я — агнец божий, я — праведник, я тебя очень люблю и жду писем. Прикажи всем не болеть! Топни ногой и скажи: «Хватит». Передай громадный привет и пусть выздоравливают. В.

* Конверт настоящего письма не сохранился.

¹ Приехал фюрер — речь идет о художественном руководителе и главном режиссере Театра им. А. С. Пушкина Б. Ровенских.

² Ф. Раневская (1896—1984)— артистка Театра им. А. С. Пушкина, народная артистка СССР.

³ Б. Чирков (1901—1982)— артист Театра им. А. С. Пушкина, народный артист СССР.

⁴ «Хвостики» — имеется в виду спектакль по комедии Я. Дитла «Свиные хвостики», в котором В. Высоцкий играл Лешего.

Алма-Ата, январь — май 1963 г.

Любимый мой лапа!

В поездке не было никакой возможности для написания — трясло, и остановки были короткие. У нас двое отстали, а потом догоняли поезд на ручной дрезине. Казахоv мало, но радио и все остальное заражено великодержавным казахским шовинизмом. Правда, можно научиться и кое-что понимать. После каждого слова они ставят букву М. Например, казахм, паровозм и т. д. Только сегодня выяснилось, где мы будем жить, и я тебе послал телеграмму. Гостиница «Казахстан» — самая шикарная гостиница в восточном полушарии. Здесь даже батареи в стенах, не говоря обо всем остальном. Сегодня в одном месте стало течь, рабочие пришли, сломали стену, починили и опять замуровали. [...] Почему-то у меня не забирают паспорт на прописку, и я не могу пока его выслать. Солнышко, очень волнуюсь, как вы там оба. И как твоя грудница и вообще все. Не знаю, как посылать письмо, авиа или так. Сегодня пошлю авиа. Я, наверное, позвоню твоему папе. А то очень долго ждать ответа. Дальнейшее пребывание обещает быть скушным. Вот пока и все. Целую тебя, люблю очень и уже страшно соскучился. Поцелуй парнишку нашего и всем привет. Володя.

* * *

10 января 1963 г.

Люсенок! Солнышко! Здесь ужасно скучно! Я скоро буду грызть занавески. Вчера была первая съема. С восьми утра и до 6 вечера были на 15°-ндм морозе. Если бы ты видела меня!! Мне сделали грим, после того, как я падал с лошади. Рука в гипсе, голова перевязана и кровоподтеки. Почти все думали, что меня избили (гример хороший). Намерзлись жутко. Режиссер отморозил нос и еще что-то. Прямо не знаю, о чем тебе писать. Ничего не происходит! Могу только рассказать, как я по тебе и малышу скучаю. В этот раз особенно, потому что вас двое. Лапа! Я тебя очень люблю, и ты мне все время снишься. Снишься хорошо! Но утром просыпаюсь и думаю, как бы отсюда побыстрее выбраться и увидеть тебя. Тут проходит съезд кинематографистов Казахстана. Приехал Райзман¹ и всякие артисты: Румянцева², Ливанов³ и т. д. Пьют! А я — нет! И не хочется. Сегодня все светила уезжают. Чео-то они на съезде решили. Вроде — создавать хорошие фильмы. Вчера звонил твоему папе, но он был у вас. Потом позвонил домой, — мать тоже у вас. Миша рассказал про квартирные дела⁴. Там опять что-то неважно, но опять что-то намечается. Паспорт я выслал. Хорошо бы получилось! Лапа! А ты мне скорее напиши, потому что Евгения Евгеньевна⁵ сказала, что малыш болел, а у тебя все хорошо, но я все равно волнуюсь. Отсюда письма, даже авиа,

идут три дня. Это долго. Я хочу вызвать тебя на телефонный разговор, но не знаю, выходишь ли ты. Если да,— напиши, и мы поговорим с тобой между кормлениями. Очень хочу услышать твой голос. Напиши, гуляешь ли ты с сыном и как он, была ли у врачей и сколько весит и про все. Ладно! Погода здесь — все время солнце, но холодно. Пойти некуда и некогда. Через недели полторы поедем в горы. Там совсем темные казахи. Они едят бишмармак и пьют зеленый чай. Нам будет чрезвычайно весело. Ну вот! На сегодня все. Завтра придумаю что-нибудь повеселее. Пиши скорее. Давай наладим двустороннюю связь. Привет всем [только обязательно передавай]. Целую, очень люблю и скучаю. Володя.

¹ Ю. Райзман — кинорежиссер, сценарист.

² Н. Румянцева — киноартистка.

³ В. Ливанов — артист театра и кино.

⁴ Миша рассказал про квартирные дела.— имеется в виду М. Яковлев, сын Гиси Моисеевны Гофман, соседки по квартире семьи матери В. Высоцкого. Речь идет о размене квартиры.

⁵ Е. Абрамова — бабушка Л. Абрамовой.

* * *

13 января 1963 г.

Люсик! Хороший мой! Обещал я тебе придумать что-нибудь повеселее. А веселого ничего и не было. Был, правда, один очень красивый случай. Пушкарь¹ обругал зав. этажом, сказал ей, что она старая... и еще что-то, она вызвала милиционера, он и ему какую-то любезность. А ты предствь себе, что такое милиционер, да еще казах. Он издал боевой клич, что-то вроде «Амангильды!!!». Прибежали еще 183 милиционера с луками и стрелами на низкорослых лошадях, накинули аркан на шею и волоком потащили в шатер к майору. Майор был Чингисхан, он назначил 15 суток в темнице. Утром все мы узнали про это дело, стали думать и гадать, наш директор упросил отменить приговор и уплатил выкуп в размере 30 руб. Вот!

Люсик! Когда нет съемки — абсолютно нечего делать. (...) Вчера были соревнования по бегу на коньках. Ходил! Замерз!

Лапа! Заонил я матери. Она что-то невнятное насчет квартиры: напиши подробнее. Письма от тебя все нет. Это не подогревает. Жду громадного письма со множеством ласковых слов и юмора. Это, конечно, если ты себя хорошо чувствуешь. Если нет — пиши все равно и все равно ласковых слов! Хорошо, малыш!!

Сегодня собрались поехать на барахолку. Это такой рынок, где легализована спекуляция. Там, говорят, есть все: верблюды, слоны, леопарды и «роллс-ройсы» выпуска 1963 г. Хотел разузнать насчет шерсти. Но пока не дали денег. Один парень поехал на разведку. Доложит. А в следующее воскресенье я сам поеду.

Здесь поют мои песни. Встретил Айманова². Это он привез. Правда, все имена изменены на казахские. А так ничего. И еще: тут один сценарист обещал познакомить с каким-то Трахтенбергом³. Он снимает что-то ужасное из жизни современного Казахстана. Посмеемся! Вот и все.

Хорошая моя и любимая лапа, поцелуй сынишку и пусть он не болеет, и пусть ты не болеешь, и пусть вообще никто не болеет.

Тебя много целую. Всем приветы. Скучаю!

Володя.

P. S. Сейчас горничная поинтересовалась: зачем я пою в ванной. Грозила.

¹ И. Пушкарев — артист Театра им. А. С. Пушкина.

² Айманов — о ком идет речь, установить нам удалось.

³ Трахтенберг — о ком идет речь, установить не удалось.

* * *

[январь 1963 г.]*

Льосик! Солнышко мое! Нас уже несколько человек уехали в Москву. Мне жутко хотелось уехать с ними. Вернее — к тебе и сыну, и вообще в Москву, но не пустили. А завтра уезжаем в горы и будем жить там в пещерах среди снежных людей и туземцев. Сколько времени — неизвестно, но, видимо, числа до 10-го. Режиссер наш — он итальянской школы, мы его зовем Дорманиани, а когда орет, — тогда Муссолини¹, так вот, он придумал что-то очень гнусное и думает, что будет очень смешно. Мне придется еще к тому же съезжать на лыжах со здоровенной горы, а я этого хочу меньше, чем Пушкарь прыгать с трамплина. В общем:

За меня невеста отрыдает честно,
За меня ребята отдадут долги,
За меня другие отпоят все песни,
И, быть может, выпьют за меня враги.

Даю справку: долгов нет. А враги пусть пьют и травятся. Сегодня у нас 2 концерта. Эксплуатируют, как негров. Но опять будет «713», и я тебя увижу и даже 2 раза. Ездил на казахском мустанге. Он скакал с пика на пик. Упасть я не упал, но ноги натер. Казахи сказали, что из меня выйдет «сильно хороший джюгит». Да! Лапа! Какая жалость. У нас на концерте был секретарь обкома Чекмента [это 400 км отсюда]. Он воспылал нежностью и написал письмо главному зоотехнику, чтобы он мне продал 20 каракулевых шкур по 5 руб. Это жуткая дешевка. Но... увь, туда ехать 10 часов. А нас не пускают. Вчера уговаривали начальство. Оно — ни в какую. Видимо, завидуют, я в расстройстве! Уплывает состояние. Лапик! Ты мне больше сюда не пиши. А я с гор еще тебе напишу!

**Любимая лапа! Ужасно хочу к тебе. Извелся. (...) Пока все!
Целую, родная моя! Хорошая! Люблю очень.**

Привет агромадный всем.

Вовка.

* Конверт письма не сохранился.

¹ ...мы его зовем Дорманиани, а когда орет, — тогда Муссолини — имеется в виду В. Дорман.

* * *

16 января 1963 г.

Солнышко! Наконец-то вчера получил от тебя длинное, хорошее письмо, перечитывал несколько раз, потом еще несколько раз. Я, лапа, очень тебя люблю. Что-то уж больно быстро растет малыш. В кого бы это! Но вообще это замечательно. Только бы вот еще и поправлялся он так же. Хорошо, что ты выходишь, да еще в магазин. А то все умрут с голоду. Но ничего. Мы что-то подозрительно быстро снимаем, и если дальше так пойдет — будем в Москве числа 10 февраля. Хорошо бы! А!

3-й день подряд снимаем в горах, на высоте около двух тысяч метров. Уши закладывает, как в самолете. Дышать тяжеловато. Но красиво там. Лучше, чем в Швейцарии, потому что там одни швейцарцы, а здесь казахи, и они наши советские люди. Ездят на лошадях, я увидел, и очень сердце заняло. Попросил покататься. Сказал, что лошадь не ишак, и еще что-то по-казахски. Так и не покатался. Ипподром и меня будут фотографировать, видимо, в Москве. А может, и здесь. Пока ничего не ясно.

Медео — это такое место с нерусским названием, и абсолютно по-русски лапотно и глупо оформлено. Залита водой площадка в горах. И все. Никаких трибун, гостиниц, ресторанов и даже туалетов. Где живут спортсмены — неизвестно. Кругом бродят яки, куры, коровы, казахи и киношники. Их здесь как собак.

Чембулак — это тоже место и тоже с нерусским названием. Там проходят соревнования по слалому и там тоже ничего нет. Правда, там есть столовая, но она приносит государству убытки. Сегодня я лазил по горам, устал, надыхался горным воздухом, напился воды из горной речки. Она очень вкусная, но радиоактивная. Барсов и джейранов не видел, никого не видел. Видел в ущелье маленькие, как мухи, машины, видел кругом горы в снегу и ужасно много елок. Солнце настолько теплое, что некоторые загорают, а снег не тает, — очень разреженный воздух. А в тени холодно. Ну вот, пожалуй, все из последних 2-х дней.

Да! На местной барахолке шерсть верблюжья есть, но только не пряденная, а так — прямо состриженная. Я в воскресенье все-таки съезжу, погляжу, если съемки не будет.

**Людмила Абрамова и Владимир Высоцкий с сыном Аркадием на даче.
Июль 1963 г. Фото Н. Гузанова**

Владимир Высоцкий в перерыве между съемками фильма «Штрафной удар». Медео. Февраль 1963 г.

**Владимир Высоцкий.
Декабрь 1965 г.**

Фото Е. Шиткина

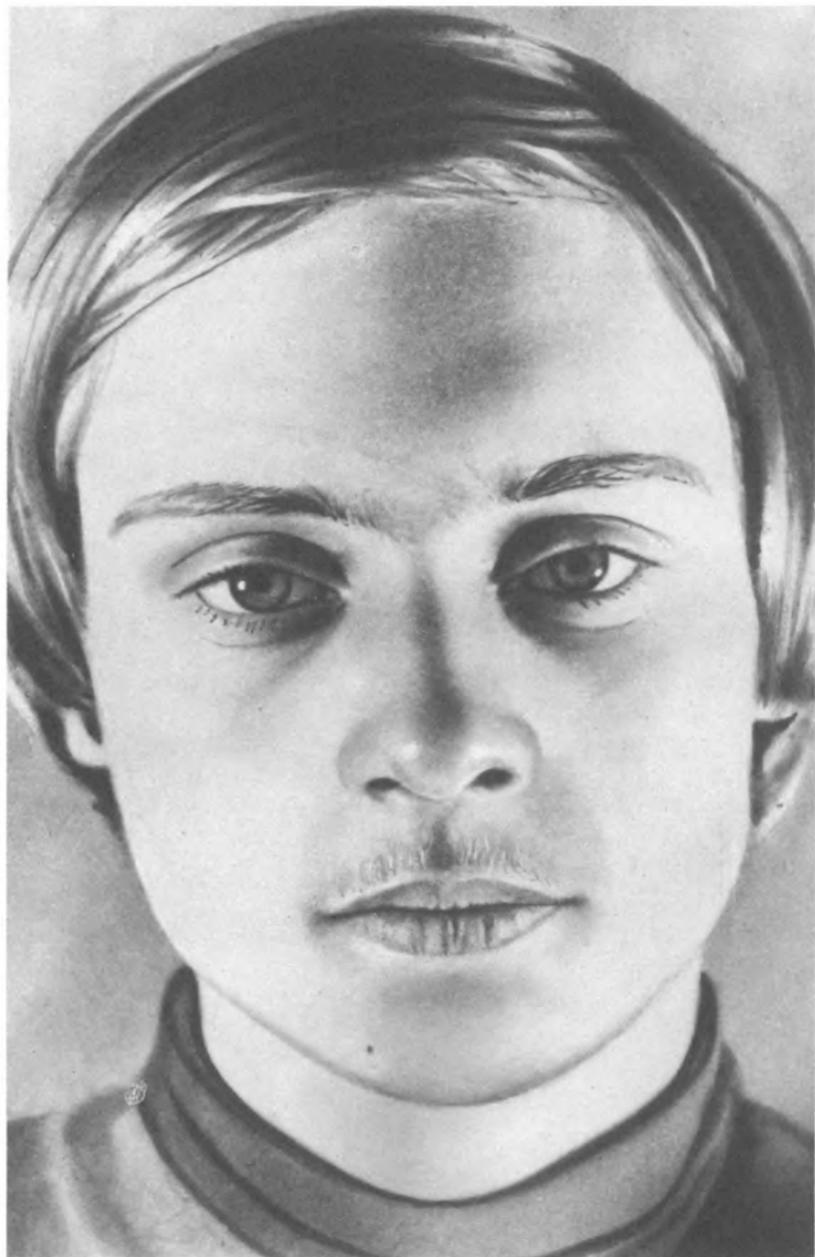
**Владимир Высоцкий.
Весна 1965 г.
Фото Е. Щербиновской**

Людмила Абрамова
с сыном Аркадием.
Декабрь 1964 г.
Фото Е. Щербиновской

Аркадий.
Декабрь 1964 г.
Фото Е. Щербиновской

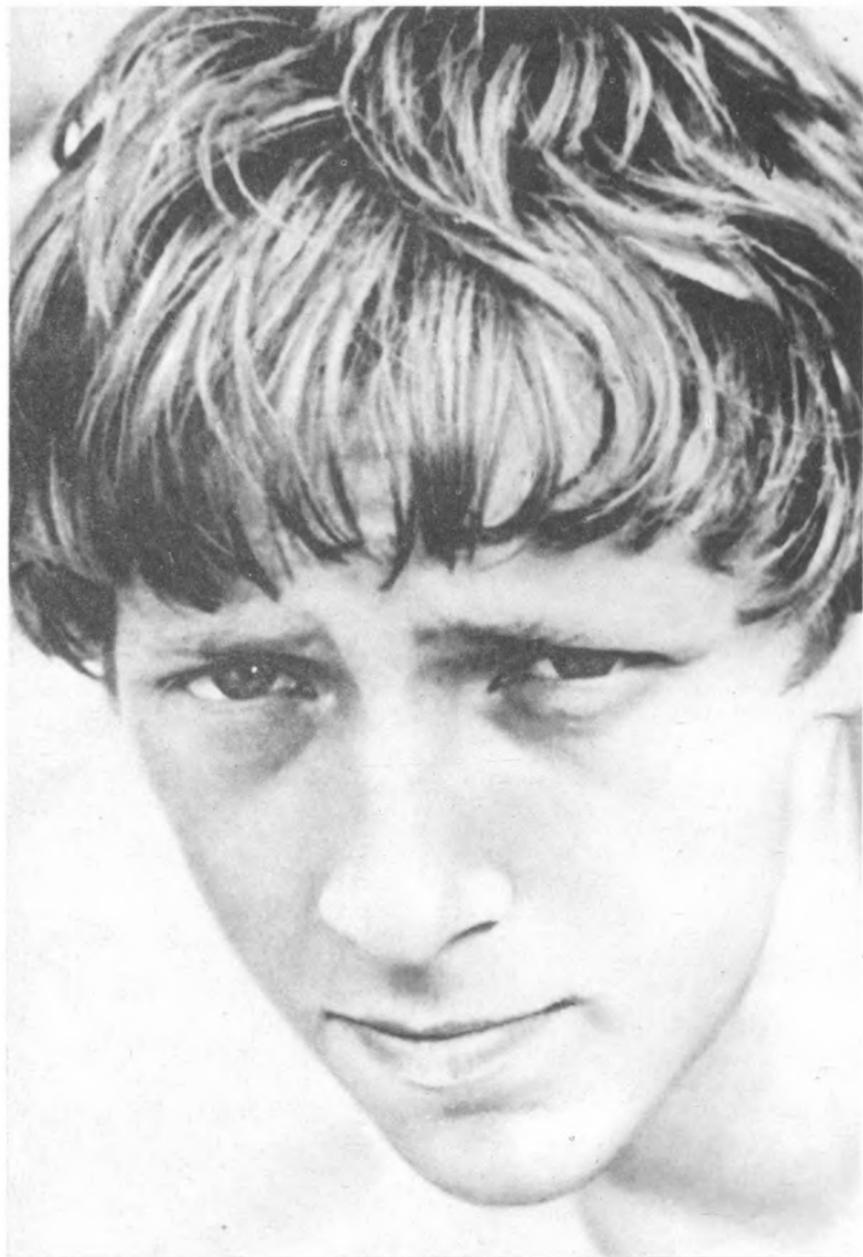
Аркадий. Февраль 1979 г. Фото А. Беляева

Людмила Абрамова
сыном Никитой.
Август 1966 г.
Фото Е. Щербиновской

Никита.
Ноябрь 1966 г.
Фото Е. Щербиновской

Никита. Июль 1984 г. Фото из архива Л. Абрамовой

Людмила Абрамова. Январь 1969 г. Фото А. Беяева

Малышник! Пиши мне! Я очень радуюсь, когда получаю от тебя письма. А когда у тебя и у Аркашки все хорошо и у всех более или менее хорошо дома,— еще больше. Целую, лапик мой хороший. Люблю и скучаю. Всем большой привет. Маме моей скажи, чтобы квартиру все равно получила. И Мишка пусть извернется.

Еще раз целую. Володя.

* * *

5 февраля 1963 г.

Лапа! Любимая! Если бы ты могла себе представить, где мы живем! Я писал, что в пещере. Нет! Хуже. На высокогорной лыжной базе. Здесь курева нет, воды нет, света нет, телефона нет, снега нет, лыж нет, солнца нет! Ничего нет. Одни горы, туман и одни и те же рожи. Быстро ходить нельзя — задыхаешься, крепко спать нельзя — просыпаешься, много есть нельзя — объедаешься. Черная жуть в клетку. Я все время вижу тебя во сне, и в очертаниях гор, и вообще наяву. И если скоро я тебя не увижу, и сына не увижу, и никого не увижу — одичаю и приеду варваром. А недавно видел Аркашку во сне (опять во сне). Он говорил стихи и вырос жутко, и был здоров. Самое ужасное, что нет никаких вестей от вас, и я даже не знаю, как пошлю это письмо,— почты здесь тоже нет. Вниз нас не пускают, потому что дороги обледенели и подняться сюда можно только на тягаче, а он и так перегружен, а потом здесь рыскают дикие барсы и козлы, они едят и бодают одиноких мужей и отцов. Нас здесь кормят на убой,—3 раза в день. Не есть нельзя — иначе нечем заниматься, но и много есть — еще хуже. Я катался на лыжах. Падал. Вставал и снова падал. Здесь тренируется сборная Союза по скоростному спуску. Сборная смеялась. Им хорошо — они скоро едут в Австрию, а у нас конца края не видно, да еще туман. Люстик, ужасно хочу к тебе. Поведения моя — отменная. Мысли мои только о вас. Целую и хочу [...] к тебе. Привет большой всем.

Р. С. Ты мне все-таки напиши в Алма-Ату, в гост(иницу). Я получу.

Лапа! А только что мне привезли снизу письмо от мамы. В нем она пишет много уменьшительных суффиксов, а вообще мне как-то неловко читать ее письма. И еще она пишет, что ты говорила, что по телефону я ни разу не спросил о ребенке. Неправда. А потом ты мне сама рассказала. А потом я еще как-то не умею выразить все словами и на бумаге. Конечно же, я очень беспокоюсь о нем и люблю, хоть и так мало его видел. И гулять мы с ним будем, и в 4 часа ночи я приходию отменю. А о приезде точно — ничего не могу сказать. Ты же сама знаешь, что за бодяга кино. Я каждый день надоедаю с отъездом, и кто его знает — зачем нас держат. Погода плохая.

Съемок нет, и мы сидим без дела из-за какой-то ерундовой сцены.

Лапа, любимая! Я ужасно скучаю и хочу домой. Теперь вас двое, и расстояние, и время ощущаются вдвое больше. Но теперь уже недолго.

До свидания, солнышко.
Еще целую вас.

Володя

* * *

[5 мая 1963 г.]*

Люстик! Хороший мой лапа! Написал я тебе 30-го числа и ни ответа, ничего. Ты уже должна была 30 получить, потому что в Москву летел один актер и письмо я отдал ему. Сегодня звонил твоему папе. Он мне все рассказал, какой большой сын и какая ты. Сказал, что ты письма не получала. Ну ладно! Может, он забыл, а может, придет позже. Теперь, что здесь. Жара жуткая. Было у меня 4 съемки. В общем, все не очень плохо, только кругом (...) солнце и чужие рожки. На студии встретили меня, как будто я главный герой Казахфильма. Очень приятный режиссер, он же сценарист Галиев¹. Он — русский!!! Артистов пока видел не всех, но вроде они тоже ничего. Но зато на площадке — кошмар. Каждый приходит, когда хочет. Снимают максимум 3 дубля, а бывает один. Казахи-рабочие все время чем-то стучат, а после крика «Мотор» — еще громче. Я тебе написал, что постараюсь вырваться на май, но почему-то не пустили, хотя не работали. Почти весь май провел в горах, т. е. праздник. Поехали выбрать натуру, жили в палатках, где в прошлый приезд. Разговор наш с тобой помню и блюду себя. Теперь главное: папа тебе передаст — я сегодня говорил с директором — завтра решится вопрос о моем приезде. Если будут снимать, чтобы по времени я мог выехать к тебе, то я приеду через 2—4 дня. Очень хочу, лап, чтобы вышло! Я не очень жалею, что поехал, но очень скучаю, а если так вы все далеко, то еще больше. Значит, завтра все узнаю. Солнышко! Если не выйдет — пиши мне чаще, ты обещала. Каждый день спрашиваю на почте: «Мне есть что-нибудь!» Нет! Настроения никакого. Люблю тебя, сына, вижу вас во сне все время и думаю. Вот и все. До свидания, лапа! Целую крепко. Большой привет всем. Володя.

Р. С. Это письмо опять рискну передать. Тогда оно у тебя будет завтра.

Ребенка поцелуй за меня и учи его разговаривать. Интересно, что он скажет первое!! Все.

* Письмо брошено в почтовый ящик в Москве.

¹ Галиев — о ком идет речь, установить не удалось.

* * *

6 мая 1963 г.

А я, лапик, солнышко мое, опять поторопился. Просто я забыл, что в кино очень много пятниц на одной неделе. Они мне обещали почти точно, а потом кто-то не достал какие-то столы и из-за этого срочно переходят на другой объект, а я в нем занят. И все равно я свободен 4 дня. Не знаю, куда дену время. Хочет режиссер, чтобы я поехал в санаторий Совета Министров работать над ролью... Но все это за свой счет. Я сказал, что я не министр, что беден и пусть министры и едут работать над ролью, а я повременю. Если ты так и не получила первого письма, то не знаешь, что пока ставка моя 16.50, а в месяц 130 р., т. к. договор аккордный и 20% получу только в конце, а артиста Юхана, когда он опять приедет, я буду долго и зло избивать,— зачем не бросил письмо. Вчера звонил отцу. Он говорит, что ты после праздника не была, но, наверное, потому, что ребенку сделали прививки. Лапа! Ты хотя бы звони туда и передавай, если не пишешь. Ладно!

Мальш! А как сын! Мне папа твой рассказал в двух словах, но ты напишешь лучше. Я его целую. И тебя.

Сегодня воскресенье. Первый день пасмурно, но зато душно. А дождя нет. Вместо него — пыль. Во дворе у нас из бассейна выпустили воду и купаться нельзя. Сижу в гостинице один, только иногда заходят горничные и донимают, чтобы я прописался. А мне неохота, там очередь, там приехали на какое-то секретное совещание чабаны. [...]

Льосик! Скорее напиши мне письмо и побольше расскажи и спроси. Я напишу тебе большое письмо. Жду. Целую вас обоих, люблю. Володя.

Всем привет, как всехнее здоровье, как дедушка, ходит ли моя мама!

* * *

12 мая 1963 г.

Льосик! Хорошая моя лапа! Любимая лапа! Наконец — письмо от тебя и сразу как-то лучше. Все твои опасения о том, что буду я сидеть без дела, оправдались. Чуть-чуть поснимался, а сейчас ничего не делаю. Болтаюсь по студии, снимаю мерки. Для чего? Не знаю. Вроде никаких костюмов мне не надо. «Казахфильм» — это ужасно. Никто ничего не умеет, все делают вид, что работают. Зачем-то каждый день присылают за мной машину и везут на студию, а там я слоняюсь из угла в угол и пытаюсь острить. Безуспешно. Лапа! Ужасно рано просыпаюсь. Сейчас 8 часов, а я уже часа 2 не сплю. Только что дали письмо и

сел писать ответ. Почему-то письмо шло 4 дня. У нас здесь (у нас) 3 дня были грозы. Прямо как в Москве — море разливанное. Если бы не Толя Галиев, умер бы от тоски и от голода. Совсем нет денег. Гостиницу мне не оплачивают полностью, и я доплачиваю рупь с чем-то. Уже много набежало. Лапа! Я не жалуясь, а просто описываю положение. Солнышко! Я тебя люблю, больше всех. Зачем закармливаешь ребенка! Как он! Что говорит! Зачем рассказала отцу про куртку! Это они сделали вид, что ничего страшного, а в душе затаили некоторое хамство. Про 23 я не забуду и дам громадную поздравительную телеграмму. Передавай привет всем в любых выражениях. Люсик! Очень скучаю. Пиши, лапа!

Целую, люблю! Я ребенка тоже целую и люблю. Володя.

Айзкраукле, июль — август 1964

* * *

13 мая 1964 г.

Люсик! Солнышко! Лапа! Наша таборная жизнь течет нормально. Целый день мужики лежат вверх животами, а бабы ходят и гадают (за деньги), когда будет съемка. Безделье. Вечером — звон гитары молодого, черноголового Абдулова Севки¹ и пляски вокруг костра, а потом спим в шатрах-палатках на влажных простынях. Погода только сегодня хорошая, а так — дождь и холодно. Хожу я как герой из «Великолепной семерки»² — в джинсах и в американских ботинках, так что выходит очень великолепно. Вчера собрал бутылку земляники (1231 штука), считал и нагибался за каждой ягодой, а потом с молоком съел. Результат на лицо и на желудок — тяжелая, но скоротечная медвежья болезнь. Хотели разрушить нашу беззаботную жизнь и сегодня назначить съемку, но вдруг кто-то напугал, что сегодня 13-е число и понедельник. Все забегали и испугались. Так что, если не будет съемок еще два дня — будет 50% зарплаты. Это плохо. Я живу экономно и не принимаю. У нас четверых общий котел, но я это дело кончаю и из шараги со скандалом выхожу, потому что они все жрут и иногда пьют и мне выгоды нету.

Вчера комсомольцы ГЭС пригласили нас на «голубой огонек». Я рассказывал, какой я артист, и пел и играл с Яловичем сценку, а потом по микрофону пели американскую бодягу, а труженики плясали ТВИСТ и махали бедрами. Пахло потом, дымом и похотью. Одна работяга своей мозолистой рукой погладила нашего звукотехника (в прямом смысле погладила), и у того рожа в царапинах. Люсик! Мне здесь скушно! И потом я беспокоюсь за тебя. Здесь телеграммы приходят через 2 дня, поэтому ты мне пиши или телеграфируй на такой адрес: Латвийская ССР, Огрский район, п/о Айскраукле, Киноэкспедиция — Высоцкому. По прежнему адресу тоже можно, но это дольше.

Лапа! Ты мне тоже пиши и про себя, и про сына, и про родителей, и про тайную войну и козни. А то я здесь зачахну и сгину на корню. И еще напиши чего-нибудь умное. Потому здесь — серость и однообразие.

Вчера с Севкой пошли в колхоз и выпросили лошадей. Это было трудно, т. к. латыши по-русски ни-ни. Наконец, дала телегу, а после длительной пантомимы — лошадей без седел. Теперь болят ноги и между ними тоже. Хожу с трудом, сижу тоже, поэтому лежу. Люсенок! Ты иногда показывай ребенку лошадей, пущай знает, а потом будет ездить. Очень красиво.

Я иногда буду отсюда звонить матери, если поставили

телефон: ты мне только сообщи номер. Целую, люблю. Володя.
P. S. Антабус пил 1 раз. Хочу подсыпать кому-нибудь.

¹ В. Абдулов — артист театра и кино, друг В. Высоцкого.

² «Великолепная семерка» — знаменитый кинофильм Д. Стерджеса, вестерн.

* * *

10 июля 1964 г.*

Люсенок! Приехали! Потом 60 км на газике, и в палатки. Каждая палатка на 2 рыла. Я и рыло Ялович¹. Правда, я сразу уехал в Ригу (в г. Ригу). Съездил на взморье. Купался, простудился. Погода плохая. Дождь. Хожу в новом свитере и мокну. Сегодня приедут ребята. Будет повеселее. Река за 4 км, столовая за 3 км. Массовые поездки и туда и сюда и в уборную (7 км). Пока все. Осмотрюсь и напишу большое письмо. Люстик! Я тебя люблю, целую и ребеночка тоже. Володя.

* Письмо написано на почтовой карточке.

¹ Г. Ялович — артист театра и кино, друг В. Высоцкого.

* * *

15 июля 1964 г.

Люстик! Это опять я! Адрес я тебе написал правильно, но с ошибками, а надо так: Латвийская ССР, Отгский р-н, п/о Айзкраукле, Киноэкспедиция — мне.

Почему-то от тебя до сих пор ничего нет, и я беспокоюсь, может, ты уже родила троих¹, и все черненькие, и тебе дали 2-х нянь и пособие. Это я вчера начитался в «Огоньке» про негров, — как они у нас великолепно себя чувствуют и женятся на белых женщинах и их за это не линчуют. В общем, здесь им — прекрасно. И я теперь жарюсь на солнце, хочу почернеть. Пока — старания напрасны. Обгорели ноги до мяса, а спина не обгорела до мяса, — обгорела до костей. Хожу с трудом, все болит — к тому же лошади оставили след тоже и ноги от них ломит. Никак, лапа, не посещает меня муза, — никак ничего не могу родить, кроме разве всяких двухстиший и трехстиший. Я ее — музу — всячески приманиваю и соблазняю, — сплю раздетый, занимаюсь гимнастикой и читаю пищу для ума, но... увы — она мне с Окуджавой изменила. Ничего... это не страшно, все еще впереди. Достаточно того, что вся группа, независимо от возраста, вероисповедания и национальности, — распевает «Сивку-бурку», «Большой Каретный» и целую серию песен о «шалавах».

А Севка Абдулов получил письмо от геологов из Сибири, — они просят прислать тексты песен, — и говорят, что геологи в радиусе 500 км от них будут их распевать. Так что все

в порядке, и скоро меня посадят как политического хулигана.

Конечно, нас до сих пор не снимают, вернее меня, а Ялович уже ел в кадре яйца и этим совершенно убил режиссера. Теперь его вызывают каждый день — нужен он или не нужен. Он ропщет, но не очень, потому что съедает много исходящего реквизита и на этом экономит. После выступления на «голубом огоньке»², — у меня здесь есть почитатели, — инженеры и техники, которые хотят мне рассказать про добычу электроэнергии и экономику нашей страны, а еще научить пользоваться земснарядом, бригадира которого я играю. Завтра начнем.

Режиссер все время советуется, просит выдумывать новые сцены и предлагать. Что мы и делаем.

Люсик! Пиши мне. Я знаю, что некогда, но хоть немного. Звонить я могу только до 7 вечера. Лену вряд ли застану, а у матери, пока не знаю, — есть ли телефон.

Лапа моя! Я тебя люблю, и ты мне опиши про себя и про дитю нашу (а может, уже и про вторую) и целуй его (или их).

Позвони отцу — расскажи, какой я есть распрекрасный трезвый сын В. Высоцкий и спроси про цыган³ — нашли или, наверное, нет!

Привет всем.

Аллочке⁴ скажи, что про карандаш помню и в следующий раз в Риге обязательно куплю. Целую, люблю. Володя.

¹ может ты уже родила троих... — Л. Абрамова в это время ожидала второго ребенка.

² После выступления на «голубом огоньке»... — имеется в виду вечер отдыха, проведенный силами съемочной группы для рабочих ГЭС.

³ ...спроси про цыган — квартиру отца В. Высоцкого ограбили цыгане.

⁴ А. Рудакова — сестра бабушки Л. Абрамовой.

* * *

18 июля 1964 г.

Любимый мой Люсик! Целые дни я жарюсь на солнце, потому что снимают Овчинникову¹. Ребята мои измучились — их все время ставят в кадр на третий план и заставляют что-нибудь жевать. А я ни фи́га не делаю. Всех остальных заставляют пилить, таскать, рубить, а я, как главный артист, очень оберегаем. Я только придумываю всякие сцены и трюки. А потом их снимают и благодарят. Режиссер обнимается (очень подозрительно) и говорит, что у нас все впереди (я так понимаю, что это о съемках).

Загар у меня странный — весь я красно-бурый, а ноги —

бело-розовые. И вся тела горит нестерпимым огнем, а душа болит и хочется домой. К тому же все семейные артисты хвастаются своими детьми,— какие они умные, а дети здесь — при них. Мне завидно. Если бы ты не была так глубоко беременна и не ожидала бы с минуты на минуту, что увезут, мы бы здесь великолепно отдохнули, все втроем. Но... у нас все впереди. Все будет.

Новости: совершенно «неожиданно» приехала Роза — Яловичевская пассия. Поселилась на моем месте, а меня репатриировали к Абдулову и Пешкину². Я сегодня подал жалобу и протест,— хочу вернуться на Родину. Мы трое вынашиваем коварные планы ее выселения, и Ялович, по-моему,— за. Мы сообщили в студию свой адрес для Кулик, а эта самая Роза разузнала и приперлась с двумя чемоданами и с наглой рожой. Но... ничего, мы еще повоюем, и я не сдам без боя свою территорию, и она уедет, или я ей подсыплю антабус, а потом предложу тост за Яловича и она выпьет, начнет ее, болезную, мутить, а я тут как тут,— скажу, что это симптомы чего-нибудь ужасного и выдворим ее!

Льосик! Подозрительно долго от тебя ничего нет. Напиши,— лапа, огромное письмо, и Аркашка там нарисует тиктикда. Как вы! Чего говорит умный и красивый наш ребенок! Как все! Как мои родители, те и другие, и как те,— оправились после тяжелой утраты или еще под впечатлением. Ну и еще про себя: Даугава здесь мелкая, но там, где мы купаемся,— хорошо. Вчера в час ночи ездили купаться. Вода теплая и удовольствия вдоволь.

А вообще скучно... Читать нечего. Дописал песню про «Наводчицу»³. Посвятил Яловичу. Ребятам нравится, а мне не очень. Работать над Бабелем⁴ нельзя — мешают. В следующем письме напишу тебе песню.

Я, лапа, ужасно положительный. Все спрашивают, что со мной, почему я серьезный. А я их не удостаиваю и пренебрегаю.

Сегодня впервые посмотрел на себя в зеркало,— зрелище удручающее — веснушки, краснота, волосы выгорели и глаза тоже (но стал похож на русского вахлака, от еврейства не осталось и следа).

Засим до свидания. Целую вас обоих и люблю. Всем привет. Даешь ответ!!!

¹ Л. Овчинникова — киноактриса..

² В. Пешкин — артист МХАТа.

³ ...песню про «Наводчицу»...— имеется в виду песня В. Высоцкого «Сегодня я с большой охотой...».

⁴ Работать над Бабелем...— речь, очевидно, идет о работе над концертным репертуаром.

23 июля 1964 г.

Получил от тебя сухое письмо, разбавленное упреками и подозрениями, выпил чашу до дна, и стало мне плохо, а на дне — «Целую», — и стало мне хорошо. Лапа! Ты уж не перенашивай так долго, а то уже не терпится. Телеграмму мне пусть сразу дадут, или ты, если успеешь.

Ужасно таинственная история с находкой денег¹, но... нет худа без добра — пускай радуются и думают, — какие они ловкие и умные.

А что ребенок! С кем он будет там жить, на даче! Говорила ли ты с матерью — моей! Она ведь говорила, что поедет на дачу! С деньгами не бейся. Сегодня вышло тебе 40 р., т. к. 35 Радомыла² выгрызает. Он думает, что мы тут миллионеры и даже требует проценты. А у нас тут такие дела: «по...»³

Лежало вместе 2 листа, поэтому читай сразу следующую страницу, а здесь читай песню:

Сегодня я с большой охотой распоржусь своей
субботою.

И если Нинка не капризная, распоржусь
своею жизнью я.

Постой, чудак! Она ж наводчица.
Зачем! — Да так, уж очень хочется!
Зачем, чудак! У нас компания!
Пойдем в кабак, — зальешь желание.
Сегодня вы меня не пачкайте, сегодня пьянка

мне до лампочки,

Сегодня Нинка соглашается, сегодня жизнь
моя решается.

Ну и дела же с этой Нинкою,
Она ж спала со всей Ордынкою,
И с нею спать — ну кто захочет сам!
— А мне плавать, — мне очень хочется.
Сказала, любит, — все, заметано! — Поставлю рубль

за сто, что врет она!

Она ж давно, всю осень просится, а мне
чего — мне очень хочется.

Она ж хрипит, она же грязная,
И глаз подбит и ноги разные.
Она одета, как уборщица, —
Плавать на это — очень хочется!

...ехали мы позавчера в Ригу и остались ночевать у одного «знакового» врача, у которого был не менее «знакомый» боксер из сборной Латвии, который и украл у нас 20 рублей до копейки, так что обратно мы ехали кроликами, а сделать ничего нельзя было — боксер встал в стойку и в позу оскорбленного, кричал, что у него старуха-мать и что она умрет, если даже подумают

про ее сына. А мы доказать не могли, проверили карманы, но он их припрятал в трусы, а в трусы мы не полезли, это незтично. Вот такая история. К тому же Ялович оставил в автобусе портфель со своими и моими плавками, и я купаюсь так. А завтра будет скандал: я уже снимался в этих плавках, и их хотят укрупнять зачем-то. А их нет. Я предложу укрупнить без них, но на это вряд ли согласятся. Придется вообще без этого кадра. А жаль. Еще какие новости!

Эта самая Роза покинула мою палатку и ретировалась в поселок, где сняла комнату, Ялович ее не навещал, всячески намекая на отъезд, но она твердо сидела на своем и ни с места. А сегодня выяснилось, что у ней денег нет. Сейчас пойдем обсуждать. Ялович хочет нам что-то сообщить [...].

Скоро [...] приедет к нам Кулик (она пока живет у Марины). Правда, что здесь Кулик делать будет, — не знаю, потому что делать ей нечего. Артистов и так, как собак нерезанных, и еще одна будет. Но она очень хочет, потому что ей грустно. Все болеют.

Про Романа¹ ничего не слыхал — приедет или нет. Сегодня будем звонить Радомыле, он все расскажет. Погода здесь хорошая, жарко. Но теперь это без надобности — даже наоборот, — снимаемся целый день в песке. Очень жарко. У меня в волосах колтун, а под колтуном песок.

На Марс мне лететь и новую жизнь начинать не придется, все я делаю по предписанию врача и прекрасно себя чувствую.

Скучновато тут, все время хочется спать, а во сне сны про вас и про Москву. Я вас обоих целую и люблю, а остальным привет. Пусть ребенку про меня говорят почаще, чтобы не забывал. Володя.

¹ ...история с находкой денег... — о чем идет речь, установить не удалось.

² Е. Радомысленский — театральны́ режиссер, знакомы́ В. Высоцкого.

³ В этом месте страница обрывается и продолжение письма идет через страницу.

⁴ Р. Вильдан — артист Театра им. А. С. Пушкина.

[29 июля 1964 г.]*

Люстик! Хорошая моя лапа! Прости, что так долго не писал, но совсем нет времени, да и ты тоже не балуешь меня письмами. Звонил матери в Москву, но никого не застал, сейчас буду звонить еще. Очень волнуюсь, как ты и когда. Пусть мне сразу дадут телеграмму. Я вылечу, если не в этот день, то во всяком случае быстро, и приеду к тебе в роддом и встречу тебя из него. Очень соскучился по тебе и по Аркашке (скоро буду писать про троих), а тут ты еще редко пишешь — два письма за все время, — очень мало, если учесть, как я вас люблю и какая здесь зеленая тоска. Снимаюсь сейчас много, но все это на даль-

них планах и сзади. Пока гонят и хотят успеть снять Овчинникову,— она послезавтра уезжает. Мои основные сцены еще впереди.

Есть такая маза [ходят слухи], что в Киев мы не поедem, если успеем здесь снять натуру, а это уж от бога — даст господь дождичек или нет. Если нет,— тогда не поедem и в конце августа — в Москву навечно. В Москве наверняка хорошо, потому что там ты и Аркашка. Чудесно, что он будет на даче, а с деньгами — фиг с ними. Я тебе послал не все, потому что Радомыло звонило и просило выслать ей (или ему) в Ялту. Оно поехало загорать и развратничать.

Тут такие дела,— к Пешкину приехала жена Алла, она заняла Севкину постель и палатку, и Севка — бездомный потомственный артист, старается днем по сильнее устать и попозже ложиться. Упадет где-нибудь, бедняга, и спит, а холодно и страшно. Он пытался к нам, но у нас тесно, и Ялович предложил спать ему в палатке у пиротехника на ящиках, а в ящиках взрывчатка, дымовые шашки и всякая ужась. Так что он спит на бочке с порохом в прямом смысле. Пешкин делает вид, что думает, будто все устроилось великолепно, но мы его разубедили, и он пошел снимать комнату в поселок. Яловичевская (...) уехала с позором, предварительно развязав язык, что Ялович ее обманул, обесчестил, завалил на экзаменах и т. д. и т. п. Генка это мужественно перенес, и уехала она под свист, улюлюканье и недоброжелательные взгляды. Все вздохнули. (...)

Снимаемся мы в жаре, в песке и голые. У меня — хорошая фигура, и я очень физически сильный, меня ставят на первый план,— меня и еще одного парня, но он — Тарзан, и я у него учусь, а он у меня — нырять. Я ныряю метров на 50 и всех восхищаю.

Лапочка! Это я расхвастался затем, чтобы ты меня не забывала, и скучала, и думала, что где-то в недружелюбном лагере живет у тебя муж ужасно хороший,— непьющий и необычайно физически подготовленный.

Я пью это поганое лекарство, у меня болит голова, спиртного мне совсем не хочется и все эти экзекуции — зря, но уж если ты сумлеваешься — я всегда готов.

Было вчера собрание. Пугали актеров высылкой в Москву и денежными штрафами, если они себя не будут блюсти морально и физически и не опаздывать.

Впервые ко мне нет претензий,— это подогревает морально. Единственный упрек — зачем я покрываю Яловича, когда он на съемках спит где-нибудь под машиной, а мне его жалко, он худой, нервный и несчастный,— ему Марина пишет официальные письма без ласковых слов и, кстати, хорошо делает. Он ее все время во сне видит и стонет.

Директора у нас фамилия Бязи¹, и он очень грозный и не

любит пьющих, и все у нас болеют в о д о б и а з н ь ю, это я придумал. А режиссера зовут Федор Филиппов². Я его зову Федуар да не Филиппо. Он совсем не Филиппо, потому что ничего не может. Но это и хорошо. Я на съемках режиссирую и делаю, что хочу. Ребята слушают меня. Придумываю текст, а недавно попросили написать песню, которую Ялович, Абдулов и Пешкин должны петь в картине³. Я написал. Песня хорошая, но, говорят, с блатнянкой и мелодия тоже. А там весь смысл в этом. Там ребята идут с гитарой под дождем и пританцовывают, но нашу могучую творческую кучку не переубедишь. Хрен с ними — пусть им будет хуже, а писать как Пахмутова я не буду, у меня своя стезя, и я с нее не сойду.

Только что разговаривал с матерью. Она мне все рассказала, что была у тебя и что ездила с Аркашкой к тете Кате⁴. Лапа! Ты зря так быстро отказалась от ее услуг в отъезде. Пока Нина Александровна⁵, а потом она. Надо, чтоб ребенок побольше там побыл, пока у тебя самое трудное время. Люсик! Ты же сама не нервничай, наверное, неправильно определили срок. Все должно быть в порядке. Фортуна начала медленно разворачиваться к нам лицом и вот-вот милостиво подмигнет.

Беспокоит меня еще мое оформление, моя книжка трудовая, но я пока стараюсь про это не думать. Хочу думать, что все будет хорошо.

Лапа! Передавай всем привет. Целуй ребенка. Целую, люблю и скучаю ужасно. Володя.

Р. С. Пиши авиа. Это немного быстрее. А то я все узнаю с большим опозданием.

Все.

* Штамп почтового отделения Айзкраукле не сохранился, письмо датируется по штампу почтового отделения Москвы.

¹ Биязи — в семье Л. Абрамовой любили рассказывать всевозможные истории о генерале Биязи, который был ректором Института иностранных языков, где училась мать Л. Абрамовой.

² Ф. Филиппов — режиссер кинофильма «На завтрашней улице», который снимался в Айзкраукле.

³ ...должны петь в картине. — имеется в виду песня «Нам говорят без всякой лестии...», написанная В. Высоцким для кинофильма «На завтрашней улице» (полный текст см.: «Студенческий меридиан», 1988, № 10, с. 57).

⁴ Тетя Катя — двоюродная сестра матери В. Высоцкого.

⁵ Н. Гузанова — мать жены брата Л. Абрамовой.

* * *

3 августа 1964 г.

Два письма за все это время — не маловато ли, лапа! Почему-то сегодня думал, что обязательно получу письмо, но не тут-то было. У меня и мысли разные. Что — если вдруг встретила какого-нибудь очередного Рацимора, и он тебе что-нибудь сказал! Или... ну в общем, всякие домыслы. Но... что бы ни было — без писем твоих плохо. Ладно!

У нас было 2 дня выходных. В Ригу мы не ездили, потому что ждали Милку. Она приехала. Живет у нас в палатке. В лагере шепчутся и недоумевают, — думают, что опять баба к Яловичу. Потом кто-то пустил слух, что к Абдулову, а потом, что ко мне, но все эти разговоры затихли, и вопрос остался открытым. Но на Яловича косятся. Скоро к нему должна приехать Марина, — вот тогда что-то будет.

Распределились так — Пешкин с женой, Ялович с Милкой, а мы с Севкой, как самые скромные и благородные, — бродяжкам по палаткам — нынче здесь — завтра там.

Вчера дали нам по 5 рублей квартирных. Это за весь месяц, и все решили загулять на лоне природы. Я, лапочка, вообще забываю, что такое загулы, но, однако, от общества не отказываюсь, и даже напротив, люблю когда вокруг весело, — мне самому тогда тоже, — это разбивает мое собственное о себе мнение — будто я только под хмельком веселюсь. Так вот. Я, как самый главный министр Москвы, выпросил в столовой 4 кг мяса, сделал заготовку для шашлыка, вымочил в уксусе с луком. А вечером, часов в 9, сделали мы мангал из кирпичей и жарил я на углях шашлык. Все пили за мое здоровье. А Ялович вопил, что он никогда ничего подобного не ел и что это лучше, чем у грузин, узбеков и евреев вместе взятых. Было действительно вкусно.

Здесь все понакупили транзисторы «Спидолы», и мы ежедневно слушаем крамольные передачи про нас и музыку. Но... про нас — мы сами знаем, где у нас чего... а музыка действительно хорошая. Я очень научился хорошему бою на гитаре. Приеду — покажу. Песню мою, наверное, будут петь, она всем понравилась. Все! Пока больше до твоего письма писать не буду. Целуй Аркашку крепко, а я вас обоих (или трьих) люблю и целую. Володя.

* * *

15 августа 1964 г.

Лапа! Наконец-то собрался тебе написать. Совсем не было времени. А сейчас по порядку. Нахожусь я на съемке за 15 км. Ждем 6-й день погоду и вдруг крик: «У Высоцкого сын родился»¹ — и телеграмма про громадного нашего ребенка. Я ужасно обрадовался, хотя думал — девочка и даже купил ей кое-что розовое и желтое, но это ничего, им — детям — на вкус и на моды плевать. Так вот, — стал я психовать — будет солнце или нет. Бог есть, Люсик, оно — светило, выглянуло, и мы сняли эти проклятые 4 дуба, и я на «газик» и в погоню за поездом. Еле успел.

Сразу приехал на Беговую² и к тебе. Очень жаль, что на следующий день не смог, но я перевозил комод, ходил к Любимову (там все в порядке, закончу здесь и туда), а потом на

«Мосфильм» и в аэропорт. Все были поражены точностью и все спрашивали, видел ли я тебя и дитю [я так думаю, Сергея, или Алексея]. Тебя я видел, лапа, ты очень красивая, только бледная. А я тебя очень люблю. А я теперь стал настоящий отец семейства [фактически, но не де юре — это в ближайшем будущем], я и теперь чувствую, что буду бороться за мир, за счастье детей и за нравственность.

У нас были неприятности [в автомобильной катастрофе погибла наша буфетчица — совсем молодая девчонка и покалечились еще двое]. А вчера во время съемки раскроил себе лоб в 2-х местах главный герой. Его шили вдоль и поперек, и он держался. Я съездил к Толяне³. Он страшно обрадовался и шлет тебе приветы, поздравления, поцелуй и восторги и советует от 3-го пока воздержаться. Он нормально выглядит, только нос немного переломан.

Так что везет мне. Вдобавок я опоздал на съемку, был жуткий крик и угрозы денежных репрессий, но это без меня, а когда я приехал, никто ничего не сказал, я отшутился. Они все меня немного побаиваются, и это хорошо.

Люсенок мой! Когда тебя выпишут, как маленький, кормишь ли ты его!

Я знаю, — тебе трудно будет сразу писать, но ты на открытке 3 слова, потому что у мамы испорчен телефон, а т/елефон/ Влад/мира/ Ариадьевича⁴ я забыл. Его тоже надо мне. Тогда я буду звонить.

Сейчас посылаю твоей маме много шерсти, больше 1 кг. Все говорят — великолепной. Она обещала связать обним. Хорошо бы и тебе. Ты попроси. Вообще я все время о вас думаю. А Аркашка наш самый лучший ребенок в мире. Он за меня цеплялся и чуть не плакал, когда я уходил, и я тоже. Люсики! Любимый! Береги себя и наше потомство!

Целую тебя, малыш! Володя. Все ребята и Марина тебя нежно целуют, а Н. Эсадзе⁵ привет, а Марина и Ялович таинственно переглядываются. Что-то будет.

¹ «у Высоцкого сын родился»... — речь идет о втором сыне В. Высоцкого Никите (род. 8 августа 1964 г.)

² Л. Абрамова проживала по адресу: Беговая аллея, д. 3, кв. 186.

³ А. Утевский — близкий друг В. Высоцкого, отдыхал в Прибалтике после тяжелой автомобильной катастрофы.

⁴ В. Абрамов — отец Л. Абрамовой.

⁵ Н. Эсадзе — однокурсница Л. Абрамовой.

* * *

19 августа 1964 г.

Люсики! Хороший мой! Ты уже дома. Мама мне прислала телеграмму и сообщила. И там написала, что ребенок прелестный. Как ты обходишься с двумя! Какой малыш! Какой у

него голос! Я очень скоро приеду насовсем и буду тебе помогать.

Лапа! Ты прости меня, что я опоздал с поздравлением. Но... у нас очень оригинально работает почта — открывается после нашего отъезда на съемку и закрывается перед приездом. Пусть тебе считается подарком пальто.

У нас такие новости. Были мы все в гостях у Толи в Дзинтари. Он — со своей знакомой, с которой у него был роман года 2 назад, когда он лежал в больнице, она его посещала и подолгу была милосердной сестрой, а потом вывезла на взморье, ей 24 года, она не Толиного возраста. Может, женится, наконец. Она переводчица. Только что была в арабских странах и понавезла кучу тряпья и только о нем разговаривает, — это довольно противно. А потом Толя с ней приехал к нам, ходили мы за грибами, их здесь куча, ели их у костра. Толян обалдел, — говорит: «Как хорошо!» Но уехал в Москву — ему на работу надо.

Погода снова хорошая — солнце. Но нам теперь солнце не нужно, нам нужно пасмурно, — и сегодня мы бездельничаем. Яловичи уехали в Ригу, — покупать Генке пальто (его пальто украли в студии).

Лвосик! Пожалуйста, отдай маме мои 2 пары ботинок, пусть отдаст починить, а то ходить совсем не в чем. Пальто мне дает Толя, так что с этим все хорошо, а ботинок Толя не дает, у Толи нет ботинок, у него только пальто, и это плохо!

Приехали из Москвы художники, говорят, что очень хороший материал, очень красиво, и Эдуард не Филиппо воспрянул духом и начал работать с актерами. Это ужасно. Я ему намекнул, но он не расстроился и сказал, что Эйзенштейн тоже не любил, а он его ученик. Оператор за крупные планы требует мзду, я обещал. Вообще же стараюсь меньше в аппарат лезть, потому что неинтересные сцены, а уж потом буду, как Ливанов, он, как бы его не поставили, — растолкает всех и на крупный. Ялович это показывает, очень смешно.

Я сегодня буду звонить маме. По-моему, у нее исправлен телефон, и все узнаю.

Лапа! Как тебе, наверное, трудно. И, наверное, ребенку младенец не очень-то дает спать. И как Аркашка отнесся к появлению брата! Он все бегал и показывал «Уа-уа». Интересно, — кто ходит по магазинам! Потому что когда тебя не было, — в доме тоже было не густо. Бывает ли моя мама, как мои вторые родители¹, в больнице были, ребенка видели! Чего все кругом говорят про ребенка и что он делает!

Скоро это все я сам увижу. Пока все, лапа! Целую тебя крепко и очень люблю. Целуй обеих малышей!

Володя.

...как мои вторые родители... — имеется в виду новая семья отца В. Высоцкого.

Иткол, август 1966 г.

12 августа 1966 г.

Дорогая моя, любимая Ляосечка! Наступил такой момент, когда испытываю я необузданное желание с тобой поговорить, хотя бы в письме. А по Артуровской¹ философии — отказывать себе в желаниях нельзя, чего я и не делаю. Сейчас я тебе все как на духу, начиная с нашего с тобой расставания, трогательного, но не сентиментального. Итак!

Автобус тронулся, я начал выяснять, сколько ехать хоть до Аэропорта: один сказал 45, другой 55, а третий — час. Заволновался, но приехал вовремя, обпился водой, а потом через час ступил на одесскую землю. Вдохнул спокойно: ни тебе грузин, ни абхазцев, никого, даже машины с киностудии. Я, как человек необидчивый и богатый, сел в такси, приехал на киностудию. Там обо мне и знать не знают, кто, говорят, такой! Откуда? Зачем! Потом разобрались, извинились, сделали фото, послушали песни, заказали песни, рассказали про сценарий и повезли в гостиницу². Номеров нет. В ресторане говорят: русских не кормим. Лег спать голодным в номере у режиссеров. Режиссеры молодые, из ВГИКа, неопытные режиссеры, но приятные ребята, фамилии режиссеров: Дуров и Говорухин³. Фильм про альпинистов, плохой сценарий, но можно много песен, сейчас стараюсь что-то вымучить, пока не получается, набираю пары. В конце письма напишу тебе песенную заготовку. Ты, лапа, умная, ты посоветуешь, ты научишь, ты подскажешь. Артистов нас 6 человек, есть среди нас Фадеев⁴ и Лужина⁵, остальные — я, а других ты не знаешь.

А на следующий день (это еще пока в Одессе) дали мне почитать еще один сценарий, режиссер женщина, Кира Муратова⁶, хороший режиссер, хороший сценарий, хорошая роль, главная и опять в бороде (фотография оттуда), сделали кинопробу, дали за нее денег. Посмотрели: хорошо я сыграл, хорошо выглядел, хорошо говорили (ударение следует делать на слове хорошо). Но это вряд ли выйдет по срокам, а жаль. Можно было отказаться от альпиниста, но жалко песен и места съемок. Здесь, лапа, прекрасно... Но об этом потом. Сели мы в самолет. Прилетели в Краснодар, а оттуда в МинВоды на такси, а еще оттуда — в горы, на Кавказ, в ущелье Боксан, под Эльбрус (я пропустил ночь мытарств в аэропорту в Краснодаре, пропустил мат в сторону злой и гнусной дирекции нашей, пропустил свою работу в качестве администратора, как я доставал номера в аэропортовской гостинице, а потом до МинВод — это 500 километров). Бог с ними, со всеми. Сейчас я сиюю в гостинице «Иткол» — модерн в горах, куча неонацистов и нерусских людей других национальностей, местные аборигены — кабардино-балкарцы (кстати, в Кабардино-

Болгарии, действительно, есть лошади и ишаки, не знаю, как в Кабардино-Румынии; а здесь есть). [...] Сижу я, пишу, а отовсюду — музыка, внизу в холле местные массовики наяривают на аккордеоне и рояле какую-то жуть, кажется, арабское танго, а из соседнего номера подвыпившие туристы поют какие-то свои песни, Окуджаву и Высоцкого, который здесь очень в моде, его даже крутят по радио. Это меня пугает, потому что, если докатилось до глухомани, значит, дело пошло на спад. Правда, здесь много москвичей и ленинградцев, здесь даже Арий Михайлович⁷. Живет в номере с тремя мужчинами. Красив и загадочен, у него куча твоих портретов, я только повздыхал, но он мне ничего не предложил. Вчера, правда, после настоятельных просьб его, я устроил концерт самодельной песни. Были какие-то студенты, еще кто-то и даже один жоэль-верновский персонаж с бородкой капитана Немо. Арий был в восторге, он, по-моему, обалдел, просил повторить. Особенно понравилось про космических негодяев.

Здесь очень красиво, нас кормят по талончикам пресно и однообразно, но мы проходим акклиматизацию, лазим по скалам. Если бы ты, лапа, увидела, по какой я сегодня прошел отвесной и гладкой стене, ты бы, наверное, про меня хорошо подумала. Это все очень интересно, особенно если удастся пролезть. Рядом горы, в снегу, погода меняется непрерывно, рядом шумит река (в ней недавно 3-е утонули, хотели покататься, а там скорость бешеная, и камни летят громадные, так они, сердешные, и сгнули). У нас несколько инструкторов, удивительных людей. Они бывали на сложных восхождениях, один из них даже падал, летел метров 120 со скал. Все они люди очень любопытные и непохожие на всех нас, которые внизу. Здесь кругом могилы погибших альпинистов, но рассказы о гибели суровы и спокойны, вероятно, оттого, что рассказчики сами бывали в таких же положениях, с ними могло бы быть то же. Ведь на людей воевавших рассказы о героизме производят гораздо меньшее впечатление, чем на остальных. Я раньше думал, как, наверное, почти все, кто здесь не бывал: умный в гору не пойдет, умный гору обойдет. Теперь для меня это глупый каламбур, не больше. Пойдет он в гору, умный, и по самому трудному маршруту пойдет. И большинство альпинистов — люди умные, в основном интеллигенция.

А мыслей в связи с этим новым, чего я совсем не знал и даже не подозревал, очень много. Вероятно, поэтому и песни не выходят. Я, наверное, в отличие от Елифана⁸ не могу писать о том, что знаю, слишком уж много навалилось, нужно или не знать, или знать так, чтобы это стало обыденным, само собой разумеющимся, а это трудно. Я и английскую речь имитирую оттого, что не знаю языка, а французскую, например, не могу. Вот! Это меня удручает. Впрочем, все равно попробую, может, что и получится, а не получится — зайдем у

альпинистов, у них куча дурацких, но лирических песен, переработаю и спою. Еще одна интересная штука: здесь много немцев, которые воевали здесь же в дивизии «Эдельвейс». Не могут, тянет сюда, ездят каждый год, делают восхождения на Эльбрус с нашими инструкторами, с которыми, может быть, воевали. Интересно!! Съёмки начнем с меня, дня через 3. Пока еще не оборудовали лагерь. На съемочную площадку будем подыматься на вертолете, а завтра идем на ледник с ночевкой — привыкать! Все! Больше про себя не буду. Приеду, расскажу много.

Льосик! Лапа! Солнышко! Ты мне обязательно напиши. Хоть здесь и интересно, но я по тебе скучаю очень, а по детишкам — аж прямо жуть. Как они там, что ты делаешь, как твои съемки! Мне, может быть, удастся выбраться в середине августа дня на 2, а может, нет. Постараюсь! Здесь, в смысле отдыха, неплохо. Так что приятное — с полезным. А приятное — впереди, если все будет нормально и мне выхлопочут ставку, получу я много средств для приобретения автомобиля «Москвич» или «Фиат», а если ставку не дадут, то для приобретения «Запорожца» или мотоцикла. Здесь, лапа, будут платить 30% высокогорных. Стало быть, мы как на переднем крае или в Сибири.

Скоро напишу еще. А вот комедийная песня, вернее заготовка:

Для чего, скажите, нужно лазить в горы вам!
А ты к вершине шла, а ты рвалася в бой.
Ведь Эльбрус и с самолета видно здорово!
Улыбнулась ты и взяла с собой.

И с тех пор ты стала близкая и ласковая,
Альпинистка моя, скалолазка моя.
В первый раз меня из трещины вытаскивая,
Ты бранила меня, скалолазка моя.

А потом за эти проклятые трещины,
Когда ужин твой я нахваливал,
Получил я две короткие затрещины,
Но не обиделся, а приговаривал:

До чего ты стала близкая и ласковая,
Альпинистка моя, скалолазка моя, и т. д.

Это я буду петь Лужиной, к которой буду приставать (по фильму, конечно). А так я тебя очень люблю и дурных мыслей не имею. Все.

Целую тебя, жду ответа, целуй детей и пиши про все.

Володя.

...по Артуровской философии... — имеется в виду писатель А. Макаров, друг В. Высоцкого, согласно «философии» которого неисполненные желания разрушают изнутри личность.

² ...повезли в гостиницу...— речь идет о гостинице «Аркадия».

³ Б. Дуров — кинорежиссер, С. Говорухин — кинорежиссер.

⁴ А. Фадеев — киноартист.

⁵ Л. Лужина — киноактриса, В. Высоцкий посвятил ей песню «Скалолазка», которая написана для кинофильма «Вертикаль» и «заготовку» к которой он приводит в конце настоящего письма.

⁶ К. Муратова — кинорежиссер, в кинофильме которой («Короткие встречи») В. Высоцкий снялся сразу же после «Вертикали».

⁷ А. Беляев — концертмейстер ЭКТЭМИМА.

⁸ Г. Епифанцев — артист МХАТа, друг В. Высоцкого.

* * *

[август 1966 г.]*

Дорогая моя Люсечка! Получил сегодня сразу 2 твоих письма. Одно короткое и приличное, а другое длинное и, вначале, тоже пристойное и даже с юмором, а во второй своей части, в той, что на обрывке,— просто поток желчи и сарказма, а также масса несправедливых упреков, обвинений и напоминаний! Ты зачем это, а! Лапа!

Почему ты решила, что я собираюсь опаздывать на сбор труппы, подводить Любимова и т. д.! А потом — ехидство твое, относительно моего накопительства, похоже на Аллу Борисовну¹. Если бы я мог прислать средства сразу, то тебе не пришлось (бы) 2 раза напоминать. Но здесь ни у кого ничего пока нет, потому что только что приехал директор, а кормят здесь бесплатно, в счет суточных. Договор я пока не подписал, жду ставку. И т. д. и т. п. Ну, это неинтересно. Деньги я передал, ты их, наверное, получила. Если мало, прости, больше нет, но скоро, наверное, все встанет на место.

Ладно! Хорошо, что поговорили с тобой по телефону, а то я бы совсем расстроился. Мама прислала мне письмо, впервые за все время, за всю жизнь, не поучительное, а описательное, и там описала, что дети будто совсем не поправились. Почему? И почему Никитка ничего не говорит. Они, наверное, совсем с ним не разговаривают. Он, наверное, тихий, спокойный, никого не трогает, поэтому ему меньше внимания, чем гадким, крикливым и капризным детям. А почему, лапа, ты их так рано забираешь! И где ты собираешься с ними быть! Ведь, наверное,— в Черемушках², потому что — на Беговой ведь Валя!³ А здесь сроки сроками, а я — сам собой. Основные сцены можно отснять дня за 3—4, а потом нужно будет очень немного летать. Это я привык! Конечно, безделье осто... (далее, как ты в Ленинграде), но нет худа без добра. Глядишь, впервые за несколько лет отдохну без работы, без водки.

Я по тебе скучаю и никогда бы в жизни, даже под настроение, не мог бы написать тебе такую грубую приписку.

Пишу и думаю, куда тебе послать письмо — в Вильнюс⁴ или еще куда. Подожду телеграммы из Вильнюса.

Сейчас лягу спать, а потом встану и продолжу. Письмо получится длинное, в несколько дней.

Целую. Володя.

Сегодня, наконец, выяснилось⁵, что завтра, кажется, может быть, будет освоение и даже, навряд ли, конечно, но чем черт не шутит, съемка. В связи с этим начали лихорадочно решать, во что меня одеть. В который раз уже наклеили бороду, повосхищались, как она мне идет, надели какие-то штаны эластичные и пока что ничего не решили — там видно будет. Там — это наверху, на леднике ШХЕЛЬДА. Здесь вообще очень звучные и трудные названия, например: «Дангу-Зорун», что значит «Свиное рыло»; «Эльбрус», что значит «Грудь девушки»; «Ушба», что ничего не значит; и, наконец, «Каш-Катаж»⁶, что значит черт-те что. Кто знает больше этих названий, тот молодец. Мы будем снимать на так называемом «Приюте немцев», который после борьбы с космополитизмом (тогда он назывался «Приют грузинов») снова вернул свое первоначальное название). Ничего там не изменилось, как был ледник, так и есть ледник. Так вот, мы будем там. «Приют» — это вовсе не оттого, что там действительно приют, какие бывают для сирот и престарелых, а просто однажды при восхождении на очередную вершину, там ночевали немцы, а потом — грузины, а потом — все, и даже евреи, потому что среди альпинистов есть и таковые. Есть еще приют 11, это на середине Эльбруса. Кстати, он очень красивый. Его отовсюду видно. Но туда можно залезть даже с закрытыми глазами. Недавно туда залезли сразу 1200 человек, в честь какой-то годовщины Кабардино-Балкарии. Правда, там высоко, 5600 м, и холодно, и еще там какие-то газы, от которых падают, но там ровно — снег и лед — и полого. Местный начальник, директор ущелья Боксан, Залиханов Хусейн Чоккаевич, обещал, что туда поедут мотоциклисты, а потом и велосипедисты. Все, что я тебе написал, очень веселит альпинистов. Но, где будем мы, там не смешно. Очень красиво, но небезопасно: камнепады, трещины во льду и другие бляки. Правда, мне ничего не грозит. Я играю радиста и сижу на одном месте, и пою песни. Летал туда на вертолете. На нем очень здорово — все видно, горы кажутся мирными бугорками и очень интересно то, что совсем исчезает масштаб. Кажется — рядом, метров 5, (так) что можно зацепить лопастью, а это полкилометра. Письмо опять литературное, но я жду Вильнюсского адреса и все равно еще буду продолжать писать. Приехали американцы — 35 штук. Все, кто сюда попадает, окабардиниваются, мы их называем кабардино-американцы.

Сегодня пришли из похода кабардино-поляки, они сильно пшекают. А правда хорошая национальность «кабардино-китайцы» или «кабардино-негры»? Их, правда, здесь нет. Гор для них жалко. Сейчас я прерываюсь. Пойду дышать.

А сейчас мы на 3 дня летим на ледник. Я что-то, наверное, заболел, горло и всего ломает. Целую тебя, Лвусик! Напиши ласковое письмо.

Володя

* Конверт настоящего письма не сохранился.

¹ А. Рудакова — тетка Л. Абрамовой.

² ...в Черемушках... — на ул. Шверника жила мать В. Высоцкого.

³ В. Абрамов — брат Л. Абрамовой.

⁴ ...в Вильнюс... — Л. Абрамова в это время снималась в кинофильме «Восточный коридор» («Беларусьфильм»), съемки которого проходили в Вильнюсе.

⁵ ...выяснилось... — очевидно, описка (сл. читать: выяснилось), но, возможно, и сознательная словесная игра.

⁶ Географические названия даются в написании В. Высоцкого. На самом деле: «Донгуз-Орун», «Каш-Каташ».

* * *

24 августа 1966 г.

Как прекрасно, когда у человека (у хорошего) есть жена, и когда она пишет письма, когда у него есть дети (двое), и когда они (дети) разговаривают по-русски.

Солнышко! Лвусик! Привезли мне на ледник твое письмо и телеграмму из Вильнюса. Но... телеграмма, считай, что как будто не дошла [...] Ну! Это не для письма.

Я — горный житель, я — кабардино-еврейский-русский человек. Мне народный поэт Кабардино-Балкарии Кайсын Кулиев торжественно поклялся, что через Совет Министров добьется для меня звания заслуженного деятеля Кабардино-Балкарии. Другой балкарец, великий восходитель, хозяин Боксанского ущелья, тигр скал, Гуссейн Залиханов, которого по слухам знает сама королева Великобритании (она-то и обозвала его «тигром скал»), так вот, он тоже присоединился к обещаниям кавказского стихотворца и сказал, что я могу считать, что я уже деятель. Потому что я якобы написал про горы, а они, горы — в Кабардино-Балкарии, значит, все решено. Это, конечно, разговоры, но было бы смешно.

Мы уже несколько дней ничего не снимаем, хотя именно меня отщелкали уже прилично, и главное, сняли 2 песни. Погода там, наверху, не очень, холодно и грозы, идет снег. Альпинизм — это прекрасный способ перезимовать летом. Но нам дали пуховые костюмы, и в них тепло. Я не буду писать подробно про горы, про 1-й, 2-й и 3-й ледниковые периоды и т. д. Все — по приезду. Надеюсь вырваться в конце месяца. Но

не знаю. Я тереблю режиссеров, чтобы быстрее, чтобы меньше ездить потом. Но... не знаю, что из этого получится. Все в руках метеослужбы. Здесь все время бьются насмерть альпинисты, и в связи с этим прибавляется тем для разговоров и поводов для грусти.

На леднике дикая тоска, нет света, живем на морене, в камнях, все время грохот — то гроза, то камни, то лавины. Уже не страшно, а, напротив, даже красиво.

Теперь проза. Я до сих пор не получил ни копейки денег: ни за роль, ни за песни. Дирекция шлет трагические телеграммы. Пока бесполезно. Сегодня я заявил, что больше работать не буду, пока не будет ставки и денег. Послали этот текст — дословно — в Одессу. Держитесь пока. Потом что-нибудь придумаем. И я скоро приеду. Теперь уже скоро. Мне тут осто... (здесь опять, как ты в Ленинграде). Целуй, лапа, детишек, я их очень люблю. Всем, кому хочешь, привет.

Почему, интересно, из Минска не шлют постановочных!¹ А! Безденежье, лапа, это плохо, но это временно. Скоро все будет в порядке. Целую тебя и люблю, и скоро приеду. {...}

Володя.

...не шлют постановочных?— речь идет о деньгах за съемки В. Высоцкого в кинофильме «Я родом из детства» («Беларусьфильм»).

Примечания Л. АБРАМОВОЙ

БЕРЕГИ СЕБЯ И НАШЕ ПОТОМСТВО!

ДЕТИ ВЫСОЦКОГО

Хорошо ли, естественно ли, когда вокруг одной судьбы, пусть даже всенародно значимой, собраны, стянуты на близких орбитах судьбы родных? Родителей, вероятно, — да. Жены — конечно. Но дети? Я немного завидую тем мамам, у которых дети — просто их дети. И уж если о детях рассказывают, так о них и слушают. А я, когда о своих говорю, всегда слегка боюсь: ждут не про детей, а про Володю. И еще, уж если заговорю о ребятах, всем интересны их творческие успехи. Или дурацкая поговорка «на детях гения природа отдыхает», имея в виду, что детям все досталось по благу: институты, квартиры, денег навалом. Невольно тянет на спор, опровергать чью-то пошлость. Живя несколько лет рядом с человеком могучей, индивидуальной, сольной судьбы, я поняла и привыкла: судьба — это что-то на одного, как «колыбель да могила». А семья? Я на те семь лет ограничила свою жизнь его судьбой. Но дети... Чем они могли или должны были стать в этой большой персональной судьбе — судьбе их отца?

Есть воспоминания просто золотые, бесценные, их прелесть в простоте. Будни — как воздух, который не замечаешь, пока он чистый и его много. 1966 год, мокрая весна, наверное, конец марта. Аркаше чуть больше трех, Никите полтора. Такая получилась редкая суббота, что Володя с утра свободен — до вечернего спектакля. Аркаша был в детском саду санаторного типа, за городом. В понедельник мы возили его туда электричкой до станции Отдых, а в субботу забирали. Я всегда ездила сама, Володя же занят. А тут: «Поедем вместе и Никиту с собой возьмем». — «Да ты на спектакль опоздаешь». — «Такси возьмем». — «Денег жалко!» — «Ерунда! Зато какое удовольствие, и ребята будут рады». А погода — просто праздник, именины сердца: солнце играет, лужи блестят! Поехали. Никита в меховом комбинезоне — не то плюшевый медведь, не то космонавт. Он страшно серьезный был ребенок, медлительный, важный. Уселись в такси, Никита уснул сразу и всю дорогу проспал. Едем,

дороги не знаем, грязь, распутица. Шофер ругается, сам дорогу на Отдых не знает. Мы сперва хохотали как сумашедшие, когда машина ехала по какому-то проселку как глассер по реке. Потом хохотать перестали — машина села в глубокой луже. Кругом ни людей, ни машин, в эту пору еще пусты дачные поселки, только грачи орут. Выйти из машины нельзя — вода по щиколотку, а до Аркашиного детского сада еще прилично ехать. И время поджимает, и шофер убить нас готов. Я выскочила прямо в воду, а под водой лед, ногам и скользко, и холодно — жутко. Володя говорит: «Беги за Аркашей пешком, зови людей помогать, а я попробую сам машину вытолкнуть». Шофер внутри сидит. «Убейте, — говорит, — не выйду, хоть до лета, пока просохнет». Мы с Володей толкали, толкали машину вдвоем — никак. Крепко она в лужу засела. «Беги», — говорит Володя. Ну я и побежала — по морю аж по суху, только брызги засверкали. Отбежала подальше и начала плакать, при нем я храбрилась. Ноги у меня насквозь мокрые, шуба моя из черного козла, длинная, до пят, тоже промокла вся, бежать в ней тяжело. Бежала с полчаса, врываюсь в сад — а уж всех детей позабирали, мой один с воспитательницей.

Воспитательница на меня поглядела и даже не забранилась, что поздно. Давайте, говорит, я вам чайку горячего дам, котлетки от обеда остались. А я Аркашу скорее в шубу затолкала, котлет в бумажку взяла и бегом назад. Аркашу всю дорогу на руках несла. Он сидит, кулек с котлетами держит и просит меня: «Мама, беги потише, не трясись, а то я заикаюсь!» И чтобы мне не скучно бежать было, читал мне на память «Медного всадника»: «Итак, пришед домой, Евгений //страхнул шинель, разделся, лег, // Но долго он уснуть не мог // В волненьи разных размышлений...// О чем же думал он?— о том, // Что был он беден, что трудом // Он должен был себе доставить // И независимость и честь...» Ты, мама, чего плачешь? Евгения жалко, да?»

Добежали, а там все отлично: в луже какие-то досточки лежат, машина стоит носом к Москве на почти сухом месте. Никита спит. Шофер — уже Володин лучший друг, сидят — за жизнь беседуют. Володя без пальто. Пальто — мокрый комок, он его под колеса подсунул, чтобы из лужи вытолкнуть. Котлеток поели и поехали. Никита так и спал до дому. А Аркаша читал стихи — после «Медного всадника» на Ершова перешел, он «Конька-Горбунка» тоже наизусть знал. В перерывах, когда Аркаша замолкал, чтобы прожевать котлету, шофер нас расспрашивал, где мы работаем, сколько получаем. Я молчала — и от усталости, и потому еще, что боялась: если рот открою, зареву, зарыдаю от счастья. «Моя жена не работает. И никогда не будет — она детей учит!» — «На один оклад тяжело же», — говорил шофер. Оклад у Володи в ту пору был рублей 80. Это еще до «Вертикали» было.

Никита наш заговорил позднее, двух лет. Я не беспокоилась,

я же все время с ним была, видела, что он умный, здоровый. Мы с Аркашей понимали его. Просто темперамент другой — не то что он был увалень или безразличный ко всему. Он с самого начала очень глубокий и значительный, в нем очень много человеческого достоинства. Я именно на нем убедилась, что это врожденное качество.

Как Никита мог слушать! Я своим детям очень много вслух читала и рассказывала. Самое любимое занятие вечером, перед сном — я им по памяти рассказывала из разных книг — из Диккенса, Гюго. Мой коронный номер — «Козетта». Аркаша мог слушать без конца, но перебивал, задавал вопросы, вскакивал или что-то в это время руками делал: из мелкой мозаики орнаменты выкладывал, книжки-раскраски красил, позже рисовал — на те сюжеты, что я рассказывала. А Никита сидел неподвижно в позе египетской статуи писца: руки на коленях, спина прямая, взгляд поверх моей головы вдаль, в запредел. В трогательных местах, когда он не мог удержать слезы, он отворачивался и тихо сопел, сдерживаясь, он на слезы был гордый.

Володя, пару раз выслушав мою «Козетту», спросил: «Ты сама-то давно «Отверженных» читала? Там вроде не так было...».

А я не то что давно читала, но, конечно, чтобы им интересно было и чтобы самый главный смысл — про доброту, про справедливость — подчеркнуть, я отсебятину без зазрения совести плела. Сюжет был часа на три-четыре.

«Володечка, тебе не понравилось?»

«Да нет, наоборот».

Я и ему очень многое вслух читала. Фантастику мы оба любили, вот я и читала романы Стругацких, Лема, Каттнера, Шекли. Тут отчасти мое собственное детство повинно: дома у нас это было самым естественным. Моя бабушка читала вслух мне и брату. Почти все свои любимые книги я помню сперва с бабушкиного голоса, а уже потом своими глазами. И Гоголь, и «Война и мир», и весь Тургенев, и весь Жюль Верн. А вот Дюма у нас не было, и бабушка «Трех мушкетеров» тоже по памяти рассказывала, вроде как я «Козетту». Как хорошо было до телевизоров! А еще бабушка за домашней работой читала стихи, как иные женщины напевают за работой. Я тоже стала так делать, благо память позволяла. Оттуда и Аркашин «Медный всадник», он с голоса прекрасно запоминал.

Не умом, конечно, не рассуждением, как теперь, а чисто инстинктивно я все семь лет нашей совместной жизни с Володей и все годы потом жизнь своих ребят не на орбиту вокруг него тянула, а на свои колеи. В чем-то мной руководили воспоминания своего детства — домашние праздники, самодельные игрушки, любовь к животным, растениям, насекомым. Помню май 1948 года. Мне девять лет. Сняли дачу под Москвой, вещи еще не перевезли, сидим в почти пустой комнате на каком-то коври-

ке втроем: бабушка и мы с братом. Хозяйка дачи принесла банку молока, хлеб и «Путешествие на Луну» Жюль Верна. Посуды нет, теплой одежды нет, мебели тоже, все это вечером привезет папа на грузовой машине. Холодно, идет дождь. И дотемна бабушка нам читает. Мир прекрасен, все, что необходимо, есть, чего нет — несущественно. Когда наступает вечер, мы выходим посмотреть на возвращающееся стадо. Впереди идет рыжая корова, и бабушка говорит: «Завтра будет солнце. А если бы шла черная, то к ненастью». Попутно про петухов. Если в «кукареку» четыре слога — к вёдру, если пять — к перемене погоды. Я не понимаю, а бабушка поясняет: «Один петух кричит: «В Костроме был!» (четыре слога), а другой ему возражает: «Переменится!» (пять слогов). Я начинаю прислушиваться к их перекличке, и точно — кричат разное.

Мой брат Валерий — материалист, ему бабушка объясняет другое: про цвет неба и туч на закате, про дым над трубой, про то, как боцманы большим пальцем направление ветра определяют. В комнате нет света — электролампочки в дефиците. Горит свеча. Читать темно. Бабушка рассказывает, и в память на десятилетия, на всю жизнь впечатывается ненавязчиво рассказ о бабушкиных предках — адмиралах Бутаковых, о генеральском денщике Андрее Петухове, об офицере Симсоне, у которого был Пудель, и об учителе латыни Герасименко, у которого была Кошка... А теперь и моим детям знакома милая сердцу с детства семейная легенда — сватовство молодого капитана Рудакова к богатой купеческой дочери. Назавтра капитан уходит в кругосветное плавание, и невеста клянется ждать его, и они договариваются смотреть на Сириус каждый вечер и думать друг о друге, глядя на яркую звезду. Известна им история о бегстве семьи из Самары в 1920 году, когда Самара захватили белочехи, и бабушка (им прабабушка) везла в корзинке с детским бельишком гранаты, пулеметные ленты и еще что-то страшное.

Володя Высоцкий, придя в нашу семью, застал бабушку с дедушкой и бабушкину сестру тетю Аллу и, хотя отношения его с моими родными складывались далеко не идеально — безработный, пьющий, — но ему самый дух большой семьи с бесконечными семейными преданиями и легендами страшно нравился. «Ты хоть записываешь все это?» — «Да, Володя, я же и так помню...» — «Нет, ты записывай, забудется». — «Мемуары, что ли, писать?» — «Детям будешь рассказывать...».

Мысль о написании мемуаров в 22 года жутко смешна, детей наших с Володей еще и в помине не было, я думала, он из вежливости это говорил, чтобы показать, что он моих родных уважает...

Я не без гордости всегда вспоминаю, как много интересного узнали от меня мои дети. Но, пожалуй, здесь моя заслуга не так уж велика. Во-первых, я действительно долго не работала,

было время и читать сыновьям, и рассказывать все, что знала сама из биологии, астрономии, истории. А не работать в наше время женщина может, только если это замечательное право ей дает семья. Так что здесь и Володина заслуга, и неисчислимая помощь моих родителей, а позже и понимание Юры, что, сидя дома, я делаю что-то очень важное и нужное для детей. Юрий Петрович Овчаренко — мой второй муж, инженер-механик.

Любимая игра у маленьких Аркаши и Никиты была «вигвам». Они строили эти вигвамы из всего, что было в доме: из стульев, матрасов, одеял, туристского снаряжения. Иногда они даже засыпали, забравшись в такой «вигвам».

Когда Никите было 6 или 7 лет, он играл в хоккейные репортажи. Причем вместо хоккеистов использовал шахматные фигуры. Никита ложился на полу на живот, двигал обеими руками перед собой фигуры и при этом комментировал игру, где участвовали и братья Майоровы, и Мальцев, и Харламов. Это были потрясающие репортажи, мы слушали их, развесив уши. Но надо было слушать незаметно — Никита замолкал, если замечал, что за ним наблюдают. Никита очень любил все, связанное со спортом. Став постарше, он занимался баскетболом, в команде олимпийского резерва выезжал на соревнования в Болгарию.

В театр маленькие Никита и Аркадий тоже играли. Например, у них был спектакль из жизни Ломоносова. Никита с его серьезностью и вкусом к трагедии играл роль Рихмана, которого убило молнией. Аркаша, Ломоносов, надевал мои белые чулки и бархатную курточку. Для представления специально были изготовлены астрономические таблицы и куплен глобус. Астрономические таблицы Аркаша делал на картоне, нанося на него тонкие слои цветного пластилина.

Были еще сцены из «Трудно быть богом». Стругацкие — не просто любимые авторы. В честь старшего назван был наш Аркаша. Мы были знакомы. Я читала Володе вслух все романы братьев Стругацких (многие — в рукописях).

Бывало, хоть и редко, что А. Стругацкий заходил к нам на Беговую. Давно это было — осенью 1968-го. Недели две или чуть больше прошло с того дня, когда с грехом пополам, собрав силы и вещи, я, наконец, ушла от Володи. Поступок был нужный и умный, и я это понимала. Но в голове стоял туман: ноги-то ушли, а душа там осталась...

Я обосновалась в опустевшей квартире на Беговой. Опустевшей, потому что мама, которая оставалась там после смерти бабушки и дедушки, накануне, летом 1968 года, переехала в кооперативную квартиру, купленную для нее Володей. Не потому, что он готовился к разводу, хотя, может, эта мысль у него и мелькала. А потому, что мы с ним рассчитывали жить на Беговой вместе, впервые за семь лет своим домом, без родителей. И Володя обдумал большой ремонт, начертил сам стеллажи и

светильники под потолок, огромные, как в метро, на девять мощных ламп — он любил когда ярко. Он сам нанял рабочих и на ремонт, и на мебель, закупил гору материала (с фанеровкой под красное дерево). Темная мебель, темные обои и ослепительные светильники... Все было еще в полуготовом виде, мягкой мебели и столов еще не было совсем. Я торопилась с переездом — боялась, что, если затяну, решимость моя иссякнет и я останусь как камень на шее, принуждая Володю врать и жить двойной жизнью. Со мной для моральной поддержки поселилась двоюродная сестра Лена, она напропалую прогуливала занятия во ВГИКе, чтобы не оставлять меня одну.

Спали на полу, на туристских матрасах и в мешках. А днем, скатав в рулон все спальное, мы имели удивительный для московской тесноты простор — на радость мальчишкам. И гостям. Гости в ту осень не переводились. Мне казалось тогда, что их влекла в дом наша с сестрой Леной красота, молодость и веселый нрав — мы хохотали с утра до ночи в этой гулкой пустой чистоте. Я смеялась даже во сне, будя громким смехом Лену, спавшую рядом. Она толкала меня и спрашивала, что мне снится. Что мне снилось? Снилось, что я проснулася, что уход от Володи был во сне и что все хорошо, что я провозаю его на вечерний спектакль и говорю, как всегда: «Володечка, играй погениальнее!» — буркнув что-то в ответ Лене, я снова закрывала глаза и снова «просыпалась» там, и снова начинала смеяться.

Не на красоту нашу одичалую смотреть, а просто быть рядом, пряча свою жалость ко мне, как сестра Лена, быть рядом, чтобы не оставлять меня одну, шли в наш дом друзья. Иных уж нет, а те далекие... Умер Женечка Харитонов, умер Пацка Леонидов... И Володечки десять лет нет.

Аркаша Стругацкий приехал «специально посмотреть на своего крестника» — нашего Аркашу, которому только что исполнилось шесть лет. Привез подарок — огромный зеленый пулемет из блестящего, как зеркало, полимера. Мы с Леной содрогнулись: военных игрушек в доме не было. Мы с Володей были пацифистами. Имели хождение космические луноходы с дистанционным управлением (Семен Владимирович Высоцкий, отец Володи, находил где-то самые потрясающие и дорогие). Плюшевые медведи (один от Нины Максимовны, матери Володи, высотой почти с метр) и кубометры цветных кубиков. И вдруг — пулемет! Но мы содрогнулись молча — А. Стругацкий был кумир семьи, мы на него молились. Я и сын Аркаша и сейчас на него молимся, за него, точнее. Теперь уже давно заочно.

В большом волнении мы с Леной принялись готовить закуску, и из кухни слышали громовые раскаты Аркашиного хохота, восторженные вопли детей и совершенно профессиональное исполнение Никитой (четыре года) звуков боя: пулеметные очереди, свист пуль, артиллерийская канонада, стоны поверженных противников и могучее «ура» наших.

Некий нервический комок подкатил к горлу, когда Лена увела детей на прогулку, а я уселась со Стругацким за бутылку коньяка. Но я сдержалась.

Другой визит Аркадия Стругацкого я помню особенной памятью: он принес только что оконченную повесть «Отель «У погибшего альпиниста». Сказал, что это ерунда, и прочел вслух всю подряд. Я сама не дурак в чтении с листа любого незнакомого текста — я это люблю и умею — тому много свидетелей. Но как читал Стругацкий!

Он не раз, не два — часто приходил. Это всегда была нечаянная радость, и мы с сестрой бросались готовить стол. Мы любили всех кормить, а его особенно. Он и ел также талантливо и красиво, как писал, как все делал. И вот еще помню его приход, еще до нашего с Володей развода, в июле 1967-го. А. Стругацкий жил с семьей на даче, мы его давно не видели. И гостей не ждали: у меня болели зубы, и физиономию слегка перекосило. Я была не дома, а у Лены, они с матерью, моей теткой, жили на улице Вавилова в первом этаже громадного кирпичного дома с лифтерами и пышным садом у окон. Аркадий позвонил именно туда и сообщил, что он в Москве, что скоро будет, потому что надо отметить событие: общий наш друг, математик Юра Манин получил какую-то премию, или орден, или звание, уж я не помню, но что-то очень хорошее и заслуженное. Его самого нет в Москве, но мы должны. Да! Мы должны! Зуб мой прошел и физиономия распрямилась и просияла. Мы с Леной принялись за работу: застучали ножи, загремели сковородки. Форма одежды — парадная. Позвонили Володе в театр, там «Пугачев», спектакль недлинный, приходи к Лене, будет А. Стругацкий. Играй погениальнее, шибко не задерживайся. Ну подумаешь — фестивальные гости на спектакле! Ну поговоришь, они поахают — и к нам: Стругацкий не слышал еще ни «Жирафа», ни «На стол колоду, господа!»...

Стругацкий пришел с черным портфелем гигантского размера, величественный, сдержанно-возбужденный, поставил портфель в коридоре. Заговорили о математиках, о премиях, о японской фантастике. Я, улучив момент, на цыпочках вышла в коридор: такой портфель! Должно быть, там новый роман, должно быть большой и прекрасный...

Шесть бутылок коньяка лежали в девственно-новом, пустом портфеле. Портфель по-японски «кабан». Японцы правы.

А Володя пришел поздно. Уже брезжил рассвет. Чтобы не тревожить лифтершу, он впрыгнул в окно, не коснувшись подоконника — в одной руке гитара, в другой — букет белых пионов. Он пел в пресс-баре фестиваля — в Москве шел Международный кинофестиваль «За гуманизм киноискусства, за дружбу между народами».

Когда родился Аркаша, я впервые в жизни начала понимать, что такое хорошо и что такое плохо. Умные разговоры, слегка

волнующие книги, придуманные драмы, бури в стакане воды — все это было интересно и казалось жизнью. Мы прозреваем, когда приходит настоящий страх. Страх не за себя. Это и есть любовь.

Мне было очень трудно с первым ребенком, потому что я ничего не умела. За постоянной тревогой, спешкой и усталостью я и не заметила, как научилась пеленать, кормить, стирать, купать. И еще как-то успевала при этом читать, и ведь много читала. Не говоря уже о бесконечных справочниках по детским болезням, по детскому питанию, я перечитала «Анну Каренину» и «Попытку к бегству» Стругацких, «Солярис» и Поля де Крюи. Спал Аркаша мало, а плакал громко. И я боялась по ночам, что он перебудит всю семью. Жили так: за стеной бабушка с дедушкой, на кухне на сундуке тетя Алла, бабушкина сестра, мы с мамой и Володей во второй комнате, посередине поделенной тряпочной занавеской. Спал Аркаша не больше часа подряд, я бродила по темной комнате, качая его на руках. С ужасом глядела на гору грязных пеленок и эгоистически мечтала, чтобы мама проснулась. И она, конечно, просыпалась и, конечно, забирала Аркашу на руки и решительным спортивным шагом (мама и папа — спортсмены. Папа — главный редактор издательства «Химия», мама до войны закончила мехмат МГУ, после войны — Военный институт иностранных языков) разворачивалась от двери к окну и обратно, носила его на руках и пела военно-строевым голосом на слова Игоря Северянина: «Далеко-далеко за льяносами, где цветы ядовитее змей...» или: «Споемте, друзья...». И почти не думала, что утром, не поспав, поедет утренней электричкой в Долгопрудный, на Физтех, где преподавала английский язык... А на широком полуторном диване у окна спал — не спал тревожным похмельным сном будущий автор «Охоты на волков» и «Романа о девочках», будущий Гамлет. Спал его Высочество, молодой, гениальный, никому еще не ведомый, абсолютно безработный. И все еще было впереди! Милые мои. Они не слишком-то жаловали моего безработного мужа, невенчанного, нерегистрированного — за меня, за детей тревожились. Не вмешивались, не вели ни со мной, ни с ним многоумных бесед. Тепло, по-доброму приняли и Нину Максимовну, и Семена Владимировича с тетей Женей. Помогали, сколько могли.

А через полгода я себя почувствовала профессионалом по части воспитания грудных детей. Даже ездила консультировать. В это время у Левы Кочаряна родилась дочка Оленька, и мне было ужасно приятно, что удалось сделать что-то полезное семье самого главного Володиного друга с Большого Каретного. Инна, Левина жена, переживала с Оленькой такой же страх, как и я с Аркашей.

Аркаша начал ходить ровнехонько в год, прямо в день рождения. Это еще и новоселье было: Нина Максимовна по-

лучила квартиру в Черемушках, далеко от нас, да еще без телефона... Работы нет, денег ни гроша. Я потихоньку от родителей книжки таскала в букинистические магазины. «Потерянный рай» Мильтона снесла. С гравюрами Доре. Жалко было. Володя страдал от этого беспросвета еще больше, чем я. Скрипел зубами. Молчал. Запивал. Писал песни. Мы ждали второго ребенка. Нина Максимовна знала. Своим я все откладывала сказать, все ждала — вот он найдет хоть какую работу — и я тогда скажу. Наконец, к концу зимы свет в тоннеле: Володю взяли в концертную поездку по Сибири. Я страшно скучала, бегала с Аркашей на руках к Кочарянам — туда Володя мне звонил с дороги: то из Барнаула, то из Иркутска. С первой посылки прислал посылку: серые сапожки на меху, копченую рыбу нельму и китайскую баклажанную икру. Я уж совсем решилась со своими начистоту поговорить. Главное было бабушке сказать, она вообще все понимала, особенно про любовь к детям. На ней вся семья держалась: на ее доброте, мудрости, на железной воле. Но я не успела. Утром 21 февраля 1965 года она пожаловалась на головную боль, вечером потеряла сознание. И умерла.

Никиту я родила как-то невзначай. Солила огурцы, давала Аркаше касторку, глядь — сейчас рожу! Еле-еле довели. Он был красавец, огромный. И мне все казалось легко, откуда только силы взялись. И главное — услышал Бог наши молитвы — свела судьба Володю с Любимовым. Начинался Таганский театр. Но порадовалась я только неделю — у Никиты появилось воспаление легких, проболел он полгода. Почти все время в больнице. Когда делалось полегче, отпускали домой. Дома был Аркаша. Потом снова — хрип, температура... и снова больница. Она, правда, была недалеко. Меня пускали к нему, пока я кормила. Приходила в 9 утра. Можно было провести там весь день, нас, мамаш, и обедом там кормили, и в хорошую погоду детей можно было выносить на прогулку в сад. Осень стояла — очей очарованье. Но дома был Аркаша. И не было бабушки. А без бабушки дом как-то истаивал, гас. Бабушкина сестра, тетя Алла, не могла выходить из квартиры. Эту красивую нестарую женщину добивала дальнобойным огнем ленинградская блокада, душила астма. Мама весь день на работе, а вечером и ночью заменяла неотложку — в годы войны она работала медсестрой, и рука у мамы легкая на уколы. Могла спящим детям колоть пенициллин — они не просыпались. Вот по ночам она и врачевала то дедушку, то тетю Аллу, а тут еще я с маленькими детьми...

Утром я усаживала тетку напротив Аркашиной кровати, а Аркашу привязывала, чтобы не выпал. Завтракали. Потом я летела к Никите. Кто сам пережил, тот знает, что такое палата для новорожденных с пневмонией. Очень страшно за них. Несколько раз Никите было совсем плохо. Как они кашляют, как плачут! Бегу

по больничному саду — уже слышу: плачет! А у него еще имени не было! Не успели назвать! Ребеночек и все! Покормишь, поддержишь на руках — надо бежать обратно, к Аркаше, и опять его одного оставлять. Прямо отрываешь от себя, руки свои от него отрываешь.

Нас в палате было шесть мам. Помогали, конечно, они мне. Жалели моего сына, на руках носили, когда кричал. Уснет Никита — оставляю его, бегу обратно, полдороги боюсь, что проснулся и задыхается, а другие полдороги — что Аркаша выпал из кровати. Господи, благослави зверей и детей! И еще всех, кто нам тогда помогал. А помогали все. И ведь все же работали. Володя прибежал с репетиций, гулял с Аркашей, привозил его ко мне в больницу. Семен Владимирович приносил фрукты, арбузы, рыночный творог — чтобы молоко у меня не пропадало. И он страшно жалел моего деда, будто чувствовал его близкий конец.

Как всегда, больше всех помогала сестра Лена. А потом взяла отпуск и Нина Максимовна — забрала Аркашу и две недели прожила с ним на даче у моего брата. Временами, когда болезнь отпускала и все было хорошо, я ходила к Володе в театр, смотрела «Доброго человека из Сезуана», «Героя нашего времени». В то время начали репетировать «Антимиры», и Володя взахлеб рассказывал мне о Вознесенском, о Любимове. Зарплату получал! Шубу мне купил из черного козьего меха. А в ноябре заболел Аркаша. Никита (уже Никита!) был дома. Аркашу решили в больницу не отдавать. Напугал он особенно тем, что бредил и нас не узнавал, из рук вырывался. А как только выздоровел, Нина Максимовна увезла его к себе в Черемушки на выходной, чтобы я выспалась. Аркаша у нас был не подарок к празднику: если болен — так вспоминать страшно. Если здоров — то удержу нет. Только баба Нина отвернется, он начинает скакать в пружинной кровати чуть не до потолка, да и однажды вылетел через перила. Лоб рассек, крови и сам испугался, и Нину Максимовну перепугал... За этими заботами я как-то не заметила, не осознала, что дедушка уехал. Какой-то был в Душанбе праздник восточной поэзии, юбилей классика средневековой таджикской лирики. Дед был знаток и страстный любитель Древнего Востока, сам переводил с фарси. И на эти несколько дней, пока он был на празднике, к нему вернулся вкус и смысл жизни. Он выступал, читал из своих переводов, читал на фарси. Смерть к нему пришла без тоскливого ожидания, без страха, без мук.

Еще та зима запомнилась очередями. За хлебом — очереди, мука — по талонам, к праздникам. Крупа — по талонам — только для детей. И вот кончилась зима, и Никита выздоравливал, но такая досада — в этих очередях я простудилась, горло заболело. Как никогда в жизни — не то что глотать, дышать нельзя — такая боль. Да еще сыпь на лице, на руках. Побежала в по-

ликлинику — думала, ненадолго. Надолго нельзя — маму оставила с Аркашей, а ей на работу надо, она нервничает, что опоздает. Володя в театре. Причем я уже два дня его не видела и мучилась дурным предчувствием — пьет, опять пьет.

Врач посмотрела мое горло. Позвала еще одогу врача. Потом меня повели к третьему. Потом к главному. Я сперва только сердилась, что время идет, что я маму подвожу, а потом испугалась: вдруг что-то опасное у меня. А болит горло — просто терпеть невозможно. Врач же не торопится меня лечить — позвали процедурную сестру, чтобы взять кровь из вены. Слышу разговор — анализ на Вассермана. Я уже не спрашиваю ничего, молчу, только догадываюсь, о чем они думают. Пришел милиционер. И стали записывать: незамужем, двое детей, не работает..., фамилия сожителя (слово такое специальное!), где работает сожитель... Первый контакт... Где работают родители... Последние случайные связи... Состояла ли раньше на учете...

Домой не отпустили: «Мы сообщим... о детях ваших позаботятся... Его сейчас найдут. Он обязан сдать кровь на анализ...».

Я сидела на стуле в коридоре. И молчала. Думать тоже не могла. Так, обрывки какие-то в голове: «Вот уже теперь Никиту не отдадут из больницы. И что будет с Аркашей?... Папе на работу звонят в издательство...».

Внизу страшно хлопнула дверь. Стены не то что задрожали, а прогнулись от ЕГО крика. ОН шел по лестнице через две ступеньки и кричал, не смотрел по сторонам — очами поводил. Никто не попытался даже ЕГО остановить. У двери кабинета ОН на секунду замер рядом с моим стулом.

«Сейчас, Люсенька, пойдем, одну минуту...».

И все стало на свои места. Я была как за каменной стеной: ОН пришел на помощь, пришел защитить. Вот после этого случая он развелся с Изой, своей первой женой, и мы расписались. Свадьба была 25 июля.

А горло? Есть такая очень редкая болезнь — ангина Симановского-Венсана. Она действительно чем-то, какими-то внешними проявлениями похожа на венерическую болезнь, но есть существенная разница: при этой болезни язвы на слизистой оболочке гортани абсолютно не болят. Или же эскулапы думали, что я притворяюсь?

За годы Аркашиного и Никитинового детства мы несколько раз меняли адрес. Родились ребята, как я уже писала, в квартире бабушки и дедушки, на Беговой Аллее. Потом мы с Володей переехали к Нине Максимовне, на улицу Шверника. Дом панельный, стены, как картон. Утром одним будильником можно было поднимать все три подъезда, так что соседи в доме знали, когда у нас дети дерутся и когда Володя песни сочиняет.

Жизнь в той квартире имела свою прелесть: кругом

зелено, не слишком людно. А около нашего дома был детский бассейн-лягушатник. В то давнее время он был чистенький, воду в нем меняли и дно чистили. Когда весной наступал долгожданный день наполнения бассейна, все дети с окрестных дворов сбегались к нам. Сперва они воочию видели то, о чем пишут в задачниках: две трубы, горячая и холодная, шумно извергали в бассейн сверкающие чистые струи. Этот звук мешался с восторженным детским визгом. Потом уже мамы и бабушки не могли удерживать детей, они туда бросались, запрыгивали, заползали. Кто в трусиках, а кто не успев снять нарядное платьице, с резиновыми надувными лебедями, зверушками, мячами, куклами... Теперь, проходя мимо этих мест, трудно поверить, что это было, что в бассейне купались. Сейчас — то ли недостроенный котлован для несостоявшейся стройки, то ли свалка районного значения...

Я с нежностью вспоминаю ту квартиру в Черемушках (улица Шверника теперь переименована в улицу Телевидения) — в картонной пятиэтажке без лифта — туда приходили любимые друзья — Гена Шпаликов и Витя Туров, там закусывал скороспелыми блинами после первого посещения «Галилея» Аркаша Стругацкий. Туда на Новый 1966 год Саша Евдокимов привез целых две елки, а Севочка Абдулов с Геней Яловичем устанавливали их в ведра с песком. Там Нина Максимовна, надев маску Деда Мороза, принесла ребятам мешок игрушек и гостинцев. Там Володя написал песню о Вещем Олеге и Вещей Кассандре, и о нейтральной полосе, и «Братские могилы». Туда приходили с Призльбрусья замечательные письма о горах и альпинистах.

Дети ту квартиру своей не помнят — они потом туда ходили в гости к бабе Нине. Их ребячьи воспоминания связаны с Беговой, куда я вернулась вместе с ними осенью 1968-го, когда ушла от Володи.

Больших денежных затруднений у нас в то время не было. Но и спать было не на чем в пустой квартире. Проблема требовала срочного урегулирования: детям на полу спать нельзя, хоть это им и нравилось. В одно прекрасное утро сестра Лена ушла на занятия в институт. Я сделала вид, что сплю. Была пятница — завтра забирать детей из сада. Лежбища должны быть. Любой ценой. В пределах шестисот рублей. Володя дал именно на мебель эти деньги, да все диваны не попадались. Но в то утро у меня было такое настроение, что сегодня или никогда. Сестре не сказала нарочно, пусть вечером удивится: «Ах, что это?!» А я скажу: «Это диван».

Все именно так и получилось. Даже лучше: не один диван, а три. И еще стол, стулья и тумба для белья. Денег едва хватило расплатиться за такси. (Вот написала про мебель — и смех, и грех. Кто сегодня поверит, что я просто так поехала в магазин на Профсоюзную и купила два румынских гарнитура — гости-

ную и спальню, уплатила за все 580 рублей и наняла за двадцатку такси с грузчиком до Беговой! Мифические были времена!)

Чтобы довершить полноту сюрприза, я расставила мебель так, будто она век тут стоит, а сама ушла. Лена, вернувшись из института, конечно, упала в обморок, но уже не на пол, а на новый синий диван. Увидя в окнах свет, я вернулась насладиться Лениным потрясением. Мы поликовали и стали звонить знакомым — звать на обмывание диванов. Позвонила я и Володе. Он расспросил о мебели, хорошая ли, венгерская или румынская. «И денег хватило?» — «Тютелька в тютельку. Не осталось ни копейки, а завтра суббота — за детьми ехать». — «После спектакля заеду, привезу».

Гостям мы по телефону намекнули, мол, диваны — слов нет, а вот обмыть-закусить нечем. Приехала Ольга — самый любимый наш друг, почти сестра. Отклик улся на намек Леночкин однокурсник Альберт. Остальные предпочли отложить визит до лучших времен. Альберт перед стипендией наскреб на буханку черного и две селедки. Еще был чай. Ждали Володю, двигали мебель, чтобы покрасивее стояла. Хохотали над той селедкой, как сумашедшие.

Заехал Володя. Похвалил диваны. Хмыкнул неопределенно на наше веселье. Дает нам деньги — новенькую сторублевку. Или мы правда еще сторублевок тогда не видели, или просто не сумели вовремя остановиться, только Лена с Ольгой ее хватъ с двух сторон: «Ой, какая красивая!» — и пополам. И Володя уехал... И Альберт сумрачно заспешил домой. Спали мы на новых диванах. Сторублевка, конечно, ни при чем. Я и обменяла ее наутро в банке.

Еще была история с китобоями. Начало — еще до развода. К 1968 году Володина слава, как нам тогда казалось, достигла немыслимого масштаба. На самом же деле только-только началась. Мы уже слышали его голос то из чужих окон, то из транзисторов на улице. В соседнем магазине культтоваров висел его фотопортрет. Было радостно, особенно в театре на «Галилее» и «Пугачеве», я их почти не пропускала. Но как-то было неуютно: такому уровню творческого и светского успеха я никак не соответствовала. Боялась, что Володя будет меня стесняться — дети, кухня. Он, конечно, никогда не стеснялся, но что-то уже зрело в нашей общей судьбе.

Володя уже получал горы писем. Надо сказать, что на эти письма он (и не только он) никогда не отвечал, вернее — отвечал песнями. Но пришла бандероль, в ней японские плавки, несколько пачек японской жвачки, две пустые кассеты, открытка с видом Владивостокской бухты и письмо от китобоев из флотилии «Слава». Жвачку съели дети. Плавки были хороши. Володя был тронут письмом — уходя в море на много месяцев китобой брали с собой записи его песен и слушали, слушали.

На мой немой вопрос Володя твердо сказал: нет. Отвечать — так всем. На это жизни не хватит. Значит — никому. Кассеты отправили назад — они дорогие.

На свой страх и риск я кассеты отослала, попросив брата Вальку на них переписать все, что найдет из Володиных песен (у нас своего магнитофона́ не было), и написала им письмо — длинное и подробное. И забыла об этом, потому что подошла та самая осень 1968-го. А в январе 1969-го у Аркаши была свинка, болел он тяжело. Уже на Беговой — среди незаконченной мебели, среди растерявшихся от этой болезни гостей: то ли не приходиться, чтобы не мешать, то ли приходиться, чтобы помогать, а чем тут помогать? Тут и приехали в Москву вернувшиеся из плавания китобои.

Нина Максимовна адресовала их ко мне: «Володя тебе не велел писать, а раз написала — теперь вот принимай». Мне было неловко — они ехали к любимому артисту. Причем тут я, моя сестра, больной Аркаша и здоровый Никита? Китобои — отпускники, после 8 месяцев в море — им бы на курорт, в загул, с красотками, им бы Володиных песен — а тут я со своей биографией.

Но это были замечательные мужики... Они, приехав к нам на Беговую, раскрыли внушительные чемоданы и ящики, устали нашу квартиру банками крабов, красной икры и кальмаров, принесли с базара Аркаше ведро самого лучшего, сладкого, без косточек, розовато-дымчатого винограда, потому что он от боли ничего другого не мог взять в рот. Китобои строили перед его кроватью дворцы из кубиков, пели ему колыбельные песни типа «Раскинулось море широко» и рассказывали про корабли, про путину, про то, как ловят в Японии кальмаров и как солят баночную селедку.

А нечевать они уходили в гостиницу «Москва». С Володей они тоже виделись, и песни он им пел, и в театр водил, а потом, через несколько лет, был у них во Владивостоке. Даже фото такое есть: Володя и китобой Боря Чурилин во Владивостокском порту. Приезжал Чурилин несколько раз и ко мне, когда я уже была замужем за Юрой Овчаренко.

Воспоминания штука коварная. Решаешь писать «как было». Но дневников я не вела. Факты и события путаются, ускользают. Раньше всего забывается плохое: ссоры, обиды, огорчения. Начнешь вспоминать — словно в розовом тумане: друзья, шашлык в лесу, новогодняя елка, детские улыбки на фото, букет георгинов в 1 сентября... Скорее всего память вычеркивает собственные мои ошибки, словно я была идеальная, терпеливая, добрая и страшно умная... Раз Никита что-то не то сломал, не то разбил, не то испачкал, и я заорала на него: «Скотина!» Он поднял на меня свои огромные глаза и сказал, не разжимая зубы: «Я — не скотина!» Глаза цвета стальных рельс — иссиня-

серые. До сих пор, когда вспоминаю, у меня земля из под ног уходит. Простил ли он меня тогда?! Материнская любовь — это инстинкт, а их любовь? Заслужила ли я ее? Не упустила ли это единственное в мире, самое главное, в суете повседневных забот и дел? Какой представлялась их глазам и душам жизнь, мне казавшаяся такой прекрасной? Чем я оправдаюсь, представ перед Всевышним?

Я себя помню очень рано, лет с двух. Была война, и за всеми отрывочными маленькими событиями запомнился очень ясно общий фон тоскливой бесприютности, своей незначительности, незащищенности. То давнее, неизгладимое чувство детской одинокой тоски и беспомощности осталось во мне навсегда, оно и сейчас иногда всплывает в снах, хватая за горло душе-раздирающей жалостью ко всему слабому, маленькому, беззащитному — кошкам, щенятам, птенцам. Больше всего на свете я боялась, что мои дети когда-нибудь переживут подобное, боюсь и сейчас, а вдруг было в их жизни что-то похожее? А я просто не знала, не заметила? Прав был Володя, когда хотел, чтобы я всегда была дома, не работала, сидела с детьми. Но я еще опасалась, что впаду в другую крайность — оберегая и опекая их, перестараюсь, и вырастут у меня два заевшихся самодовольных эгоиста. И, конечно, я старалась быть строгой, требовательной. У меня это плохо получалось.

Большую часть своей жизни я нахожусь в цейтноте: все время боюсь опоздать. И дело не в том, что часто опаздываю, а в том, что второпях стремясь к чему-то, я мало что замечаю вокруг себя. Бегом-бегом, скорей-скорей — к чему-то вперед. А что сейчас, сию минуту — то я осознаю потом, когда оно станет воспоминанием. Иногда это бывало почти сознательно: «Сердце будущим живет.// Настоящее уныло.// Все не вечно, все пройдет.// Что пройдет, то станет мило». И как же эта привычка жить завтрашней радостью меня всегда держала на плаву! И ведь бралась же откуда-то ничем не замутненная убежденность, что все будет хорошо, что наступит спокойное, ясное неторопливое утро — и тогда я все и всех вспомню...

Сердце будущим живет! И ведь что замечательно — каждый раз именно так и получалось. 1962, 1963, 1964, 1965-й бегом, бегом, закусив губу, точно по длинной лестнице вверх — и оно наступило: долгожданное, обетованное утро зимнее! Все плохое осталось позади: не забытое, не вычеркнутое, но пройденное, пережитое. И уже не второпях, а протяжно, полновесно, многоцветно и многозвучно разворачивается передо мной страница за страницей любимая книга — жизнь с обещанным счастливым эпилогом — плохой конец заранее отброшен: он должен, должен, должен быть хорошим!

Зима 1966-го. Володя сыграл Галилея. Все предыдущие роли в Таганке были хороши — и сами по себе, и еще как обещание

Настоящей Роли. Вершины. Он рубил ступени. Чтобы выйти на эту вершину, кроме актерского труда нужно было преодолеть еще один очень крутой подъем, оставить позади очень страшную трещину — надо было перестать пить. В этом преодолении сложилось многое — Володино усилие воли, помощь врачей, вера и желание близких. Больше всех, наверное, — требовательная любовь Юрия Петровича Любимова: Володя совершал свое восхождение не в одиночку, это было восхождение любимовского театра. Володина беда — была общая беда театра, Володина победа — победа общая. Какая победа! Какая была премьера!

Роль Галилея была Настоящая Роль. И жизнь изменилась — дети перестали болеть всерьез — так, по мелочам — иногда короткая простуда, иногда зубы, иногда шишки и царапины. Был хороший детский сад, новогодние елки, первомайские салюты, цветы на Володиных спектаклях, замечательные друзья, новые книги Стругацких, новые Володины песни. Был понедельник, когда я отвозила мальчиков в сад и всю дорогу им читала или рассказывала, и по дороге мы обязательно покупали пирожные-эклеры, которые продавались на Казанском вокзале... Были субботы, когда с утра мы с Ниной Максимовной готовили вместе обед и вылизывали квартиру, а потом я ехала за детьми, и тут уже они мне всю дорогу рассказывали про своих друзей, про свои проделки, игры, про большого серого кролика, который жил в саду. Будь он неладен, этот кролик — однажды пришлось его взять из детского сада домой, он украсил нам выходные дни!

Счастье пересказать нельзя, у него нет сюжета, есть только хронология, не пересказ, а перечисление: Володя, Аркаша, Никита, сестра Лена. Зима, весна, лето, осень. Керенский, Маяковский, Галилей, Хлопуша. Гена Шпаликов, Миша Анчаров, Веня Смехов, Валерка Золотухин... А на спектаклях я очень много плакала — как будто уже не боялась расслабиться, выплакивала все то, что сдерживалось за всю минувшую черную зэбрину полосу. Вспоминать — не больно. Слезы были легкие. Одно плохо — счастье эгоистично. Я видно так никогда и не узнаю: был ли в эти годы Володя счастлив?

Весной 1970 года наступила у нас новая эра в воспитании. Среди гостей в нашей квартире появился Юра Овчаренко. Аркаша с Никитой сразу выделили его, он с ними взял очень верный тон серьезной заинтересованности. Началось с праздничного салюта. Он их не просто повел на Пушкинскую площадь, откуда хорошо видны ракеты, взлетающие в небо, а поехал с ними на Крымский мост, где ракеты запускались совсем рядом, и какие-то остатки ракет, кружочки из жести (ценнейшая вещь, почти как маленький магнитик) валились с неба прямо под ноги. Потом был проложен маршрут к площади Коммуны: Музей Вооруженных Сил, парк с каруселями и катанием на

лодке и рядом Уголок Дурова. Потом было обещано (и вскоре исполнено!) увлекательнейшее занятие — разведение костров. Причем выяснилось, что у дяди Юры есть патрон, который можно, соблюдая предосторожности, положить в костер, и тогда...

А потом я вышла замуж за Юрия Петровича, и он много лет нам демонстрировал способы управления детской энергией: велосипед, зимние прогулки на лыжах, бассейн «Москва», исторический музей, зоопарк с заходом в кинотеатр «Баррикады», лазание по руинам в Царицынском парке, собирание грибов, коллективные генеральные уборки квартиры — как это все было необходимо! И как вовремя!...

Лето 1972-го. Володя уже давно другой жизнью живет... В то лето мне исполнилось тридцать три года. Была Таруса: мы вдосталь глотнули короткую майскую пору бурного цветения ландышей, ночной фиалки, черемухи. Мы поели земляники, насолили грибов, купались в Оке, перечитали массу книг. Жизнь несомненно и определенно выправилась: наконец-то мирное и стабильное ощущалось в нашем быте, установились маленькие семейные традиции и привычки из области воскресного досуга и кулинарных рецептов, явился семейный фотоальбом. Но так же, как в полосу трудную, знаешь, что наступит мирное утро, так и в радости есть не то что страх или ожидание, скорее чувство реальности: все не вечно, все пройдет. Минует детство, мальчики станут большими, и уйдет из моей жизни самое светлое и интересное. Не умом, а инстинктом я уверилась, что именно нам нужно.

Помню, у Юры начался отпуск, и мы собрались в поход по Оке. Байдарочными сборами руководил мой папа, у него туристский стаж почти сорок лет. Пока папа с Юрой возятся с байдаркой, я набираю рюкзаки шерстяными носками, тушенкой, мисками, котелками. Аркаша и Никита в периоде игры в индейцев. Есть и луки со стрелами, не покупные, естественно, — Юра делал. Есть и ножи складные — не такие уж тупые — Юра точил. И грести уже оба сына умеют, в короткие походы с одной-двумя ночевками мы уже ходили. Все у моих детей есть!

В последние дни Юриного отпуска, уже без мальчишек, вдвоем, мы сходили в Ясную Поляну. Я очень люблю Толстого. Много лет, каждую зиму перечитываю «Войну и мир», и каждое лето — «Анну Каренину». Любовь к Толстому — давняя семейная традиция. Мои деды, прадеды — и даже глубже — рождались и жили в станице Старогладковской. Это те самые терские и гребенские казаки, что в толстовской повести «Казаки». Среди моих предков — духоборы-начетчики, сидевшие в острогах за свою веру. Генералы. Георгиевские кавалеры. Кое-кто уезжал в Москву учиться, становились юристами и врачами. Я этой родословной по отцовской линии всегда гордилась. Но и со сто-

роны мамы тоже есть своеобразная толстовская ниточка. Бабушка моя, мамина мать, та, что читала вслух и знала народные приметы, латинские названия растений и насекомых,— дочь генерала Рудакова. По этой линии тоже есть и Георгиевские квалеры, и флотоводцы, и даже архангелогородские купцы-поморы.

Так вот, эта бабушка, красивая, образованная, талантливая, очень рано, 17 лет, выданная замуж за блестящего офицера, в 27 лет рассталась с мужем по неизвестной мне причине и примкнула к одной из московских толстовских коммун. Там за два года выучилась множеству совсем вроде бы недворянских ремесел: шила одежду, тачала сапоги и дамские туфли, валяла валенки и фетровые шляпы, доила коров, коптила окорока, печатала на машинке, знала и гончарную работу, и стеклодувную, и уж такую «мелочь», как лошадей запрягать, печи класть (русские и «голландки»), дымоходы чистить, колбасы набивать — на странице места не хватит перечислить все. Естественно, что при этом все написанное Толстым она знала досконально. Но через два года судьба ее повернула опять очень резко. Ее брат Владимир Рудаков, молодой офицер и спортсмен (он был голкипером в одной из первых русских футбольных команд), застрелился от любви. И бабушка оставила толстовство, вернулась к родным, и горе пережить, и чтобы помочь вырастить младших братьев и сестер — их было девять. В коммуну она не вернулась, но любовь к Толстому осталась и мне передалась. В том же году она вышла замуж за моего деда, но это уже другая история, а я хотела — о Ясной Поляне.

Мы пришли туда с моим мужем Юрой пешком, когда музей был закрыт на выходные дни. Два дня прожили в палатке. Было время сенокоса. Я читала Юрке вслух взятую с собой «Анну Каренину», эпизоды Левинского сенокоса. И мне все казалось, что Левин где-то здесь рядом косит, и бабушка мое чтение слушает, и сам Лев Николаевич идет между молодых елочек к любимой скамейке. А на третий день музей открылся, и в знаменитом кабинете, где над столом за книжной полкой фоторепродукция Сикстинской мадонны, я прикоснулась к тому кожанному дивану, на котором и сам Толстой, и дети его родились, и я попросила Бога, чтобы послал мне третьего ребенка — дочку. Следующей весной в страстной четверг у Никиты и Аркаши появилась сестра — Серафима Юрьевна.

Сыновья наши — народ покладистый и между собой большие друзья. И всегда были дружны. Но и дрались! Меня это приводило в отчаяние — когда дрались, когда дразнили друг друга. Но ведь и мы, в свое счастливое детское времечко, с братом Валькой дрались по-черному: и ногами, и ногтями, и за волосы... Но когда появилась у нас Симочка, настал для меня, не только для меня, конечно, удивительный, почти неправдоподобный счастливый мир. Самое главное, что хотя забот в доме прибави-

лось, это не вызвало у ребят ни раздражения, ни ревности. И гуляли с ней, и таскали на руках, и пели песни, и пеленали даже, и хохотали над ее первыми словечками. Аркадий лихо управлялся со стиральной машиной, и в магазины ходил, и на молочную кухню за кефиром. И я наслаждалась Симочкиным спокойным нравом, вспоминала, как страшно трудно было со старшими — тесно, стиральной машины не было, сама я ничего не умела.

Нина Максимовна считала Симу своей внучкой, носила ей гостинцы. На работе, под стеклом рабочего стола, рядом с Аркашиной и Никитиной лежала у нее и Симина фотография. И Сима считала, что баба Нина ее бабушка, раз она бабушка ее братьев. А братья звали Юрку папой. Володя к нам часто приходил, когда был в Москве. Сима кричала: «Бабы Нинин Вовочка пришел!» Она знала, что он сын Нины Максимовны. Она любила бабы Нининога Вовочку. Вот только не знала, что он отец Аркаши и Никиты. И не знала, что он знаменитый артист, певец и поэт. Долго не знала. И Володя с горечью и гордостью говорил, что есть хоть один человек на свете, который его любит не за славу, не за «Мерседес», и не за талант, не по родству даже, а за него самого. Как я в шестидесятые годы.

Баскетбол Никитин в время заслонил для него все остальное — детские игры, увлечение домашним театром, даже семейные праздники. И домашние чтения вслух отступили перед ежедневными тренировками. У Аркаши был Планетарий, была астрономия с ежегодными дипломами на олимпиадах. Но Аркаша мог прогулять планетарский кружок, мог залениться, сочиняя реферат по каким-нибудь коллапсирующим звездам — то проболтается с одноклассниками на улице, то увлечется химическими опытами (еще то было увлечение, его лучше не вспоминать!), то просидит вечер с любимым гостем — моим другом художником Геночкой Калиновским. У Никиты были и друзья, и учился в школе он гораздо лучше Аркадия, ровнее, серьезнее, и дома умел он нас всех поражать лаконичным юмором и редкой для мальчишек деликатностью. И читал он много, но никогда не пропускал тренировок, они были не физической нагрузкой, а особенной формой духовной жизни. Еще имело значение, что это баскетбол, это команда, школа олимпийского резерва. Они хорошо играли. Летом уезжали в лагерь, а мы приезжали навещать.

Меньше всего в продолжение Никитинога детства я думала, что он станет актером. То есть, если честно вспоминать, я профессию для Никиты вообще не загадывала, а беспокоилась только о его взрослом характере, о человеческой судьбе. И при этом, как красивому лицу любая одежда пойдет, так к Никитиному характеру подходила любая профессия, но страшно было (и сейчас страшно) — такой характер — к легкой ли судьбе? Максимализм, замкнутость (он в отца, тайна Володи-

ного темперамента в айсберговом преобладании невидимого накала над внешним проявлением), гордость — все это не сулит бестревожной жизни.

Профессию он выбрал сам. Когда выбрал — не знаю. Сказал уже в десятом классе, когда Володи не стало. Обсуждения не было. Только в деталях — куда и когда поступать, с кем посоветоваться о репертуаре для вступительных экзаменов. После десятого класса он пошел работать на завод и готовился к поступлению — исправлял недостатки дикции, готовил репертуар. Еще продолжался баскетбол, почти ежедневные тренировки, еженедельные игры, но это уже было — сто дней после детства. Летом 1982 года он поступил в Школу-студию МХАТ, где не только стены, но и многие педагоги хорошо помнили студенческие годы его отца.

Я никогда не хотела, чтобы наши сыновья выбрали себе профессии в искусстве, потому что боялась за них. Дети великого артиста заранее обречены на постоянное сравнение с ним, на некоторую «гонку за лидером». Как я мечтала, что Аркаша станет астрономом! И ведь он сам так увлекался физикой и математикой, так любил астрономический кружок в Планетарии. Это продолжалось много лет. Какие замечательные книги мы с ним собрали, какие он рефераты писал... И все-таки это оказалось своеобразным приложением к фантастике Стругацких, все-таки каждый реферат заканчивался перечитыванием наизусть знакомых любимых страниц из «Пикника на обочине» или «Отеля у «Погибшего альпиниста». Заканчивая школу весной 1980 года, он готовился поступить в Физико-технический институт. Сдал туда экзамены. Ждал зачисления. Он надеялся. Я — нет. Я знала, что Физтех в Долгопрудном — это сплошные «почтовые ящики», космос, военная промышленность, военные тайны. Я знала, что отцовская фамилия там будет непреодолимой преградой. А Аркаша еще и не комсомолец, для 1980 года это уже вообще предел. Разве что чудо. Но чудес не бывает. Зачисление было 25 июля. Рано утром Аркаша уехал в Долгопрудный. Он не нашел своей фамилии в списках зачисленных. Его не приняли по тем самым соображениям — отец связан с заграницей... Аркаша потом передал документы в МГУ, поступил на факультет вычислительной математики, увлекся программированием. Страшно быстро остыл, бросил учение, стал писать стихи, сдал в «Букинист» астрономическую библиотеку... Как говорится, от судьбы не уйдешь. Володин друг Вадим Иванович Туманов взял тогда над ним шефство, принял в золотопромышленную артель, увез на Урал. Два сезона в артели, математика, семейные предания о храбрых предках, детские воспоминания — все это к 1984 году сложилось в небольшую повесть, которую вместе с пачкой своих стихов отдал Аркаша на конкурс сценарного факультета института кинематографии. Поступлением во ВГИК окончилось Аркашино детство.

Когда Володя бывал у нас в семидесятые годы, он рассказывал о работе в спектаклях, которые шли в Таганке, о съемках, о своих путешествиях, но о его личной жизни мы не говорили никогда. Я замечала, что он изменился. Пропала смешильность, прошел восторженный интерес к науке, прошла любовь к фантастике. Зато он много говорил о живописи. Больше всего — о Дали. Он стал читать Флоренского, Розанова, Бердяева — приносил их мне, я то их знала только понаслышке. Восхищался платоновским «Чевенгуром», заставил меня прочесть, вернее, перечитать, «Котлован», огорчился, что мне Платонов не нравится. А мне не Платонов, мне Володина мрачность не нравилась. Я как бы боялась Платонова. Как иногда боишься предсказаний судьбы, страшных снов, роковых диагнозов — лучше не знать. А Володя знал. И это знание плохого конца читалось в его тяжелом взгляде, в неожиданных паузах среди разговора, в коротком, обрывающемся смехе. Оживлялся он, когда рассказывал про чей-то успех: «Нет, ты должна посмотреть! До Валерки так никто не играл Трофимова! Это провальная роль, ее вообще нельзя сыграть. (Это о «Вишневом саде».) Текст мешает, его страшно много. Ты обязательно посмотри — он потрясающе мимо текста играет, мол, не в этом дело...».

«Вишневый сад» я посмотрела, хотя вообще я старалась не ходить в Таганку, чтобы слишком сильным впечатлением не нарушать свою устоявшуюся мирную жизнь. Золотухин был действительно удивительно интересен в Трофимове. Еще Володя любил рассказывать, как Ваня Бортник играет в «Ревизской сказке» Коробочку.

В те годы часто возникали жуткие слухи, что Володя разбился насмерть в своем «Мерседесе», что покончил с собой, что его уволили из театра, а чаще всего, что он решил стать эмигрантом... Я пугалась, верила, потом перестала верить... Но не только у меня — у многих было предчувствие: вот-вот случится. Поэтому слухи эти так быстро облетали Москву. Говорили, что он пьет. Говорили, что ищет смерти, гоняя на машине. Говорили, что он испугался, что нет новых песен, что хочет уйти из театра... Но уж столько лет, столько раз говорили... Все равно это было неожиданно: смерть. Во всей своей громадной непоправимости. Смерть. Так мы все перед ней и остановились. Ничего не поняв. Никакие слухи, никакие предчувствия, ни знание — ничто не может к этому подготовить. Смерть нельзя понять. 25 июля 1980-го. Мы с Никитой были у моей мамы — смотрели по телевизору что-то олимпийское. Ждали Аркашу с Физтеха — его не было. Не дождались, пошли домой. Еще из лифта был слышен телефонный звонок — я думала, это Аркаша, схватила трубку. Володя умер. Уже вся Москва знает. Он умер перед рассветом.

В сутолоке лиц, слов, встреч в эти дни проступило самое

главное: это была огромная Смерть, еехватило на всех, потому что его Жизнь была огромная. И еще одно: горе объединяет, все были вместе. Но «сердце рвется пополам, ты повернул глаза зрочками в душу». Вот этот взгляд в собственную душу. Каждый — в свою. Каждый один на один с непостижимой тайной жизни и смерти. Со своими воспоминаниями. Страшно! И хочется быть с людьми, говорить. Преодолеть это одиночество.

Много-много людей, с кем-то я встретила впервые, кого-то не видела лет десять...

«Я вернулся в театр»,— сказал Колечка Губенко.

Седой Валя Никулин. Седой жора Епифанцев. Совершенно седой Володя Акимов сказал: «Пойдем, тебя Марина зовет». «Люся, сестра...» — сказала Марина.

У Артура Макарова лицо от напряжения казалось свирепым. Я плохо запомнила, что было в эти дни. Только лица.

Все спрашивали о сыновьях, как они. Я не знаю, как они. Я и сейчас не знаю, что они тогда чувствовали. Наверное, так же как я, смотрели на лица. Наверное, так же как все, смотрели в себя, в свою душу. Может быть, пытались понять, чем Володя был в их судьбе. Может быть, думали о том, как мало знали его. Очевидно, чувствовали себя чужими среди малознакомых людей. Очевидно, всеобщее внимание и сочувствие им были очень тяжелы. Я ничем не могла им помочь! Ребята должны были сами пережить и осмыслить все, что свалилось на них. И если для меня время, остановившееся в ту минуту, когда я услышала по телефону: «Володя умер!», как бы шло назад, уносило меня в прошлое, то им часы стремительно отсчитывали взрослость. Сквозь всю сумятицу чувств, сквозь отчаянную растерянность и одиночество я видела, что их уносит от меня, от моей любви, от детства, которое мне так дорого, дороже всего на свете. Нас несет в разные стороны. Где они? Что будет с нами? Вернется ли незаменимое счастье родства, понимания с полуслова, без слов? Потеряю ли я их, как потеряла Володю? И где-то на дне души теплилась почти неосознанная мысль о дочке, о Симочке. Она у меня есть! Она была далеко в это время — они с отцом отдыхали в Крыму. Но она — моя, со мной.

Все вернулось. Смерть не все возьмет, только свое возьмет.

Где кончается детство, там кончаются мои родительские права на воспоминания о них. Да, я завидую тем мамам, у которых дети — просто их дети, не дети Родины, не дети великого поэта — просто мальчики и девочки. Поделив отцовские способности, отпущенные им в наследство, подарив мне неистощимую радость быть их мамой, бояться за них, восхищаться ими, ждать их, говорить о них,— они живут своей жизнью. И эта жизнь — взрослая, самостоятельная — уже не глава из Володиной биографии. Они должны и имеют право строить ее сами и говорить (если захотят) об этой своей жизни и о своей работе сами. Все еще впереди. Аркаша — сценарист, писатель. Каких

детей мне Бог дал! Невероятно — такие все трое разные и такие прекрасные. И какое счастье, что очень многое из того, что я люблю, что дорого мне, любят и они. Сима любит японские стихи и философию. Никита не просто любит Таировскую традицию в театре, но и продолжает эту чудную эстетику в своем Московском маленьком театре, особенно в спектакле по пьесе Николай — это прекрасное зрелище в стиле комедии дель арте. Аркадий любит «Анну Каренину» и семейные легенды, и он когда-нибудь напишет длинную и прекрасную сагу о нашей семье, о всех наших предках, и об отце, и обо мне. И всегда, как незаслуженная награда, как чудо, действовала на меня их ответная радость — когда оказывается, что они тоже без меня скучали. Я отдаю им себя на суд с волнением, но без страха — пусть судят справедливо. Я прожила прекрасную жизнь. Прекрасную и счастливую. Благослови, Господи, моих ребят — они в трудное время стали взрослыми, их поколению еще много достанется и увидеть и вынести.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

— Людмила Владимировна, давайте начнем с вопроса: нужно ли искать и знать всю правду?

— Нужно. В этом я не сомневаюсь. Но в какой степени мы — именно мы — готовы к этому? Готовы к тому, чтобы говорить правду, заглушая собственные мелкие, но очень ощутимые обиды... А иной раз и слезы. Но надо говорить все. Проходит время, и остается одна голая правда. Но если мы не скажем всего сейчас, то правда может оказаться неполной.

Да, больше всех, лучше всех, полнее всех — и не только о себе, но и о других — рассказал Володя. Это стало уже таким общим местом, что и говорить об этом неинтересно... Интересно говорить о том, в состоянии ли мы что-то добавить к Володиному рассказу. Добавить что-то новое, неизвестное? Наверное, да. Потому что в его картине мира все-таки есть «белые пятна». Володя, как Магеллан, совершил кругосветное путешествие по своей душе и по нашим жизням. А ликвидировать эти «белые пятна» — это наш долг, долг тех, кто знает и помнит.

— Я сама страшно хочу этой правды... Но не всегда умею и смею сказать... И побаиваюсь всей правды. Хотя себе повторяю и Богу молюсь: только правда, только правда! Но иногда чего-то так прочно боишься в подсознании, что невольно обходишь острые углы.

— То есть, работают какие-то внутренние тормоза и табу?

— Да, они работают. И работают практически у всех. Я думаю, что именно это объясняет недостатки почти всех воспоминаний о Володе. Но повторяю: нужна вся правда.

— Недавно опубликованы воспоминания врачей, которые лечили Высоцкого. Они достаточно откровенно говорят о болезни и о смерти... Это же ранит близких... Вам не больно?

— Страшно больно. Я заново и очень подробно представила

себе, как ему было нестерпимо больно (Володя вообще плохо переносил физическую боль)... В первый раз так подробно я прочитала в журнале «Столица», как Володе стало плохо в Средней Азии, в Бухаре. Представляю, как страшно ему было, когда он почувствовал, что умирает. Это тяжело, но это тоже надо...

— Людмила Владимировна, Вы работаете теперь в музее Высоцкого. Почему Вы пришли сюда после девяти лет молчаливой и достаточно уединенной жизни?

— Потому что это нужно. Нужен музей и мое посильное участие тоже необходимо. Оно приносит какую-то пользу, я это вижу.

— Самое печальное во всей, в общем, оптимистической ситуации с наследием Высоцкого то обстоятельство, что разобщены его друзья, разбиты на группы люди, которые занимаются изучением его творчества.

— Я готова жизнь положить, чтобы эта разобщенность сменилась хотя бы сотрудничеством. Хотя и не обольщаюсь на этот счет. Но все равно я буду действовать, как будто твердо уверена, что сделаю это.

Русский поэт — всегда трагическая фигура. Трагическая, по сути своей, и драматическая — в смысле сложности конфликтов поэта и его окружения: политического, социального, семейного, дружеского. Естественно, что и посмертная судьба долго остается трагической...

Нужно в каждом пробудить чувство боли от этой разобщенности... А если сближения и окончательного примирения не произойдет, то каждый из нас, уходя, будет страдать от того, что мы не успели помириться в этой жизни...

И тут вот что еще важно. Чем больше мы узнаем правды — пусть самой горькой, тем скорее поймем, что никакая правда не может бросить тень ни на Володю, ни на нас...

**Людмила Владимировна Абрамова
Валерий Кузьмич Перевозчиков**

ФАКТЫ ЕГО БИОГРАФИИ

ЛЮДМИЛА АБРАМОВА О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ

Редактор И. ТЕРТЫЧНЫЙ

**Оформление художника Е. АНТОНОВА
Технический редактор Н. МАСАЛОВА
Корректор А. САДОВНИКОВА**

**Сдано в набор 07.06.91. Подписано в печать 18.07.91. Формат 84×108^{1/32}.
Бумага газетная. Бумага для вклейки офсетная. Печать высокая. Усл.
печ. л. 5,88+0,42 вклейки. Уч.-изд. л. 7,2+0,42 вклейки. Усл. кр.-отт. 6,61.
Изд. № 1. Тираж 60 000 экз. Заказ № 2164. Цена 6 руб.**

**Издательский центр «Россия молодая». 129344, Москва, ул. Радужная, 13.
Книжная фабрика № 1 Министерства печати и массовой информации
РСФСР. 144003, г. Электросталь Московской области, ул. Тевосяна, 25.**

Вера и грами - Бмевник жмен-
шины - но йспевденнито. Я
йримал душ, йохудел, йобрился,
болость увыгейкой и, говоряйт,
Был неотрозим Жоло, лийнк
ты не видела, огнь я был
А вери не еялоось мне до
в - гасов уйра и найи-

сая я йсенно:
Весна еуї в нагапе

Еуї не загулялч,

Но уже душа рвалася из зручи,
И вдруг йриодет двое

С конвоем, с конвоем:
"Бденсья, - говорей, - и выходи.

Я так тогда йросил у йарщины
- Не уведите меня из Весны

До мая йбойшеля

Вїї расколоть хошеля,
Но, - найс вам, темню я 40 дней.

И вдруг, как може мне в сїину
Забрала Катерину

И следовийель сїап меня глывнел

6 руб.

АВИА

Куда Москва А-40
Беговая аллея 3
кв 186

Кому Абрамовой
Людмиле Вл.

Адрес отправителя г. Свердловск
ул. "Большая Урал"
№ 464 Виссукому
В. С.

АВИА

ДЕНЬ
КОСМОНАВТИКИ

Куда Москва
Н. Геримухи
ул. Тельвигеня 11 корпус 4
Кому Абрамовой Л. В.

Адрес отправителя г. Свердловск
ул. "Большая Урал"
№ 464 Виссукому
В. С.

АВИА

В Ленинграде пробная почта.

Куда Москва
Н. Геримухи
Тельвигеня 11 корпус 4
Кому кв 41
Абрамовой Л. В.

Адрес отправителя г. Свердловск
ул. "Большая Урал"
№ 464 Виссукому
В. С.